А. А. Олесницкий

Рифм и метр Ветхозаветной поэзии

Впервые опубликовано в журнале:
«Труды Киевской духовной академии»
1872 г., том III, №10-12, стр. 242-294, 403-472, 501-592.

www.bibleist.ru

РИѲМЪ И МЕТРЪ

ВЕТХОЗАВѢТНОЙ ПОЭЗІИ.

Вступленіе.—Исторія вопроса: экзегеты—классики, иерарабисты, отрицатели; націоналисты, философы. Общіе выводы.

Не многія изъ проявленій внутренней жизни народа связаны до такой степени съ частными особенностями духа народнаго, съ тѣмъ, что называется геніемъ народа, какъ проявленія въ формахъ поэзіи. Ни одинъ стихъ народный, ни одна черта въ строѣ этого стиха не могутъ стоять гдѣ-либо hors d'oeuvre народной почвы, но выходятъ непосредственно изъ послѣдней глубины ея и разскрываютъ собою духъ народа на столько, на сколько не разскрываютъ его всѣ другія жизненныя проявленія во всей ихъ совокупности. Величавая мягкость и ровность гекзаметра Гомера, строгость и степенность метрики народной нѣмецкой поэзіи, эластичная грація нашей былины характеристичны до такой степени, что по нимъ можно было бы составить полное понятіе о характерѣ и духѣ того или другаго народа, еслибы всѣ другія жизненныя проявленія его и не были извѣстны. И только совершенно ничтожный въ своей исторической жизни народъ, неуспѣвшій образовать изъ себя отдѣльнаго самостоятельнаго цѣлаго, можетъ не заявить себя самостоятельно въ своей поэзіи, не издать своего роднаго поэтическаго звука. Вотъ почему исторія народовъ, дробящаяся въ частностяхъ, какъ бы они ни были многочисленны, водится

www.bibleist.ru

съ однимъ мертвымъ тѣломъ, если она не озаботится прислушаться къ самому, такъ сказать, дыханію жизни, къ его поэзіи. Именно только въ поэтическихъ формахъ пульсъ народной жизни даетъ себя ощупать и безошибочно взвѣсить степень напряженности и силы народнаго духа. Поэзія служитъ свободнымъ проявленіемъ жизни при зарожденіи общества; она сопровождаетъ развитіе всей народной жизни и падаетъ только съ окончательнымъ подрывомъ этой жизни и даже въ то время, когда общество уже не способно къ новому оригинальному проявленію въ поэтической формѣ, все еще слышится въ устахъ народа древняя пѣснь, сложившаяся въ періодъ здоровой молодости.

Такими приблизительно чертами историки народныхъ литературъ вводятъ въ свои изслѣдованія о поэзіи. Мы, съ своей стороны, спѣшимъ здѣсь же сдѣлать ограниченіе. Неистощимый въ разнообразіи своихъ проявленій, духъ человѣка долженъ былъ, какъ вездѣ, такъ и въ формахъ поэзіи идти только *поступательно*. Если въ нашихъ европейскихъ поэзіяхъ форма съ одной стороны очень очевидна для перваго слуха, съ другой такъ развита, что равномѣрно проникаетъ собою каждый звукъ, каждую букву слова, не оставляя мѣста произволу пѣвца, то этого нельзя искать въ поэзіяхъ глубокой древности. Далѣе, подобно тому какъ языки народные чѣмъ ближе стоятъ къ временамъ первобытнымъ, тѣмъ болѣе обнаруживаютъ взаимнаго сходства въ словахъ и выраженіяхъ (какъ это à-pріогі заставляетъ предполагать единство человѣческаго рода), и поэтическія формы сдвигаются все ближе и ближе къ одному началу, если, въ разсмотрѣніи ихъ, идти постепенно глубже и глубже въ древность. Не то, чтобы всѣ древнія пѣсни у всѣхъ народовъ пѣлись на одинъ ладъ (напротивъ именно тамъ, во времена перваго роста человѣческаго слова бываетъ ощутительно разнообразіе, колебаніе и видимая неправильность въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ); но общій законъ и порядокъ поэтическаго движенія одинаковъ у всѣхъ

www.bibleist.ru

народовъ перваго цикла древности. «Слушаете ли вы древняго Индійца, Египтянина или Еврея», говоритъ Мюллеръ, «вы равно чувствуете себя у корня человѣческой поэзіи, и если вслушаетесь лучше въ эти звуки, вы увидите первичный законъ и мотивъ поэзіи движущимъ и направляющимъ еще колеблющееся и не твердое чувство». Тоже самое нужно сказать впрочемъ и о нынѣшнихъ собственно народныхъ поэзіяхъ, хранящихъ неизмѣнно характеръ древней пѣсни. Народный поэтъ создаетъ свои пѣсни изъ нѣдръ духовной цѣлины народа, а потому какъ въ отношеніи къ содержанію не чувствуетъ въ себѣ особеннаго личнаго элемента, такъ и въ отношеніи къ формѣ не задумывается надъ изобрѣтеніемъ новыхъ искусственныхъ движеній для своей пѣсни. Это уже дѣло дальнѣйшаго научнаго развитія народнаго чувства и вкуса. Чтобы объяснить свое положеніе представляемъ читателю примѣръ въ поэзіи греческой, о которой намъ часто придется упоминать впослѣдствіи. Совершенно справедливо не допускаютъ (См. Карьера Искусство.... 86) чтобы Иліада и Одиссея въ нынѣшнемъ ихъ видѣ могли принадлежать Гомеру. «Единство и выработанность гомеровскаго стиха подобны не столько корню, первому проявленію внутренней силы начинающей свою историческую жизнь Греціи, сколько многолистому вѣнцу дерева жизни, гдѣ растительная сила мѣрно и съ увѣренностію выгоняетъ вѣтви во всѣ стороны и гдѣ частности сводятся одна съ другою уже развитымъ чувствомъ красоты». Конечно у подлиннаго Гомера было много метрическихъ вольностей, которыя были выглажены впослѣдствіи поэтами—книжниками, списывавшими Гомера когда явилось письмо. Иначе Гомеръ былъ бы какимъ то титаномъ, стоящимъ выше обыкновеннаго историческаго порядка. Всѣ древнія пѣсни Индіи, Египта, Вавилона, Іудеи, по своей формѣ весьма сходныя между собою, далеко не похожи на то, что называется стихомъ Гомера.

Ставя, такимъ образомъ, категорически метрическія формы всякой поэзіи подъ общій законъ прогрессивнаго развитія отъ

www.bibleist.ru

безъискусственнаго, часто неровнаго и грубоватаго метра начальнаго и народнаго до искусственно обточеннаго метра книжнаго, мы здѣсь предвидимъ возраженіе касательно поэзіи древнееврейской, составляющей предметъ нашего изслѣдованія, и имѣющей то высокое преимущество, что въ ея формахъ передано ветхозавѣтное Откровеніе. Фактъ весьма замѣчательный, что всѣ древнееврейскіе поэтическіе памятники имѣютъ характеръ священно-религіозный. Желанія нѣкоторыхъ толкователей видѣть остатки свѣтской поэзіи въ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, напримѣръ въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, прямо противорѣчатъ голосу всей древности. Извѣстное мѣсто изъ пророка Амоса (6, 5), которое часто приводится въ доказательство существованія у евреевъ особенной поэтической литературы съ свѣтскимъ характеромъ, скорѣе говоритъ совершенно противное, такъ какъ именно тамъ названо подражаніе *лирѣ Давидовой*. Что касается древнееврейскихъ поэтическихъ памятниковъ, не сохранившихся до насъ, напримѣръ книги браней Іеговы, книги Праведнаго, то, какъ видно изъ ихъ названій, они имѣли также религіозный характеръ. Такимъ образомъ вся поэтическая литература древнихъ евреевъ неразрывно связана съ религіею. Религія своимъ высокимъ вліяніемъ возвышаетъ естественныя формы еврейской поэзіи, сообщаетъ имъ особенную жизнь и силу. Съ другой стороны ветхозавѣтное Откровеніе, влитое въ формы этой поэзіи, дѣлается какъ бы нераздѣльнымъ съ нею, такъ что если Откровеніе сдѣлало еврейскую поэзію священною въ ея формахъ, то съ другой стороны эта послѣдняя самое ветхозавѣтное Откровеніе сдѣлала еврейскимъ по преимуществу и весьма часто понять смыслъ той или другой ветхозавѣтной книги невозможно безъ знакомства съ характеромъ и формами поэзіи. Въ этомъ именно заключается главное литературное различіе ветхозавѣтнаго Откровенія отъ новозавѣтнаго. Если отличительная черта новозавѣтнаго Откровенія, какъ переданнаго простымъ, непоэтическимъ языкомъ, есть его отвлечен-

www.bibleist.ru

ность, по которой оно удобно можетъ передаваться на всѣхъ человѣческихъ языкахъ, то Откровеніе ветхозавѣтное, по своей конкретной поэтической формѣ, связано болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, съ духомъ и характеромъ еврейскаго языка и поэзіи. Это не случайное явленіе, что переводы св. Писанія ветхаго завѣта во многомъ не могутъ согласиться между собою. Оригинальныя формы восточной поэзіи часто ставятъ мысль такимъ образомъ, что къ ней трудно подойти съ обычными въ нашихъ языкахъ пріемами и потому обнять весь горизонтъ ея въ той широтѣ, какую даетъ подлинный стихъ Библіи, бываетъ невозможно для нашего непривычнаго европейскаго ума. Такимъ образомъ вопросъ о библейской поэзіи—вопросъ неизмѣримой важности для изслѣдователей Библіи и долженъ занять первое мѣсто въ библейской герминевтикѣ. Такъ или иначе понять и рѣшить его значитъ такъ или иначе понять всю библію. Если напримѣръ, раціоналисты отвергали ученіе о Троицѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ, если мистики видѣли въ Библіи осьмирицы или десятерицы божественныхъ элементовъ, то потому только что одни вовсе не имѣли, а другіе не имѣли правильнаго понятія о такъ называемомъ параллелизмѣ членовъ, повторяющемъ повидимому синонимы одного и того же понятія.

Эта именно связь ветхозавѣтнаго Откровенія съ древнееврейскою поэзіею представляетъ сущность возраженія, котораго можно здѣсь ожидать. Позволяетъ ли достоинство ветхозавѣтнаго Откровенія ставить формы древнееврейской поэзіи рядомъ со всѣми поэзіями древняго міра; или же эти формы, какъ наружная оболочка богооткровенной письменности, требуютъ особеннаго къ себѣ отношенія со стороны изслѣдователей? Этотъ вопросъ не разъ останавливалъ нашихъ толкователей и кажется именно въ невѣрномъ рѣшеніи его кроется причина, почему въ нашей богословской литературѣ нѣтъ даже малѣйшаго намека на руководство къ изученію ветхозавѣтной поэзіи. По нашему мнѣнію здѣсь

www.bibleist.ru

возможенъ одинъ только и самый простой отвѣтъ. Поэтическія формы не раздѣльны отъ языка и если Духъ Божій, споспѣшествовавшій духу человѣческому, благоволилъ влить свое Откровеніе въ древнееврейскій языкъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ вошелъ во всѣ требованія и условія языка. И если этимологія и синтаксисъ библейскій не могутъ имѣть другаго метода изученія, кромѣ метода общаго всѣмъ восточнымъ языкамъ, то тоже нужно сказать и о *просодіи* или о формахъ библейской поэзіи, которая, если позволительно употребить здѣсь выраженіе Гёте, «во всякомъ случаѣ представляетъ одну и притомъ самую звонкую и чистую ноту общечеловѣческаго хвалебнаго гимна Божеству, тѣхъ гармоническихъ изліяній, которыя несутся отъ всѣхъ вѣковъ и странъ то одиночными звуками, то частными ликами, то фугами, то безконечными волнами трепетныхъ сердечныхъ движеній человѣчества, въ усладу смертнымъ, въ воню благоуханія Вѣчному».

Прежде чѣмъ приступимъ къ изслѣдованію, считаемъ необходимымъ представить историческій рядъ отношеній къ нашему вопросу со стороны различныхъ изслѣдователей, во всѣхъ извѣстныхъ намъ подробностяхъ. Подобнаго рода введеніе въ изслѣдованіе, какъ ни утомительно и сухо оно можетъ показаться, считаемъ необходимымъ какъ потому, что оно само по себѣ представляетъ замѣчательную, хотя и забытую главу въ исторіи библейской экзегетики, такъ и потому, что безъ него читатель, неподозрѣвающій крайней трудности и сложности нашего вопроса, можетъ потребовать отъ насъ невозможнаго, если мы не предупредимъ его указаніемъ критерія для оцѣнки нашего взгляда и изслѣдованія.

Такъ какъ поэзія имѣетъ прежде всего непосредственную связь съ самою жизнію, то, когда эта жизнь прекращается, и поэзія, какъ пульсъ этой жизни замираетъ, не только въ томъ смыслѣ, что перестаютъ являться новыя поэтическія произведенія

www.bibleist.ru

и новыя особенности въ метрическихъ формахъ, но даже въ томъ, что оригинальныя особенности и красоты древней поэзіи постепенно дѣлаются темными и непонятными. И чѣмъ древнѣе народъ, тѣмъ труднѣе бываетъ понять и оцѣнить характеръ его поэзіи. Вотъ почему въ исторіи изученія еврейской поэзіи, начавшагося послѣ совершеннаго паденія исторической жизни народа Божія, приходится встрѣчать самые противоположные, односторонніе и фальшивые взгляды не только у позднѣйшихъ европейскихъ археологовъ, но и даже у древнѣйшихъ знатоковъ Библіи ученыхъ евреевъ. Большею частію эти взгляды обусловливались историческими обстоятельствами. Не понимая многаго въ духѣ древневрейской поэзіи и жизни, археологи старались вдохновить ее элементами той жизни, которою жили сами. А такъ какъ со времени окончательнаго паденія древне-іудейской жизни, въ Европѣ и Азіи господствовалъ духъ *греко-латинской*, и потомъ *арабской* культуры, то этими двумя культурами попеременно старались обозначать и сущность древнееврейской поэзіи. Неудовлетворительность многихъ подобнаго рода объясненій еврейско-библейской поэзіи, являвшихся на пространствѣ многихъ вѣковъ, постепенно породила сначала *сомнѣнія* въ возможности найти метрическія и риемическія формы въ Библіи, а потомъ охлажденіе къ вопросу и положительныя *отрицанія* на различныхъ основаніяхъ всякихъ поэтическихъ формъ въ священной поэзіи, пока наконецъ въ новѣйшее время этотъ вопросъ не выдвинутъ снова, съ новою силою и на новой почвѣ.

Древнѣйшіе іудейскіе ученые, современные паденію древняго іудейства, а за ними и всѣ гебраисты изъ отцовъ церкви были того мнѣнія, что древнееврейская поэзія съ внѣшней стороны не отличается отъ формъ поэзіи греческой и латинской. Первый высказалъ этотъ взглядъ александріецъ *Филонъ* (de vita contempl. 901, 902, 606). Не будучи самъ близко знакомъ съ библейскимъ языкомъ, но увлеченный греческою цивилизаціею и переложившій

www.bibleist.ru

уже всю ветхозавѣтную догматику на термилогію греческихъ философовъ, Филонъ безъ какихъ либо особенныхъ объясненій объявилъ своимъ послѣдователямъ эллинистамъ, что какъ Моисей, «изучившій въ Египтѣ, вмѣстѣ съ музыкою и гармоніею, искусство метрики и ритмики греческой, такъ и всѣ древніе пѣвцы и пророки писали свои пѣсни *тримметрически* и *строфически*». Другой древне іудейскій писатель *Іосифъ* говоритъ еще яснѣе тоже самое. О пѣсни по переходѣ чрезъ Чермное море онъ замѣчаетъ: «и составилъ Моисей пѣснь Богу, въ которой заключалась хвала и благодареніе за благодѣянія, *въ гекзаметрѣ* (ἐν ἑξαμέτρῳ τόνῳ. Древн. Флав. кн. 11. гл. 7). Пѣснь Втор. 32 у Іосифа описывается такъ: «послѣ сего Моисей прочиталъ имъ (евреямъ) *гекзаметрическую* пѣснь, которую онъ вписалъ въ священныя книги и которая заключаетъ пророчество о будущемъ» (Древн. IV, 8). А о псалмахъ Давида у Іосифа есть такое замѣчаніе: «освободившись отъ враговъ и наслаждаясь глубокимъ миромъ, благодарный Давидъ воспѣлъ оды въ честь Божества и гимны различными метрами, одни двухстопные, другіе пятистопные (ᾠδὰς εἰς τὸν Θεὸν καὶ ὕμνους μέτρα ποικίλα, τὰς μὲν γὰρ τριμέτρους, τὰς δὲ πενταμέτρους ἐποιησεν. Древн. VII, 12)». Это мнѣніе вѣроятно было общимъ въ іудейскихъ школахъ первыхъ вѣковъ христіанства. По крайней мѣрѣ христіанскіе гебраисты того времени, даже стоявшіе весьма близко къ традиціямъ синагоги, продолжаютъ прилагать греко-римскій метръ къ разнымъ отдѣльнымъ книгамъ Ветхаго Завѣта. Въ сочиненіи de praepar. evang. (XI, 3, 514. изд. Col.) *Евсевія* находимъ слѣдующее мѣсто: «есть у нихъ (евреевъ) «метрическія сочиненія (ἔμμετροι ποήσεις), какъ напримѣръ великая ода Моисея и Давидовъ псаломъ 118-й, написанные метромъ, который у Грековъ называется *героическимъ* (τῷ καλουμένῳ παρ' Ελλησιν ἡρῴῳ μέτρῳ). Говорятъ, что это былъ гекзаметръ, сложенный изъ шестнадцати слоговъ. Другія же метрическія пѣсни сложены у нихъ изъ стиховъ трехстопныхъ и четыре-

www.bibleist.ru

стопныхъ». Выраженіемъ *говорятъ* (φασι) Евсевій очевидно высказываетъ не свое мнѣніе, а мнѣніе другихъ тогдашнихъ ученыхъ знатоковъ библейскаго языка. Если подобныя ссылки на мнѣнія другихъ еще могутъ быть просты и понятны у историка Евсевія; то онѣ получаютъ особенное значеніе, встрѣчаясь въ сочиненіяхъ такихъ великихъ въ христіанскомъ мірѣ гебраистовъ, какъ Оригенъ и Іеронимъ. «Если кому, говоритъ въ предисловіи къ книгѣ Іова Іеронимъ, кажется невѣроятнымъ, что у евреевъ какъ псалмы, такъ и Плачь Іереміи и почти всѣ пѣсни, заключающіяся въ священныхъ книгахъ, написаны по стихотворной мѣрѣ въ родѣ нашего Флакція, греческаго Пиндара, Алкеона и Сафо (in morem nostri Flacci, Graecique Pindari et Alcaei, et Sapphus), тотъ пусть прочитаетъ свидѣтельства Филона, Іосифа, Оригена, Евсевія Кесарійскаго и онъ удостовѣрится изъ ихъ свидѣтельствъ, что я говорю правду (me verum dicere comprobabit)». Очевидно такимъ образомъ, что во время Іеронима α) вѣра въ метрическія формы Библіи основывалась только на преданіи, идущемъ отъ лицъ, которыхъ мы выше упомянули и β) уже въ то время нѣкоторымъ казалось страннымъ, что древнееврейскія пѣсни написаны по метру греко-римскому. Тѣмъ не менѣе самъ Іеронимъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій продолжаетъ настаивать на этомъ преданіи. О самой книгѣ Іова Іеронимъ говоритъ: «отъ начала книги до первой рѣчи Іова въ еврейскомъ текстѣ идетъ проза. Отъ словъ Іова, гдѣ онъ говоритъ: «да погибнетъ день, въ который я родился, и ночь, въ которую сказали: человѣкъ зачался», даже до мѣста предъ окончаніемъ книги: «поэтому я отрицаюсь и раскаяваюсь во прахѣ и пеплѣ» идутъ гекзаметрическіе стихи *дактилемъ и спондеемъ* (dactylo spondeoque currentes), принимая, *по спеціальнымъ особенностямъ еврейскаго языка*, еще и другія стопы сходныя съ ними если не въ отношеніи слоговъ, то въ отношеніи мѣры времени». Къ сожалѣнію эти *особенности* еврейскаго языка, не поддававшіяся скандованію по греко-рим-

www.bibleist.ru

скимъ образцамъ, не обратили на себя надлежащаго вниманія Іеронима. Въ посланіи къ Павлу (t. II. p. 709. ed Mart.) Іеронимъ внушаетъ: «знай, что четыре псалма написаны по порядку буквъ еврейскаго алфавита, именно 110, 111, тотъ, о которомъ мы теперь пишемъ (т. е. 118) и 144, но такимъ образомъ, что въ первыхъ псалмахъ съ каждою буквою связанъ одинъ стихъ, состоящій изъ *ямбическаго три метра*, (которымъ написана и пѣснь Второзаконія), а въ 118 псалмѣ съ каждою буквою связано 8 стиховъ. Въ книгѣ Плачь Іереміи четыре алфавита, изъ которыхъ первые два сложены по образцу сафическаго метра (sapphico metro), такъ какъ они представляютъ связанные между собою *три* малые ряда, имѣющіе во главѣ только *одну собственную* букву, что напоминаетъ элементъ героическаго стиха (heroici comma). Третій же алфавитъ книги Плачь сложенъ *тримегрически*, такъ какъ здѣсь три стиха всегда начинаютъ три тождественныхъ буквы. Даже притчи Соломона заключаютъ въ себѣ алфавитъ въ ямбическомъ тетраметрѣ, начиная отъ мѣста: «кто найдетъ жену честную». Наконецъ въ предисловіи къ хроникѣ Евсевія Іеронимъ восторгается греческимъ стихомъ книгъ Ветхаго Завѣта, ссылаясь снова, и уже безъ особенной нужды, на прежніе авторитеты. «Что благозвучнѣе Псалтири, которая, по образцу нашего Флакція и греческаго Пиндара, то движется ямбомъ, то звучитъ алкеемъ, то беретъ начальный тактъ сафическій, то начинается полустопою!.. Что прекраснѣе пѣсни Второзаконія (32) и пѣсни Исаіи (5 гл.)! Что величественнѣе Соломона! Что совершеннѣе Іова! Всѣ они идутъ рядами гекзаметрическими и пентаметрическими *какъ пишутъ Іосифъ и Оригенъ*». Послѣ этого нисколько не удивительно, что на эти же авторитеты въ вопросѣ о библейской поэзіи ссылается блаженный *Августинъ*, не знавшій еврейскаго языка. «Изъ какихъ мѣръ состоитъ стихъ Давидовъ не буду писать, потому что не знаю; но я вѣрю знатокамъ, что псалмы изложены метрически, такъ какъ Псалмопѣвецъ

www.bibleist.ru

зналъ и любилъ музыку» (Opp. t. II. Ep. 131 ad Mutterium). Принимая полною вѣрою эти мнѣнія, другіе учители церкви приписывали пророкамъ самое изобрѣтеніе героическаго метра. «Между всѣми родами стиха, говоритъ Исидоръ Исп., первый есть героическій. Извѣстно, что его употребилъ вначалѣ пророкъ Моисей въ своей пѣсни Второзаконія задолго прежде Ферекида и Гомера; отсюда слѣдуетъ, что наука стихосложенія у евреевъ древнѣе, чѣмъ у язычниковъ. Извѣстно, что и книга Іова современная Моисею, изложена гекзаметромъ въ дактиляхъ и спондеяхъ». Наконецъ изъ сочиненій отеческихъ здѣсь можно указать еще свидѣтельство Ѳеодорита (Комм. на II. пѣсн. 1. 1), по выраженію котораго св. Писаніе соединяетъ въ себѣ «съ достоинствомъ наученія людей, еще красоту классическаго строя стиха» и свидѣтельство сочиненія: «вопросы и отвѣты о правовѣріи», находящагося между трудами Іустина мученика, гдѣ говорится, что пѣснь Моисея была въ собственномъ смыслѣ метрическою.

Но всѣ эти свидѣтельства, высказанныя въ пастырскихъ наставленіяхъ отцами церкви, не имѣли научнаго характера. Въ нихъ даются однѣ голыя опредѣленія и вовсе не указаны правила, руководствуясь которыми каждый могъ бы прилагать къ Библіи греческую скандовку. Ни у одного отца церкви не указано даже никакого примѣра, изъ котораго читатель могъ бы усмотрѣть, какъ они относились къ еврейскимъ гласнымъ и слогамъ, во многомъ отличающимся отъ гласныхъ и слоговъ греческихъ. Кромѣ того, послѣ отеческаго періода еврейская Библія получила такъ называемую мазоретскую акцентуацію. Нужно было рѣшить, считать ли эту акцентировку тожественною съ метрическимъ чтеніемъ Библіи Оригена и Іеронима и вообще соотвѣтствующею древнееврейскому поэтическому чтенію, или отбросить ее какъ нововведеніе, вовсе не передающее, или по крайней мѣрѣ передающее не точно характеръ древней метрики? И въ первомъ случаѣ какъ понять акцентировку, чтобы найти въ ней правиль-

www.bibleist.ru

ный древній метръ, и если можно оправдать научнымъ путемъ отеческіе взгляды на библейскую поэзію? Во второмъ случаѣ какъ исправить ее, чтобы найти въ ней чистый древній метръ? Отвѣтомъ на эти вопросы съ 17-го вѣка идетъ цѣлый рядъ попытокъ обосновать научнымъ путемъ древнее преданіе о классическомъ метрѣ въ библейской поэзіи.

Первую попытку такого рода сдѣлалъ *Францискъ Гомаръ* въ своемъ сочиненіи Davidis Lyra seu nova Hebraeae scripturae ars poëtica (1637). Правила для открытія метра въ мазоретской Библіи, по его опредѣленію, состоятъ только въ слѣдующемъ: «краткость и длину слога опредѣляетъ только гласная, поколику она только можетъ быть долгою и короткою; шва не даетъ никакого слога; для послѣдняго слога стиха безразлично короткій ли онъ и долгій. Каждый *мазоретскій* стихъ можетъ имѣть не менѣе двухъ *метрическихъ* стиховъ, но часто имѣетъ больше. Раздѣляемая такимъ образомъ еврейская пѣсня распадается на ряды, имѣющіе стихосложеніе греческое и римское, но такимъ образомъ, что каждый стихъ представляетъ нѣчто самостоятельное, имѣетъ особенное имя и не долженъ быть подобенъ другому». Очевидно для перваго взгляда, что здѣсь не дается никакого метра. По этимъ правиламъ можно раздѣлять на стихи и всякую прозу, какъ это показалъ уже Луд. Капеллъ въ своихъ animadv. ad Lyram novam Davidis, потому что для каждой группы словъ, взятой произвольно, всегда можно подъискать родъ метра, соотвѣтствующій расположенію слоговъ въ данной группѣ. Для пѣсни необходимо, чтобы метръ былъ одинаковъ во всѣхъ стихахъ и не переходилъ изъ такта въ тактъ. Такимъ образомъ справедливо замѣчаніе Де-Ветте, что просодія Гомара противорѣчитъ требованіямъ и правиламъ не только еврейскаго, но и всякаго другаго языка. Но нетерпѣніе понять, какимъ бы то ни было образомъ, библейскій метръ было такъ велико въ то время, что просодію Гомара приняли безпрекословно такіе замѣчательные ученые этого времени,

www.bibleist.ru

какъ Конст. l' Empereur, Д. Гейзій, Луд. de-Dieu, Готтингеръ и молодой Буксторфъ. Въ своемъ epistola dedicat. къ талм. лексикону своего отца, Буксторфъ писалъ: «почтенный старецъ, докторъ Гомаръ первый геніально и мудро открылъ и разъяснилъ основаніе свящ. поэзіи, которое было погребенно въ неизвѣстности отъ временъ пророковъ».

Но если Гомаръ въ своемъ изысканіи считалъ еще безспорнымъ соотвѣтствіе мазоретскаго текста съ древнимъ поэтическимъ чтеніемъ, то другіе грамматики, при опредѣленіи ветхозавѣтнаго метра, пытаются перестроить, каждый по своему образцу, все мазоретское чтеніе, сокрывшее якобы подъ собою формы древней поэзіи. Таковъ былъ во второй половинѣ 17-го вѣка *Мейбомъ* (его соч. Davidis Psalmi decem... 1690. Marc. Meibomii novarum in sacro hebraeo codice interpretationum suarum specimen secundum 1678. Adnot. in Ezech. cap. XXXI...), который, на основаніи своихъ собственныхъ правилъ, хотѣлъ реставрировать весь мазоретскій текстъ поэтическихъ книгъ; но, сдѣлавши одну «пробу метрическаго улучшенія текста», Мейбомъ не указалъ законовъ своего новаго метра, потому, какъ онъ самъ наивно замѣчаетъ, что «не нашелъ въ Англіи шесть тысячь любопытныхъ подписчиковъ, которые согласились бы заплатить пять фунтовъ стерлинговъ за экземпляръ его новой метрики, долженствовавшій выйти въ двухъ томахъ in folio». Съ большею скромностію и способностію взялся за тоже дѣло *Францискъ Гаре* (Psalmorum liber in versiculos metrice divisus et ope metrices multis in locis integritati suae restitutus Lond. 1786), представившій также самодѣльную систему еврейской метрики. Вотъ его положенія для отысканія метра въ Библіи: «Еврейская поэзія состоитъ изъ однихъ двуслоговыхъ стопъ и притомъ изъ однихъ *ямбическихъ* и *трохаическихъ* стиховъ. (Proleg. 12). Требуется, чтобы въ одномъ и томъ же періодѣ былъ одинаковъ родъ стиха, т. е. чтобы два или три стиха изъ которыхъ состоитъ періодъ, были или всѣ

www.bibleist.ru

ямбическіе или всѣ трохаическіе, различаясь впрочемъ по длинѣ; но въ различныхъ періодахъ родъ стиха можетъ быть различенъ (стр. 6 и 7). Но, прилагая къ дѣлу эти правила, Гаре допустилъ огромный произволъ, уничтожая различіе долгихъ и короткихъ, и смотря по надобности, принимая и долгую гласную за короткую и шву за долгую гласную. Такими грубыми средствами онъ доказывалъ присутствіе двуслоговыхъ стопъ въ Библіи, принимая, что стихъ съ неравнымъ числомъ слоговъ есть ямбическій, а съ равнымъ—трохаическій. Далѣе, чтобы каждый разъ въ дистихахъ второе полустишіе имѣло родъ метра согласный съ первымъ, Гаре требуетъ забыть нынѣшнюю пунктацію и измѣнять чтеніе смотря по надобности; напримѣръ вмѣсто schamaim онъ читаетъ schamem вмѣсто lecha lach, вмѣсто leroth leraoth, вмѣсто kibne (Пс. 114, 6) kebene (утверждая, что правило объ измѣненіи швы предъ швою ложно). Цѣлыя слова у Гаре переносятся по произволу въ ту или другую часть стиха (31 стр.). Наконецъ гдѣ все это не помогаетъ подвести стихъ подъ ямбическую или трохаическую мѣрку, тамъ Гаре объявляетъ отдѣльныя исключенія. Эти основоположенія Гаре были приняты и разширены Хр. *Вейсе* (systema psalmorum metricum a Fr. Hare nuper adornatum 1740). Вообще о системѣ Гаре справедливо замѣчаетъ Заальшутцъ, что музыка его стиховъ не многимъ пріятнѣе для уха, чѣмъ разсыпающіеся звуки стихосложенія Гомара. Вотъ примѣръ, представленный самимъ Гаре, какъ норма библейскаго стопосложенія:

Пс. CXI. 1. Ódeh jávoh bécol lébab
bésod jéscharím veyédach.
gedólim máyse jáhvoh,
derúsim lécol chópezéhem.
hod véhahár poyálo,

vezídcató yomédeth láad.
zekér asáh lenípléotav;
channún verachum jáhvoh.
terép nathán liréav;
jizcór leólam brítho.

cóch masáv higgíd leámmo
látheth láhem náchlath góim.
masé jadáv eméth umíschpat;
nemánim cól pikkúdav:

sémuchím laád leólam
áṣuím b'eméth vejáschar.
pedúth schalách leámmo,
zivváh leólam brítho;
kadósch venóra schémo.

réschith chóchmah jírath jáhvoh,
sékel tób lecól oséhem;
théhillátho ómedth láäd [1]).

Болѣе другихъ въ этомъ направленіи прославился виттемберскій профессоръ К. Г. *Антонъ*, много трудившійся надъ изученіемъ еврейской акцентуаціи, музыки [2]) и метрики (Conjectura de metro Hebraeor. antiquo) и представившій остроумную систему древняго библейскаго метра, основывающуюся на слѣдующихъ правилахъ. Акцентъ вообще указываетъ долгій слогъ; но онъ пере-

[1]) Просимъ читателя сличать приводимыя чтенія съ мазоретскимъ.
[2]) См. нашу статью «древнееврейская музыка» въ Тр. К. Акад. 1871. Дек. 398 и дал.

www.bibleist.ru

мѣняетъ мѣсто или теряется гдѣ встрѣчаются два акцента на двухъ рядомъ стоящихъ слогахъ; въ словахъ трехсложныхъ кромѣ послѣдняго акцентируется еще первый слогъ и долженъ быть долгимъ; шва въ нѣкоторыхъ случаяхъ опускается, а въ другихъ образуетъ слогъ и даже иногда долгій, смотря по обстоятельствамъ; патахъ furtivum то образуетъ слогъ, то нѣтъ; дагешъ сильный то опускается, то восполняется (гдѣ не стоитъ въ текстѣ); вокализація во многихъ мѣстахъ должна измѣниться. Такими превращеніями Антонъ достигаетъ того, что библейскія пѣсни сближаются у него съ стихосложеніемъ Пиндара въ ямбахъ и анапестахъ. Для примѣра вотъ 9-й псаломъ, раздѣленный Антономъ на стопы и строфы:

Stropha

Thabheu | goim | bescha | chath asu
Bere | scheth su tha | manu nil | kedah rag | lam.

Systema

Noda | jehovah | mischpat | asah
Bepo | al cappav | nokesch | rascha.

Higgajon Sela.

Epodos

Jaschu | bhu re | schaim | lischo | lah
Col goim | schechehe | elo | him
Ki lo | lane | zach jis | schachach ebh | jon
Tikvath | anijim | tobhad la | ad

Antistropha

Kumah | jehovah | al jaos | Enosch
Jischa | phethu | goim | al pane | cha.

www.bibleist.ru

Systema.

Schithah | jehovah | morah la | hem

Jedeu | goim enosch hem | mah.

Очевидно, что эта система, какъ ни казалась она увлекательною многимъ, не имѣетъ подъ собою почвы и представляетъ не болѣе какъ оптическій обманъ. Раздѣленіе пѣсни на строфы, антистрофы, эподы, системы, представляя безцѣльное подражаніе Пиндару, группируетъ строки положительно произвольно. Равнымъ образомъ и скандовка по стопамъ совершенно отрывается отъ библейскаго текста. Озабоченный поправкою мазоретской метрики, Антонъ доходитъ до того, что уже не въ интересахъ текста ищетъ мѣры стиха, а наоборотъ въ интересахъ предзанятой мѣры ищетъ текста и разнообразно видоизмѣняетъ его, не замѣчая при этомъ, что въ своихъ поправкахъ онъ дѣлается жертвою противорѣчій. Какимъ образомъ одну и туже вокализацію въ одномъ и томъ же словѣ можно въ одномъ мѣстѣ считать правильною, а въ другомъ испорченною и требующею исправленія? Какимъ образомъ одна и таже шва можетъ переходить изъ безгласнаго знака въ гласный, играть даже роль долгой гласной, когда въ системѣ мазоретской она имѣетъ одно и строго опредѣленное значеніе? Какимъ образомъ можно внести удвоеніе буквы сильнымъ дагешемъ (читать напр. umbakkesche, вмѣсто umebakche Пс. 24, 6) тамъ гдѣ мазореты считали это невозможнымъ? На всѣ эти вопросы Антонъ не отвѣчаетъ.

Свободнѣе нѣсколько отъ этихъ произвольныхъ увлеченій въ исканіи библейскаго метра является современникъ Антона *Лаутвейнъ* (Versuch einer richtigen Theorie von der biblischen Verskunst 1775). Въ поэтическихъ частяхъ св. Писанія, говоритъ онъ, мазоретскіе монологи раздѣляются на малые стихи, которые имѣя тѣсную связь съ содержаніемъ, при своемъ раздѣленіи, въ тоже время въ подлинникѣ связаны между собою из-

www.bibleist.ru

вѣстнымъ поэтическимъ созвучіемъ (стр. 40). Скандованіе стиховъ опредѣляется акцентами, стоящими всегда въ слогѣ ударенія (стр. 75). Впрочемъ такіе стихи, въ которыхъ полуствшія построены одною мѣрою и съ однимъ числомъ слоговъ встрѣчаются рѣдко. Но такъ какъ они все же встрѣчаются, то отсюда можно заключить что еврейскій языкъ, какъ всякій другой, былъ способенъ къ равномѣрному стихосложенію. Достаточно, прибавляетъ Лаутвейнъ, для оправданія этого взгляда слѣдующихъ примѣровъ:

Втор. 32, 10. Jimzaéhu beaéraez midbàr
Ubhetóhu jelèI jesahimon
In der heulenden Wuste, im Land
Wilder Einsamkeit traf Er ihn an [1]).

Исх. 15, 8. Nizzebhù chemo—nèd noselim
Kapheù tehomòt belaebh—jàm
Fluthen stunden wie Haufen, der Grund
Ward eröffnet im Herzen des Meers.

Втор. 32, 33. Chamàt taninìm jenàm
Verösch petanìm achsàr.
Ihr Wein ist der Drachen Gift
Und wütender Ottern Gift.

Пс. 94, 9. Hanóta ósaen halò jischmà
Hajózer äjin halò jabbìt.
Wird der nicht hören, der Ohren pflanzt
Wird der nicht sehen, der Augen schaft.

Подобныхъ стиховъ, говоритъ Лаутвейнъ, въ Библіи встрѣчается такъ много, что ихъ никакъ нельзя считать случайными

[1]) Оставляемъ переводъ Лаутвейна, такъ какъ онъ приспособленъ къ метру, находимому авторомъ въ еврейскомъ стихѣ.

www.bibleist.ru

построеніями; во всякомъ случаѣ это *поэтическія украшенія и фигуры* (стр. 46). Не преимущественная особенность библійской поэзіи состоитъ въ *строфахъ*, въ особенномъ отношеніи къ нимъ отдѣльныхъ стиховъ, особенно послѣднихъ, которые всегда отличаются въ строфѣ, то метрическою длиною, то короткостію, то особеннымъ употребленіемъ мѣры слоговъ. Для примѣра Лаутвейнъ предлагаетъ первыя строфы **111** и **112** псалмовъ:

Odaèh Iehováh bechol—ledhàbh
Besòd jescharìm veedàh
Gedòlìm maasè Iehovàh
Deruschím le—col—caephzehaèm.

Hod—vehadàr poolò
Vezidkatò omaédaet laàd
Saécher asàh leniphleotàv
Chanùn verachùm Iehovàh.

Von Herzen bekenne ich öffentlich
Mit Frommen vereinigt, den Herrn;
Die Geschäfte des Höchsten sind gross,
Allen, die sie lieben, erwünscht.

Herrlich und schön ist sein Werk
Und ewig steht bevestigt sein Recht;
Wunder hat Er zum Denkmal gesetzt
Der treu' und erbarmende Herr.

'Achre-isch jaré aet-Iehováh
Bemizvotàv chaphèz meòd
Gibbòr baáraez jehjaèh sarò
Dòr jescharìm jebhoràch.

Hòn vaóschaer bebhetò
Vezidkatò omae 'daet laàd

www.bibleist.ru

Sáràch bachóchaechòr lajescharìm
Chanùn verachùm vezaddìk.

Selig ist, wer in der Furcht des Herrn,
An seinen Worten sich engötzt;
Des Saame mehret sich stark im Land,
Kinder der Frommen gehts wohl.

Reichthum blüht in seinem Haus,
Ung ewig steht bevestigt sein Recht;
Gott ist der Frommen Licht in Finsterniss,
Barmherzig und treu und gerecht.

Такимъ образомъ Лаутвейнъ принимаетъ почти только свободный метръ, зависящій отъ звукоударительной силы акцентовъ. Впрочемъ о скандовкѣ стиховъ и раздѣленіи строфъ онъ говоритъ неясно, какъ онъ самъ сознается, обѣщая издать болѣе точное и обстоятельное изложеніе законовъ библейскаго метра, хотя, сколько извѣстно, этого новаго изложенія въ печати не являлось.

Между изслѣдователями, мечтавшими исправить мазоретскій текстъ въ интересахъ метра и риѳма, особенную категорію представляютъ далѣе такъ называемые иперарабисты. Если выше указанные нами филологи старались внести въ еврейскую поэзію греко-римскій метръ, то другіе такимъ же путемъ сближали еврейскій стихъ съ живымъ и богатымъ стихомъ арабскимъ, въ надеждѣ по аналогіи съ нимъ выяснить черты мертваго стиха древнееврейскаго. Сюда принадлежатъ собственно *Іонесъ* (Comment. Poes. Asiat. recudi curav. Eichhoun 1777. p. 61 и дал.) и *Гревe* (ultima capita libri Iobi 38—42; accedit tractatus de metris Hebraicis Vaticiniorum Iesaiae pars.). Перенося правила арабской метрики на библейскіе стихи, Іонесъ требуетъ считать долгими всѣ слоги съ покоющимися согласными или съ буквами: алефъ, ге, вавъ и іодъ (matres lectionis); гдѣ нѣтъ гласной, тамъ нужно вставлять

www.bibleist.ru

арабскую (арабскій языкъ гласными богаче еврейскаго и имѣетъ имъ часто въ тѣхъ слогахъ, гдѣ въ Библіи стоитъ шва). Такимъ образомъ получатся стихи подобные арабскимъ, но однакожъ такъ, что каждый стихъ будетъ скандоваться по особенному роду арабскаго метра. Напр. Пѣсн. Пѣсн. 1, 5.

Sĕhūrēh ā | nī vănā | ūhbĕnūt yĕ | rūsălēm

Căāhlī | kĕdārcă | yĕrīūt | Sŏlŏmēh.

Здѣсь первая строка построена по такъ называемому *второму* ладу арабскаго стихометра, а вторая по *пятнадцатому*.— Гораздо сложнѣе вышла теорія иперарабизма въ системѣ метра Греве, начинающаго изслѣдованіе заявленіемъ своей непоколебимой увѣренности, что библейскій текстъ имѣлъ метръ совершенно согласный съ арабскимъ и сирскимъ, но что этотъ метръ сокрытъ теперь подъ фальшивою орѳографію мазоретовъ. Такимъ образомъ Греве арабскую вокализацію признаетъ за еврейскую; именно принамаетъ вообще только пять гласныхъ ֲ а, ֶ е, ִ і, ֹ о, ֻ у; кромѣ того камецъ и цере признаются у него гласными, когда они стоятъ на мѣстѣ пропущеннаго א; шва mobile есть обыкновенная гласная, а шва quiescens указываетъ конецъ слога, какъ арабское джесмъ; патахъ furt. совершенно отбрасывается; дагешъ сильный можетъ быть только тамъ, гдѣ онъ характеристиченъ, а въ этихъ случаяхъ даже въ буквахъ гортанныхъ. На этихъ новыхъ грамматическихъ началахъ Греве основываетъ слѣдующую просодію, соотвѣтствующую арабско-сирской метрикѣ. Всѣ слоги, имѣющіе только гласную, безъ другой согласной и покоющейся, *коротки;* если же за гласною слѣдуетъ слышная согласная, или покоющаяся, или алефъ, вавъ и іодъ, это слогъ долгій. Какъ употребительнѣйшіе въ Библіи роды метра Греве называетъ: *ямбическій триметеръ, диметеръ и тетраметеръ*. При *ямби-*

www.bibleist.ru

ческомъ тетраметръ въ 6-й стопѣ можетъ быть ямбъ, анапестъ или амфимацеръ, а въ прочихъ стопахъ, кромѣ того, еще спондей, который впрочемъ въ одномъ и томъ же стихѣ повторяется не больше трехъ разъ, и то не сряду; больше трехъ разъ не повторяется также анапестъ и амфимацеръ; встрѣчаются наконецъ дактиль и трибрахій. Въ *ямбическомъ диметръ и тетраметръ* господствуетъ такая же мѣна различныхъ стопъ.—Кромѣ того, есть еще *трохаическія* пѣсни, въ которыхъ съ трохеемъ смѣшивается спондей, трибрахій, дактиль и кретикеръ, и *анапестическія*, въ которыхъ рядомъ съ анапестомъ стоятъ кретикеръ, спондей, ямбъ, дактиль и трибрахій. Наконецъ Греве говоритъ о пѣсняхъ, изложенныхъ въ строфической формѣ, camina strophica, то приближающихся къ одамъ Горація, то, подобно пѣснямъ Пиндара, состоящимъ изъ строфы, антистрофы и эпода.

Греве. Псаломъ 65. Ямбическій тетраметръ.

Lacha dūm | jah thahīt | lah ēt | lohīm | bizijōn |
valacha | joschūl | lam neder
Bijerus | schalēm | schamī | thafīl | lah adē cha
cōl | basār | jabō
Debarē | avō | noth gaba | rū mīn | nu pisch | ēnu |
āththa thīch | porom
Aschara | thibchār | vathoka | rib jīsch | cōn
chāz | recha nisch | baah | bitob
Bajthocha | kadosch hechalo | cha nō | rā bizidk
thanenu | ellēh jisch | inu

www.bibleist.ru

Moba | tich col kaz | ve arz | vajam | racho | kim

mochin | harim | bicocho

Nisor | bigadu | rah masch | bisch scha | ou

jam | mim scha | on gal | lehomo

Iehmu | na goim | vaji | rau | joschibe | katzoth

mio | jhothicha

Masae | boker | vaereb | thoran | nin pakad | tha

arz | vathoschak | kina

Raboth | thoasch | schiren | nah pil | lag el | lohim

malo | majim

Thachin | daganam | khi khin | thakhi | nah

thal | meha | rovah | nachath

Gadu | deha | biribi | bim thomo | gigen | nah

zim | chah thib | rachen

Atar | tha schanath | tobatha | cha vama | gale | cha

jora | afun | deschen

Jora | ifu | naoth | midbar | vigil | gebaoth |

thachgor | nah lib.

Baschu | carim | ha | zou vaem | kim ja | tofu

bar jith | rau af | jaschjiru

Какое значеніе могли имѣть эти попытки послѣдователей иераравизма обложить св. Писаніе оболочкою поэзіи исмаильтянъ?

www.bibleist.ru

Хотя языкъ-арабскій былъ языкомъ, близко родственнымъ еврейскому, но, такъ какъ здѣсь сравнивался языкъ позднѣйшихъ арабовъ съ языкомъ Давида и Соломона, то результатомъ, какъ и въ предшествующихъ случаяхъ сближенія древнееврейской поэзіи съ грекоримскою, могло быть только безполезное и безцѣльное извращеніе текста. 1) Что касается мазоретской вокализаціи и правописанія, то это не вчерашнее явленіе. Ея значеніе утверждено вѣками и подтверждается чтеніемъ Новаго Завѣта, переводомъ LXX и отцами церкви, читавшими, за рѣдкими исключеніями, библейскую букву также, какъ она читается у мазоретовъ [1]). Если даже вѣрно, то, что пунктуація въ своихъ знакахъ взята у арабовъ или сирійцевъ, то это никакъ не предполагаетъ тождественной вокализаціи, потому что даже парѣчія одного и того же языка всегда имѣютъ много особенностей, особенно въ отношеніи къ гласному элементу. 2) Переложеніе стиховъ библейскихъ на арабскую просодію не можетъ быть оправдано потому, что въ новомъ, самомъ по себѣ, арабскомъ языкѣ арабская просодія представляетъ *новое* явленіе (см. объ этомъ Ейхгорнъ на Ionеs comment. p. 61. Гердеръ Stud. der Theologie betteffend. Th. 1). Да и нельзя назвать арабскою просодіею эту пеструю смѣсь метровъ изъ различныхъ ладовъ арабской стиха. Если Іонесъ находитъ, въ приведенномъ нами его примѣрѣ, одинъ стихъ взятымъ изъ *втораго* лада арабской метрики, а слѣдующій за нимъ изъ *пятнадцатаго*, то другими, болѣе точными, словами это значитъ, что въ примѣрѣ нѣтъ поэтическаго склада, потому что подобная смѣсь именно отличаетъ прозу, не говоря уже о томъ, что для открытія и этого нескладнаго метра Іонесъ и Гревe должны были допустить тысячи странныхъ и неизвѣстныхъ даже въ арабскомъ языкѣ исключеній, напримѣръ, что окончанія множественнаго

---

[1]) См. Гезен. Geschichte d. hebr. Sprache, 207. и мою статью Древнееврейская музыка. Тр. Акад. 1871 Дек. 394 и далѣе.

www.bibleist.ru

числа муж.—im, женск. единст. ath, ah и множ.—oth безъ всякаго опредѣленнаго закона могутъ быть то долгія, то короткія, какъ это бываетъ нужно Іонесу и Греве. По отношенію къ книгѣ Іова, одной изъ самыхъ осязательно поэтическихъ книгъ, Греве, слѣдуя своей просодіи, принужденъ былъ замѣтить, что, по причинѣ многихъ исключеній и частой перемѣны стопъ, она приближается скорѣе къ прозѣ, чѣмъ къ поэзіи. Понятно отсюда, наконецъ, какая музыка могла заключаться въ подобнаго рода просодіи. Ямбъ, спондей, ананестъ, дактиль, трибрахій, фигурируя другъ предъ другомъ, даютъ такіе тоны и, если угодно, такой концертъ, въ которомъ главный недостатокъ зависитъ отъ того, что ни одинъ изъ нихъ не держится натурально на мѣстѣ, но постоянно мѣняется положеніемъ съ другими: Напрасно Іонесъ сравниваетъ это смѣшеніе метровъ съ разнообразіемъ стиховъ въ поэзіи Пиндара, потому что въ этой послѣдней это разнообразіе всегда одинаково повторяется и потому всегда оставляетъ по себѣ впечатлѣніе единства.

Неудача этихъ трудовъ въ объясненіи библейскаго метра сторонними средствами заставила изслѣдователей нынѣшняго вѣка быть болѣе осторожными и въ изслѣдованіи метра ограничиться строгимъ изученіемъ и разъясненіемъ мазоретской вокализаціи и акцентуаціи, вмѣсто ея мнимаго исправленія. Сюда принадлежатъ *Беллерманъ* (Uersuch über die Metrik der Hebräer. 1813 и *Заальшутцъ* (Uon der Form der hebräischen Poesie. 1825. Form und Geist der biblisch—hebräischen Poesie 1853). Беллерманъ основалъ свою просодію на такъ называемой системѣ mogarum, извѣстной въ библейской грамматикѣ со времени Альтинга и Данзія. Каждый слогъ библейскій, по измѣренію Беллермана, даетъ одинаковую мѣру для произношенія, одинаковыхъ *три момента*, при чемъ слогъ, имѣющій акцентъ, будетъ долгій, а остальные короткіе. Случаи недостатка и излишества моментовъ въ слогахъ покрываются и уравновѣшиваются акцентомъ. Если каждый слогъ безъ ударенія долженъ имѣть три момента, то слоги съ ударені-

www.bibleist.ru

емъ иногда имѣютъ болѣе или менѣе (2 или 4). «*Это излишество и недостатокъ оправдываются удареніемъ* (durch die Betonung gerechtfertigt), *возвращающимъ читателя къ общей мѣрѣ*». Правила для моментовъ состоятъ въ слѣдующемъ: долгая гласная даетъ два момента, а короткая одинъ; шва простая и сложная, патахъ furt. не даютъ момента; согласныя какъ простыя такъ и двойныя (двѣ согласныхъ, встрѣчающихся въ слогѣ предъ гласною, обыкновенно раздѣляемыя швою, но здѣсь смѣшивающіяся въ одну) даютъ всегда одинъ моментъ; покоющіяся буквы не даютъ момента, но имѣютъ одинъ моментъ, когда они играютъ роль согласной; буква he на концѣ слова, если предъ нею сеголь, даетъ одинъ моментъ, послѣ камеца и цере не даетъ момента; съ маппикомъ одинъ моментъ; префиксъ ה и даетъ три момента; дагешъ и метегъ—одинъ моментъ.—Но такъ какъ, какъ уже сказано, акцентъ опредѣляетъ долгій слогъ своимъ удареніемъ, помѣщаясь обыкновенно на *послѣднемъ* слогѣ, то, при большинствѣ словъ двухъ—и трехсложныхъ, долженъ выходить почти только *ямбическій* и *анапестическій* размѣръ; не многія слова, съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ будутъ представлять трохей. «Такимъ образомъ, говоритъ Беллерманъ, обыкновенный библейскій метръ это ямбъ и анапестъ, перемѣняющійся съ трохеемъ и трибрахіемъ».

Беллерманъ. Псаломъ 112.

1. Ăschrē—ĭsch | jārē | ĕth—jōvāh,
   Bmĭzvothāv | chāfēz | m'ōd.
2. Gĭbbōr | bāā | rĕz jĭhjĕ | sārō
   Dōr | jscharīm | jbōrach.
3. Hōn vă | ōscher | b'bĕthŏ,

www.bibleist.ru

Vzidkatho | oma | deth laad.

4. Sarach | bacho | schech or | lajscharim
Chanum | vrachum | vzaddik.

5. Tob isch | chonen | umälveh,
Icalkhel | dbarav | bmischpat.

6. Khi | lolam | lo immoth
Lsecher | olam | jijeh | zadik.

7. Mischmuah | raah | lo jira,
Nacon | libbo | batuch | bajovah.

8. Somuch | libbo | lo jira
Ad' scher | jireh | bzarav.

9. Pisser | nathan laab | jonim,
Zidkatho | oma | deth | laad,
Karno | tharum | bcabod.

10. Rascha | jireh | vcaas,
Sinnav | jachrok | vnamas
Thavath | rschaim | thobed.

О значеніи гипотезы Беллермана справедливо замѣтилъ де-Ветте (Kömment. über die Ps. 50), что, хотя она не открыла библейскаго метра, но, во всякомъ случаѣ, сдѣла правдоподобнымъ, что въ поэзіи еврейской преобладаютъ лады ямбическій, трохаи-

www.bibleist.ru

ческій и ананестическій. Попытка Беллермана, прибавляетъ Заальшутцъ, имѣетъ высокую цѣну, потому что онъ первый предположилъ возможность скандовать библейскій стихъ по акценто-ударенію. Но, продолжаемъ замѣчанія Заальшутца, если поэты древнееврейскіе очевидно имѣли понятіе о метрическихъ формахъ, о тактѣ и мѣрѣ, если напр., Давидъ обладалъ въ совершенствѣ искусствомъ музыки и риѳма; то ужели его ухо могло ограничиться подобными моментами, не требуя ничего болѣе равномѣрнаго и музыкальнаго? Ужели древнееврейскій языкъ имѣлъ такъ мало оборотливости и силы, чтобы не устранить такихъ препятствій плавности, какія представляетъ, напр., трохей, врывающійся въ ямбическій ладъ, между тѣмъ какъ, во многихъ случаяхъ, поэту слѣдовало только употребить другое синонимическое выраженіе, чтобы сохранить полный ямбическій метръ. Что касается системы mogarum, то эта естественная музыка языка, болѣе или менѣе, существуетъ во всѣхъ идіомахъ, хотя часто на нее не обращаютъ вниманія. Но у Беллермана непонятнымъ образомъ связываются съ моментами слоговъ акценты. Одинъ и тотъ акцентъ уничтожаетъ ненормальность и слога въ два момента (недостаточнаго) и слога въ четыре момента (избыточествующаго). Положимъ, что своею силою акцентъ можетъ прибавить моментъ произношенія; какимъ же образомъ онъ можетъ въ другомъ случаѣ отнять его? Вообще регулирующая дѣятельность акцентовъ здѣсь невыяснена и не поставлена на какомъ либо основаніи. Точно также въ ненормальныхъ слогахъ, неимѣющихъ акцента, допущены авторомъ исключенія страннаго рода; напр., буква he, дающая моментъ послѣ сеголя и не дающая послѣ камеца и цере.

Но лучшее опроверженіе Беллерману представляетъ система *Заальшутца*, къ которой, по выраженію Геферника, mutatis mutandis можно отнести все то, что говоритъ самъ Заальшутцъ противъ Беллермана. Соглашаясь съ Беллерманомъ о значеніи акценто-удареній, какъ основаній въ размѣрѣ стиха, Заальшутцъ

www.bibleist.ru

основываетъ однакожъ на нихъ метръ совершенно противоположный найденному Беллерманомъ, ямбическо-анапестическому.

Древнееврейское удареніе, говоритъ Заальшутцъ, должно читаться не на послѣднемъ слогѣ, какъ принято, а на *предпослѣднемъ*. Это доказывается: α) тѣмъ, что въ другихъ семитическихъ языкахъ, арабскомъ и сирскомъ, удареніе всегда имѣетъ мѣсто именно на этомъ слогѣ. Греве, по мнѣнію Заальшутца, показалъ замѣчательную близорукость, не обративъ вниманія на арабское удареніе въ своихъ продолжительныхъ изысканіяхъ по вопросу объ арабской вокализаціи, въ ея приложеніи къ библейскому метру, между тѣмъ какъ именно въ арабскомъ удареніи лежалъ ключъ къ открытію древнееврейскаго размѣра стиховъ. β) Въ еврейскомъ языкѣ, какъ въ нѣмецкомъ, удареніе всегда держится корня; а такъ какъ въ еврейскомъ языкѣ чрезвычайное обиліе суффиксовъ, то удареніе натурально всегда почти должно было удаляться отъ конца къ началу. γ) Формы, принимаемыя еврейскими словами въ паузахъ (передвиженіе удареній съ послѣдняго слога на предпослѣдній) ясно показываютъ расположенность языка къ ударенію на второмъ отъ конца слогѣ. δ) Нынѣшніе нѣмецкіе и польскіе евреи, конечно слѣдуя древнему преданію языка, даютъ древнееврейскимъ словамъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ.—Правда, у мазоретовъ акценты почти всегда стоятъ на послѣднемъ слогѣ слова, но, какъ видно изъ ихъ древняго названія (neginoth), они были не грамматическими знаками ударенія, а поэтическими, и стояли на концѣ только потому, что относились къ музыкѣ всего слова, сосредоточивавшейся и независимо отъ мѣста акцента, на предпослѣднемъ слогѣ; присутствіе акцентовъ какъ обыкновенныхъ знаковъ ударенія на послѣднемъ слогѣ было бы даже излишне, если бы всѣ слова произносились, какъ полагаютъ, съ удареніемъ послѣдняго слога.—Такимъ образомъ *древнее преданіе нынѣшнихъ евреевъ, образъ ударенія другихъ семитическихъ народовъ, паузная форма словъ библейскихъ, все приводитъ насъ къ заклю-*

www.bibleist.ru

ченію, что древнееврейскій языкъ имѣлъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Если же такъ, то ритмъ древнееврейскій былъ спондеодактилическій.

Итакъ, прежде всего, предпослѣдній слогъ долженъ разсматриваться какъ долгій, прямымъ и естественнымъ путемъ. Но при этомъ долгомъ слогѣ, особенно въ словахъ длинныхъ, еще другой слогъ можетъ получать ictus и по обстоятельствамъ играть роль метрически долгаго слога; ictus выходитъ изъ того, что одинъ изъ рядовъ стиха имѣетъ иногда меньше слоговъ чѣмъ нужно, напр.,

Hém ki|núni ‖ blό—el (три члена)

Kja|súni ‖ bhabléhem (два члена, чрезъ ictus три).

Эти слоги образуютъ длину или arsis стопы стиха; всѣ остальные слоги падаютъ въ thesis, и притомъ или какъ короткіе, подобно трохею, или какъ слоги *средняго момента*, къ которымъ принадлежатъ послѣдніе полные слоги слова, имѣющіе обыкновенно мазоретскій акцентъ. Двуслоговая стопа стиха съ подобнымъ заключительнымъ слогомъ, такимъ образомъ, можетъ разсматриваться какъ спондей, какъ и въ нѣмецкомъ языкѣ спондей образуютъ сильные средніе моменты. Въ отношеніи короткихъ слоговъ нужно имѣть въ виду, что шва можетъ по обстоятельствамъ то исчезать для метра, то имѣть значеніе короткой гласной, какъ и въ нѣмецкомъ читается напр., genädig и gnädig, gewaltiger и gewalt'ger, eigene и eigne.

Еврейскія слова, по большей части, двусложны или трехсложны. Поэтому, такъ какъ тонъ слова покоился на предпослѣднемъ слогѣ, то, когда поэтъ, начавши двусложнымъ словомъ, прибавлялъ къ нему еще пять словъ, онъ получалъ то, что Іосифъ, Евсевій и Іеронимъ называли гекзаметромъ, или героическимъ размѣромъ стиха, именно рядъ стиха, состоящій изъ шести стопъ. Напр. Пс. 121, 2:

*

www.bibleist.ru

Ēsrī mē | īm ā | dōnaī | ōseh schā | majim vā | arez

Но это, во всякомъ случаѣ, не греческій стихъ съ правильнымъ распредѣленіемъ стопъ стиха, съ благозвучными цезурами и проч. Это простѣйшія требованія равномѣрности и ритма, которыя древній поэтъ исполнялъ самъ не замѣчая того, и вовсе не заботясь о внѣшней формѣ стиха. «Еврейскому пѣвцу вовсе не приходило въ голову наблюдать за собою, состоятъ ли шесть стопъ его стиха изъ дактилей и спондеевъ, или къ нимъ примѣшался и трохей, входящій по обстоятельствамъ въ гекзаметръ вмѣсто спондея даже въ нѣмецкой поэзіи». Точно также не удивительны и всѣ другія неправильности и вольности еврейской поэзіи, замѣченныя уже Іеронимомъ, выраженія котораго о метрѣ библейскаго стиха, говоритъ Заальшутцъ, легко объяснимы съ точки зрѣнія нашего взгляда. Іеронимъ говоритъ, что стихи Псалмовъ часто сложены размѣромъ ямбическимъ. Этотъ стихъ могъ показаться Іерониму тамъ, гдѣ строка начинается слогомъ отрывочнымъ отъ остальнаго состава слова. Напр. Пс. 2, 2.

Jithjazz'bu mālchē erez

Verosnim nosdu jachad

Al adonai veal meschichō.

Но отсюда опять не слѣдуетъ, что древнееврейскій поэтъ при этомъ размѣрѣ имѣлъ въ виду именно тѣ правила, которымъ напр., слѣдуетъ стихотвореніе Клейста «der Frühling», имѣющее въ гекзаметрѣ всегда предъударенія. Первый, короткій слогъ вышелъ въ Псалмѣ подъ вліяніемъ случайнаго, чрезвычайнаго, музыкальнаго настроенія уха писателя случайно остановившагося для выраженія своей мысли въ началѣ стиха на словѣ съ слабымъ первымъ слогомъ, какъ въ нѣмецкой поэзіи, на оборотъ, при свободномъ ямбическо-анапестическомъ родѣ стиха не

www.bibleist.ru

невозможно начать стихъ трохеемъ.—Равнымъ образомъ если, по Іерониму, нѣкоторые стихи псалмовъ звучатъ алкаически или сафически, то это вовсе не значитъ, что въ намѣреніи поэта было употребить именно этотъ родъ метра; здѣсь нужно разумѣть только одиночные случаи установившагося подобнымъ образомъ метра въ стихѣ. Напр. Пс. 2, 12: nāschkū bār pen jenaf vedhobdū derech подобенъ сафическому стиху, а заключеніе тогоже 12 ст. āschrē cōl chōsē bō, алкаическому. Замѣчаніе Іеронима, что нѣкоторые стихи начинаются полустопою, имѣетъ въ виду ту характеристическую особенность, что слову, стоящему подъ спондеемъ или трохеемъ и имѣющему только одинъ сильный слогъ дается обыкновенно особенное выраженіе, потому что послѣ него слѣдуетъ небольшая пауза, напр.

Пс. 111, 9. Pedūth ‖ schálach leámmo
Свободнымъ | онъ сдѣлалъ народъ.

Пс. 114, 3. Hajjām ‖ ráah vajjános.
Море | оно увидѣло и убѣжало.

Наконецъ въ своей метрической характеристикѣ книги Іова Іеронимъ замѣчаетъ, что въ ней, при спондео-дактилическомъ, гекзаметрическомъ стихѣ, употребляются другія мѣры, одинаковыя если не въ отношеніи къ слогамъ, то въ отношеніи къ моментамъ времени, соотвѣтственно особенностямъ языка (propter linguae idioma). Кромѣ спондея и трохея, съ дактилемъ по моментамъ времени равенъ еще *первый паонъ*. Мѣра стиха, въ которой смѣшивается спондей и дактиль находится въ пѣсняхъ Клопштока: die Rache (гдѣ присоединяется именно и первый паонъ) и das Gegenwärtige.

www.bibleist.ru

Заальшутцъ. Пѣснь Моисея, раздѣленная на стихи и строфы. Исх. 15, 1—11):

Aschíra la | dónai khi | gá oh | gá ah
Sús ve | róchbo | rá-mah baj | jám

Ós-si ve | sím-rath | jám
Vaj-hí li li— | schúah
Seh é li van | vé-hu
E—ló—he | á-bi va rom | mén-hu.

Adónai | ísch mil | chá-mah a- | dónai sche | mó
Márkboth | Pár'oh ve | ché lo | já-rah baj | jám
Umíbchar scha | líschav | túb-bu be | jám suph
Thó-moth jchas | júmu | jàrdu bim | zó-loth-kmo | áven

Jemíncha a | dónai ne | dári bak | kóach
Jemíncha a | dónai | thíraz | ójeb.
U bród ge | óncha | tháros ka | mécha
Theschállach cha | róncha joch | lé-mo kak | kásch
Ubruách ap | pecha ne | érmu | májim

Nízz'-bu kmo | néd | nós lim
Káfeu | thómoth | blébjam
Ámar | ófeb
Érdof | ássig
Achállek | schálal
Thimlaémo | náphschi

Árik | chárbi
Thorischémo | jádi.

www.bibleist.ru

Naschâphtha | brúcha | chá kis | sámo | jám
Zólalu | káo | phéreth be | májim ad | dirim
Míka | mócha ba | élim a | dónai
Mí ka mócha | nédar bak | kódech
Nóra thę | hílloth | oseh | peleh.

Основаніе, принятое въ гипотезѣ Заальшутца, представляетъ парадоксъ въ исторіи еврейской грамматики. Вопреки всѣмъ древнимъ грамматикамъ, что ударенія древнееврейскаго языка приходились на концѣ слова, какъ это показываютъ акценты, Заальшутцъ настаиваетъ на удареніи предпослѣдняго слога, чтобы получить *спондео-дактилическій стихъ*, т. е. чтобы оправдать свидѣтельство блаж. Іеронима, допускавшаго главнымъ образомъ этотъ метръ въ книгѣ Іова. Что именно это мнѣніе Іеронима заставило Заальшутца искать научнаго объясненія для спондеодактиля библейскаго, это видно изъ постоянныхъ обращеній къ Іерониму въ изслѣдованіи Заальшутца, а особенно изъ послѣдней (20-й) главы его изслѣдованія, гдѣ онъ именно ставитъ цѣлію доказать, что Іеронимъ, Іосифъ и Филонъ говорятъ о библейскомъ метрѣ тоже самое, что говоритъ онъ. Но мы видѣли уже, что свидѣтельства этихъ древнихъ писателей не имѣли научнаго характера. Это были преданія, имѣвшія своимъ основаніемъ увлеченіе классическою литературою и не предполагавшія возможности существованія какой либо высокой поэзіи внѣ классическихъ формъ. Мы сказали уже, что начало этому взгляду положилъ Филонъ, даже не знавшій по еврейски. Если этотъ взглядъ поддерживалъ и Іеронимъ, то, какъ мы видѣли, при этомъ онъ прибавлялъ, что въ Библіи героическій метръ постоянно нарушается особеннаго рода метрами, свойственными исключительны еврейскому языку. А такъ какъ этого послѣдняго рода метровъ, собственно еврейскихъ, Іеронимъ не старается опредѣлить, то очевидно, онъ и не имѣлъ

www.bibleist.ru

въ виду изслѣдовать библейскій метръ въ строгомъ смыслѣ, а дѣлалъ простыя реторическія сравненія, сопоставляя незнакомую его читателямъ древнюю библ. поэзію съ извѣстною до тонкостей классическою поэзіею. Такимъ образомъ замѣчанія о формахъ поэзіи Іосифа, Евсевія и Іеронима для Заальшутца могли быть необязательны, тѣмъ болѣе, что для научнаго доказательства ихъ, Заальшутцъ долженъ былъ рѣшиться на весьма странное предположеніе, что еврейскія слова не имѣютъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, а только на предпослѣднемъ. Основанія приводимыя имъ въ пользу этого предположенія весьма слабы. α) Если ново арабскій и сирскій языкъ ударяютъ слова на предпослѣднемъ слогѣ, то отсюда ничего не слѣдуетъ объ удареніяхъ древнееврейскаго языка, точно также какъ изъ удареній напримѣръ, французскаго языка (конечныхъ) нельзя заключать къ удареніямъ латинскаго языка (никогда не имѣющимъ мѣста на концѣ слова). β) Чтеніе нынѣшнихъ польскихъ и германскихъ евреевъ опять ничего не показываетъ, такъ какъ оно извращено подъ вліяніемъ нѣмецкаго прононса. γ) Несправедливо говоритъ Заальшутцъ, что акценты не имѣютъ никакого грамматическаго значенія, и потому только стоятъ всегда на концѣ. Напротивъ, когда нужно перенести ударение на предпослѣдній слогъ, и акценты перемѣняютъ мѣсто и ставятся на предпослѣднемъ слогѣ (напр. въ именахъ сегольныхъ). Впрочемъ, послѣ общаго утвержденія о библ. спондеодактилѣ, Заальшутцъ совершенно смягчаетъ свое мнѣніе и говоритъ о метрѣ «вполнѣ безъискусственномъ, соотвѣтствующемъ только естественнымъ требованіямъ такта». Такимъ образомъ мы можемъ повторить противъ Заальшутца тоже, что онъ говорилъ противъ Беллермана: ужели древнееврейскіе поэты, если они знали музыку и имѣли въ виду употребить именно стихотворную, а не прозаическую рѣчь, не были въ состояніи дать большую равномѣрность своему стиху; взявши за норму, какъ думаетъ Заальшутцъ спондео-дактилическій, героическій метръ, они, не смотря на по-

www.bibleist.ru

мощь со стороны самаго языка съ его двухсложными и трехсложными словами, якобы ударявшимися на предпослѣднемъ слогѣ, на каждомъ шагу затрудняютъ свой размѣръ внесеніемъ то полустопъ, то стопъ совершенно другаго лада; вообще, по гипотезѣ Заальшутца въ Библіи нѣтъ поэзіи въ собственномъ смыслѣ.

Наконецъ въ наше время приступилъ къ разъясненію библейскаго метра на томъ же основаніи тоновъ или удареній В. *Нетелеръ*, издавшій доселѣ еще только метрику первыхъ пятнадцати псалмовъ (Anfang der hebräischen Metrik der Psalmen 1871). «Всякій, имѣющій сколько нибудь музыкальное ухо, могущее различать текстъ, говоритъ Нетелеръ, не можетъ оставаться въ сомнѣніи, что причина того загадочнаго обаятельнаго ощущенія, какое испытывается при чтеніи Псалмовъ, заключается въ ихъ метрикѣ. И если извѣстнымъ слогамъ дать требуемое акцентомъ напряженіе, а различнымъ швамъ соотвѣтственное смягченіе звука, то метръ библ. выступитъ такъ ясно, что уже того, что непроизвольно схватываетъ при этомъ ухо, бываетъ достаточно, чтобы опредѣлить основоположенія библейскаго метра». Вотъ эти основоположенія: 1. Шва mobile и compos. и патахъ furt. не даютъ никакого особеннаго слога (какъ это достаточно извѣстно изъ еврейскихъ грамматикъ), а служатъ только предзвучіемъ другихъ слоговъ, и поэтому въ числѣ слоговъ не считаются. Короткія гласныя суффиксовъ вышедшія изъ швы, по требованію метра, то образуютъ слогъ, то исчезаютъ. 2. Слоги, отмѣченные масоретскими акцентами, произносятся съ удареніемъ и метрически должны разсматриваться какъ долгіе; если два такихъ слога будутъ стоять рядомъ, то при этомъ тонъ перваго будетъ скрываться тономъ втораго, если при этомъ оба слова тѣсно связаны между собою, напримѣръ въ cas. constr. Внѣ этой связи наоборотъ тонъ перваго затемняетъ тонъ втораго слога; если такіе слоги стоятъ на концѣ стиха, то они оказываютъ вліяніе на тонъ предшествующаго слога и заслоняютъ его, какъ это бываетъ

www.bibleist.ru

предъ большою паузой. Мазоретское измѣненіе мѣста удареній паузою, внутри стиха, даетъ цезуру для мѣры стиха. 3. Слоги, не отмѣченные акцентомъ, имѣютъ значеніе короткихъ, даже если они, находясь вблизи ударенія, подчиняются его вліянію. 4. Изъ присутствія метега при акцентахъ очевидно, что языкъ не терпитъ длиннаго ряда безтонныхъ слоговъ предъ главнымъ тономъ слога; такимъ образомъ метегъ указываетъ въ словѣ второе *побочное удареніе*. Это послѣднее, если оно отдѣляется отъ главнаго ударенія безтоннымъ слогомъ, дѣлаетъ слогъ долгимъ, въ противномъ случаѣ онъ остается короткимъ. Слогъ съ метегомъ, стоящій между двумя безтонными слогами, для метра имѣетъ значеніе долгаго; метегъ при швѣ mobile и compositum не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ шва не даетъ слога. Законъ ударенія метега необходимо долженъ быть принятъ, потому что въ первыхъ пятнадцати Псалмахъ между двумя главными удареніями встрѣчается по три безтонныхъ слога, при чемъ слогъ, стоящій между двумя безтонными, обыкновенно имѣетъ метегъ. Иначе въ такихъ случаяхъ была бы совершенная потеря ударенія словомъ, когда главное удареніе заслоняется вслѣдствіе соприкосновенія съ другимъ главнымъ удареніемъ; очевидно тогда должно выступить побочное удареніе съ силою долгаго слога. 5. Исправленіе мазоретской акцентуаціи *допускается*, если оно возможно по грамматическимъ законамъ и требуется метромъ; напримѣръ, грамматически возможно выбросить короткую гласную предъ суффиксомъ 2-го лица и поставить удареніе на этомъ суффиксѣ. Такое исправленіе бываетъ даже необходимо потому что мазоретская акцентуація есть чисто грамматическая (?), и во многихъ мѣстахъ не согласна съ метрическою въ выраженіи устраненія одного тона другимъ и опредѣленіи побочнаго тона. 6. Первые пятнадцать Псалмовъ имѣютъ метръ *ямбическій* и *анапестическій*, при чемъ чрезъ цезуру первый можетъ получить трохей, а послѣдній дактиль; но нѣтъ ни одного псалма чисто ямбическаго или чисто анапестиче-

www.bibleist.ru

скаго. Основною мѣрою является спондеическая (— —) съ анапестическими перемѣнами для ямба. Въ отношеніи числа стопъ стихи очень разнообразны: обыкновенны стихи пятистопные, шестистопные, семистопные и осьмистопные, но есть короче и длиннѣе; чрезъ цезуру стихи раздѣляются на два или болѣе рядовъ. 7. Что касается строфъ, то число стиховъ, входящихъ въ составъ ихъ, иногда бываетъ согласно съ числомъ стопъ стиха этой строфы, иногда зависитъ отъ числа стопъ стиха другой строфы, во всякомъ случаѣ въ распредѣленіи строфъ господствуетъ симметрія. Первая и послѣдняя строфа Псалма очень часто сходны между собою, тогда какъ въ срединѣ много варіацій.

Нетелеръ. Псаломъ 1-й [1]).

1. — ˊ — ˊ — ˊ — — ˊ — ˊ — 2×3
— ˊ — ˊ — ˊ — ˊ; — — ˊ — ˊ — ˊ — 4+3
2. — ˊ — ˊ — ˊ — ˊ, — — ˊ — ˊ — ˊ — ˊ — 3×3
3. — ˊ — ˊ — ˊ — ˊ — —, — ˊ — ˊ — 4+3.
— ˊ — ˊ — ˊ — ˊ — —; — — ˊ — ˊ — — 4+3.
4. — ˊ — ˊ —; — ˊ — ˊ — ˊ — ˊ — 2+5.
5. — ˊ — ˊ — ˊ — ˊ — —; — — ˊ — ˊ — 4+3.
6. — — ˊ — ˊ — ˊ — — —; — ˊ — ˊ — 4+3.

Псаломъ 15.

1. — ˊ — ˊ — ˊ — —; — ˊ — ˊ — — 3+3.

[1]) Числа передъ строкою указываютъ мазоретскіе стихи, квадратныя черточки—слоги; акцейтъ—слогъ ударенія; числа на концѣ строкъ сумму слоговъ.

www.bibleist.ru

2. — —′ — —′ — — —′ — —′; — —′ — —′ — — —′ 4+3.

3. — — —′ — — —′ — — —′ — —′ — — —′; — —′ — — —′
— — —′ 5+3.

4. — —′ — —′ — —′ — — —′ — —′ — —′; — —′ — —′
— — —′ 6+3.

5. — —′ — — —′ — —′ — —′ — — —′ — — —′ — — —′ —;
— —′ — —′ 7+3.

Не распространяясь много о системѣ Нетелера, такъ какъ она еще развита только въ приложеніи къ первымъ пятнадцати псалмамъ, мы должны замѣтить однакожъ, что она слѣдуетъ самой правдоподобной изъ предшествующихъ системъ именно системѣ Беллермана. Но ограничивая такимъ малымъ количествомъ псалмовъ, приложеніе своей системы, Нетелеръ не обошелся безъ необходимости подгонять текстъ подъ свой размѣръ разными поправками; напримѣръ въ 1 пс. 3 ст. предлагаетъ читать ка'ez вмѣсто к'ez; 1 пс. 4 ст. рекомендуетъ прибавку къ стиху лишнихъ словъ mippne'j ha'arez, слѣдуя переводу LXX и пр.

Этотъ длинный рядъ неудачныхъ попытокъ къ открытію библейскаго метра, естественно, породилъ наконецъ сомнѣнія въ возможности найти его и остановилъ изслѣдованія многихъ экзегетовъ въ этомъ направленіи. Изслѣдователи, высказавшіе сомнѣніе въ возможности найти метръ, хотя и предполагавшіе его, прежде Карпзова, были: *Вальтеръ* (deploranda interim est serio tum gentis judaicae miseria, tum ex parte aliqua etiam nostra infelicitas, quod rationem metri et musicae hebraicae ignoramus; ea enim, ut multa alia cum judeorum politia et ecclesia penitus interiit. Officin. bibl. § 890, p. 968), *Лёшеръ* (vetus illa et divina carmi-

www.bibleist.ru

num ratio hactenus est ἐκ τῶν ἀνεξερευνήτων nullaque hominum industria detegi potuit. De causis linguae hebraae 436), *Данаверъ* (Spirare in codice sacro aliquam poesin insinuat historia, testimonia abcinuunt, plagia produnt, oratio aperit, res ipsa loquitur. Homil. Academ. XIX), *Альтингъ* (Forma est metrica sermone ligato ad leges carminum variorum, quorum tamen ratio hodie nescitur. Exeg. Psalm. 601), Себ. *Шмидъ*, *Беллярминъ*, *Бартолоччій*. Приводя эти мнѣнія своихъ предшественниковъ, *Карпзовъ* разъясняетъ, что библейская поэзія дѣйствительно имѣла опредѣленную метрику, такъ какъ она требуется музыкою, но что правила этой метрики отличались отъ греческихъ и римскихъ и теперь *совершенно потеряны* (hodie prorsus deperdito nullique forte mortalium cognito, maxime cum nullum judaicae literaturae et humanitaris monumentum hoc aevo superet, quod parem cum sacro codice ferat actatem. Intr. ad lib. canon. vet. Test. p. 11). Но обстоятельнѣе всѣхъ высказался въ этомъ мнѣніи Роб. *Ловтъ* въ своемъ блестящемъ сочиненіи Praelectiones de sacra poësi Hebraeorum. Что въ Библіи есть стихотворный языкъ, это, по Ловту, наглядно видно изъ искусственнаго стихотворнаго раздѣленія стиховъ въ алфавитныхъ псалмахъ, а также изъ свободнаго и неправильнаго употребленія многихъ словъ и оборотовъ въ такъ называемыхъ поэтическихъ книгахъ, что могло быть нужно только въ интересахъ метра; иначе эти удлиненія и укороченія словъ, къ которымъ прибѣгаютъ ветхозавѣтные поэты, эти особенныя слова и обороты, какихъ нѣтъ въ книгахъ историческихъ, будутъ совершенно необъяснимы. Но что касается самой мѣры стиховъ библейскихъ, то она *человѣческими средствами не можетъ быть открыта* (id omne et penitus ignotum esse et nulla unquam arte aut industria humana investigari posse, ex ipsa rei natura satis apparet). «Я не могу вѣрить, прибавляетъ *Пфейфферъ*, въ какую либо систему древнееврейскаго метра, потому что былъ ли онъ или нѣтъ (вѣроятнѣе что былъ), онъ погребенъ на вѣки подъ поздпѣйшею пунктуаці-

www.bibleist.ru

ею библейскаго текста (Über die Musik der alten Hebräer стр. XVI)». «Все, что можно говорить о ветхозавѣтной поэзіи (*Янъ* въ своей bibl. Archäol. 1. 488) это только то, что она состоитъ изъ различныхъ стиховъ, между которыми одни длиннѣе, другіе короче, однѣ движутся медленно и расчитаны на внечатлѣніе величія и силы, другіе идутъ тяжело и съ какъ бы нѣкоторымъ трудомъ, какъ голосъ человѣка плачущаго, третьи одушевленно и живо; но назвать родъ библейскаго стиха на этихъ основаніяхъ нѣтъ никакой возможности». «Всѣ труды, какіе были предприняты по поводу открытія метра Библіи (*Буксторфъ*. Thesaurus gramm. Tract. de prosodia) напоминаютъ одно выраженіе изъ Bava kama (fol. 95): *погрузился въ глубокую воду, чтобы вынуть ненужный черепокъ*. Даже *Гердеръ*, съ своимъ глубокимъ поэтическимъ чутьемъ, колебался признать и опредѣлить библейскій метръ: ничего не можетъ быть труднѣе, говоритъ онъ, какъ передать стихъ еврейскій въ размѣрѣ древняго темпа и риѳма. Не только въ древнее время, но еще и теперь, востокъ ничего не знаетъ о нашей гармоніи и употребляетъ особенную свободную мѣру слоговъ, такъ что нужно оставить всякія попытки подвести нашъ стихъ подъ метръ восточный или наоборотъ (Geist der hebr. Poesie 1. 352).

Среди этихъ неопредѣленныхъ сомнѣній въ возможности найти метръ Библіи, выступаетъ еще особенный не опредѣленный взглядъ, срединный между признаніемъ и отрицаніемъ, отвергающій рѣшительно какой либо *метръ* въ Библіи, но признающій въ ней *риѳмъ*, и *поэтическія мелодіи*. На переходѣ къ этому взгляду стоитъ *Возій* (de natura et const. artis poet. 1. 77), признавшій въ нѣкоторыхъ книгахъ Библіи только соотвѣтствующее число слоговъ въ размѣрѣ стиховъ, но не метръ (In Iobo et Proverbiis Solomonis solum Rhythmus est non metrum; hoc est, syllabarum numerus, non quantitas attenditur. Idem judicium est de posteriori Mosis cantico. Similes igitur sunt versus, ac Graecorum illi, quos

www.bibleist.ru

politicos vocant. Hi trochaici tetrametri catalectici videntur, si syllabas numeres; sed quantitas neglilitur. At in Psalmis et Threnis ne Rhythmus quidem observatur, sed oratio est soluta, quae spiritu ac charactere Poetico animetur). Насколько была неудобна принятая здѣсь точка разсмотрѣнія, видно изъ того, что Возій принужденъ былъ причислить къ прозаическимъ книгамъ Псалмы и книгу «Плачь», не будучи въ состояніи измѣрить въ нихъ и раздѣлить грезившійся ему ритмъ. Удивленіе предъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ высказываетъ даже одинъ изъ послѣдователей Возія *Скалигеръ* (animadv. ad Chron. Evseb. 6) прибавляя при этомъ, что библейскій стихъ, имѣя ритмъ, не имѣетъ метра, потому что in hebraico, Syriaco, arabico et abyssino idiomate ulla metri species concipi possit, nemo efficere potest, quia id *naturâ sermonis non patitur*. Замѣчаніе очень не удачное, потому что арабскій и сирскій языкъ, также какъ и новоеврейскій, имѣютъ правильный метръ. *Михаэлисъ*, въ своихъ замѣчаніяхъ на выше приведенное мнѣніе о библ. метрѣ Ловта (Praell. tom. 1. 48), сближаетъ допускаемый имъ въ библ. поэзіи ритмъ съ тѣмъ, что у насъ называется речитативомъ. «Мы различаемъ, говоритъ этотъ писатель, два рода стиха: соразмѣрный и свободный, также отличные между собою, какъ отлично искусственное танцовальное па отъ свободнаго *плясоваго движенія*. За евреями мы признаемъ только свободный ритмъ, т. е. необточенные звуки, но вообще соотвѣтствующіе музыкальнымъ движеніямъ, которымъ можно аккомпанировать инструментомъ и пляскою. Не безъ сходства еврейскій стихъ съ отдѣльными тристихами одъ Горація, звучащихъ разнородными стопами. Если слоги съ удареніемъ отличать въ произношеніи какъ долгіе, то музыкальность библейскаго стиха будетъ приближаться къ тому, quod recitativum dicimus». Съ Михаэлисомъ соглашается вполнѣ и Г. *Мейеръ* (Germeneutik des alt. Test), признавая въ Библіи только видимый при первомъ взглядѣ ритмъ поэтическихъ книгъ, къ которому онъ относитъ всѣ видимыя

www.bibleist.ru

различія языка поэтическихъ книгъ отъ прозаическихъ. *Пфейферъ* (Diatr. de Poesi hebraeorum. 18) также принимаетъ связанную съ числомъ слоговъ, но исключающую всякій метръ *мелодію*, подобную той, какая существуетъ въ нѣкоторыхъ латинскихъ церковныхъ пѣсняхъ, напр. въ пѣсняхъ: puer natus in Bethlehem и проч. ad coenam agni providi и пр. Surrectus Christus hodie и проч. Spiritus sancti gratia и пр. На мелодіи же настаиваетъ и *Абарбанелъ* (Комм. на Ис. гл. 5), различающій въ Библіи два рода стиховъ: α) стихи, которые можно называть такими не по ихъ внѣшней формѣ, а по конкретной образности ихъ содержанія и β) стихи, не имѣющіе метра, но основывающіеся на мелодіяхъ, которыя, въ отношеніи къ слогамъ, бываютъ то удлиненныя, то сжатыя; отсюда сокращенныя и удлиненныя формы нѣкоторыхъ словъ и выраженій.—Вообще касательно этихъ обращеній къ мелодіямъ и какимъ то неопредѣляемымъ риѳмамъ нужно сказать, что въ исторіи разъясненія библейскаго стиха научнымъ путемъ онѣ не имѣютъ никакого значенія, потому что основываются не на какихъ либо осязательныхъ основаніяхъ, а только на субъективномъ поэтическомъ чутьѣ. *Мелодія*—общій терминъ, которымъ можно опредѣлить не только поэзію, но и прозу.

Отъ этихъ колебаній въ признаніи какого либо метра въ Библіи не далеко было до его положительнаго отрицанія, какъ въ отношеніи собственно метра, такъ и того, что выше указанные толкователи называли риѳмомъ. Къ этимъ вполнѣ отрицательнымъ взглядамъ на ветхозавѣтную поэзію принадлежатъ взгляды *Ричарда Симона* (Histoire critique du V. Test. 1. 57), *Альстедія* (Encyclop. bibl. seu triumf. bibliorum, 257), рабби *Азаріи* (Meor Enajim), A. Alex. *Вольфа* (Der Phophet Habakuk). Но самыми лучшими представителями этого взгляда были *Мендельсонъ* (Комм. на 2 Моис. 15) и *де-Ветте* (Komment. über die Psalmen, 57). «Свящ. пѣсни, говоритъ Мендельсонъ, обязаны своимъ происхожденіемъ пророчественному духу и св. вдохно-

www.bibleist.ru

вѣнію, оттого они не измѣримы и не исчислимы по обыкновеннымъ мѣрамъ стиховъ, не состоятъ изъ частей строго раздѣленныхъ по длинѣ и ширинѣ, какъ греческія и римскія пѣсни, не имѣютъ даже полныхъ и не полныхъ слоговъ, или риѳма на концѣ стиха, какъ въ новыхъ еврейскихъ пѣсняхъ». Но особенно рѣшительно высказываетъ это отрицаніе де-Ветте. «Единственное основаніе, изъ котораго Ловтъ надѣялся безошибочно вывести риѳмическое раздѣленіе и упорядоченіе еврейской поэзіи, говоритъ де Ветте, это былъ алфавитный порядокъ нѣкоторыхъ псалмовъ и другихъ поэтическихъ отрывковъ. Но дѣйствительно ли то не многое, что находитъ, такимъ образомъ, Ловтъ, суть строфы и стихи, это еще вопросъ, на который или нельзя отвѣчать, или нужно отвѣчать отрицательно. Если бы въ свящ. пѣсняхъ были какіе либо слѣды метрики, то въ нихъ непремѣнно можно было бы прочитать законъ какого бы то ни было свойства; но такъ какъ всѣ труды къ открытію этого закона кончились ничѣмъ, то очевидно его нѣтъ, а слѣдовательно нѣтъ и метра. Многіе думали, что метръ библейскій потерянъ вслѣдствіе введенія въ текстъ мазоретской пунктуаціи. Что касается меня, то я вѣрю въ правильность еврейской пунктуаціи, нетребующую исправленія. Но и независимо отъ нее, однимъ глазомѣромъ легко угадать отсутствіе всякой равномѣрности въ еврейской пѣсни, такъ какъ въ ней безъ порядка стоятъ длинные и короткіе стихи одинъ подлѣ другаго; въ какой поэзіи встрѣчается что либо подобное?» — Очевидно, что эти отрицатели не сказали ничего больше своихъ предшественниковъ, сомнѣвавшихся въ возможности открыть библейскій метръ; только, вмѣсто обыкновеннаго прежде, субъективнаго выраженія собственнаго невѣденія въ отношеніи къ свящ. поэзіи, здѣсь стараются объективно констатировать полное отсутствіе поэтическихъ формъ въ Библіи.—Итакъ, и попытки найти равномѣрный метръ въ Библіи по образцамъ извѣстныхъ поэзій, и попытки отвергнуть его оказались одинаково безосновательными и несостоятельными.

www.bibleist.ru

Изученіе поэтической библейской литературы новѣйшаго времени, въ лицѣ своихъ лучшихъ изслѣдователей, стаетъ на болѣе широкую точку зрѣнія, все болѣе и болѣе заинтересовывая собою не только записныхъ филологовъ и богослововъ, но и обыкновенныхъ диллетантовъ не только богословской, но и свѣтской науки. Одни изъ изслѣдователей стараются поставить въ связь метрическія формы Библіи съ строеніемъ стиха въ простыхъ народныхъ пѣсняхъ разныхъ народовъ германскихъ и романскихъ, сопровождая свои аналогическія сопоставленія философскими трактатами о происхожденіи поэзіи и ея необходимыхъ элементахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Здѣсь мы должны припомнить Ферд. *Вольфа* (über die Lais, Sequenzen und Leiche. 1814. стр. 14), перваго положившаго различіе между метрикою стиховъ и ихъ *пѣвучестію* или музыкальностію. Древнѣйшія (говоритъ Вольфъ), такъ называемыя сатурническія пѣсни и обрядовыя народныя пѣсни римлянъ (до введенія Эннiемъ греческой искусственной поэзіи) были дѣйствительно стихотвореніями и пѣлись народомъ, не имѣя однакожъ въ себѣ изометрическаго такта, расположеннаго по удареніямъ и числу и качеству слоговъ. Это положеніе Вольфа *Зоммеръ* (bibl. Abhandl. 1. s. 136 и дал.) прилагаетъ къ библейской поэзіи, прибавляя впрочемъ, что она должна стоять выше обыкновенной безъискусственной народной поэзіи, потому что многіе псалмы обнаруживаютъ большую, хотя и не опредѣленную еще, равномѣрность, указывающую болѣе предчувствіе строгаго риома и метра, чѣмъ надлежащее обладаніе ими. Другой замѣчательный знатокъ индогерманскихъ и семитическихъ литературъ, *Ернестъ Мейеръ* находитъ въ библейской поэзіи мотивы германской или швабской пѣсни. Въ предисловіи къ своему сочиненію: Die Form der hebräischen Poesie, напомнивши, что, кромѣ греческой и арабской метрики, которую напрасно старались вложить въ формы библейской поэзіи, есть еще eine mittelhochdeutsche Poesie, расположенная по совершенно другимъ законамъ, по кото-

www.bibleist.ru

рой сложены многія тысячи пѣсней нѣмецкаго народа, Мейеръ признается, что десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ занимался собраніемъ швабскихъ народныхъ пѣсней, были очень важны для него и въ отношеніи къ разъясненію библейской поэзіи, и что отъ путешествія по Швабіи онъ выигралъ для пониманія Ветхаго Завѣта больше, чѣмъ можно было бы выиграть отъ путешествія въ Іерусалимъ. Вліяніе народнаго нѣмецкаго стиха на чтеніе библейской поэзіи у Мейера можно видѣть въ его переводѣ нѣкоторыхъ поэтическихъ книгъ Ветхаго Завѣта съ раздѣленіями стиховъ на короткія строки, при чемъ каждая изъ строкъ имѣетъ непремѣнно два ударенія всегда съ одинаковымъ тактомъ, который на техническомъ языкѣ Мейера будетъ означать *два четвертныхъ такта, естественный тактъ военнаго марша: разъ, два!...* Для примѣра вотъ Мейеровъ переводъ загадки Самсона и ея разгадки. Суд. 14, 18.

Méhaokél — ∪ ∪ —
Jazá maakál ∪ — ∪∪ —
Ú—meàs — ∪ —
Jazá matok ∪ — ∪ —
Отъ ядущаго
Вышло съѣдобное,
И отъ грубаго
Вышло нѣжное.
Máh matòk — ∪ —
Middebàsch? — ∪ —
Ú—meh às — ∪ —
Méarì? — ∪ —

www.bibleist.ru

Что будетъ слаще
Нежели медъ?
Что будетъ крѣпче
Нежели левъ?

Касательно этого изученія библейскаго метра помощію сопостановленія его съ разными національными поэзіями замѣтимъ только, что оно получило развитіе подъ вліяніемъ идей Лейбница о единствѣ человѣческихъ языковъ, когда еврейскій языкъ, какъ праотецъ человѣческихъ языковъ, разсматривался всѣми грамматиками для того, чтобы, вслѣдствіе тѣснаго отношенія къ нему всѣхъ языковъ, объяснить его простотою то, что было непонятно въ другихъ языкахъ, когда миссіонеры и путешественники считали своею обязанностію составлять полный гербарій человѣческихъ языковъ и то дѣло писали словари и грамматики человѣческихъ языковъ, сопоставляя ихъ прежде всего съ своимъ роднымъ языкомъ, а потомъ съ древнѣйшими языками, особенно съ древнееврейскимъ. Библейскіе толкователи эту задачу поставили наоборотъ, т. е. непонятное въ языкѣ библейскомъ стали объяснять аналогіею съ новѣйшими языками. Какъ мы сейчасъ видѣли изъ примѣра Мейера, который объяснялъ библейскій метръ нѣмецкимъ и увлекаясь патріотизмомъ слышалъ тактъ нѣмецкаго походнаго марша (Takt des Marsches: eins, zwei! eins, zwei!) въ библейской музыкѣ, подобныя сопоставленія не были свободны отъ національныхъ предразсудковъ (Мейеръ самъ называетъ свое увлеченіе швабскою поэзіею *грѣхомъ*, впрочемъ неизбѣжнымъ въ настоящемъ нѣмецкомъ оріенталистѣ), не говоря уже о томъ, что самый принципъ сравненія такихъ отдаленныхъ другъ отъ друга по мѣсту и времени языковъ, какъ языки еврейскій и нѣмецкій, требовалъ большихъ ограниченій. Тѣмъ не менѣе однакожъ здѣсь сдѣланъ большой шагъ въ развитіи нашего вопроса. Уже то одно, что Мейеръ не мучитъ своихъ читателей обращеніемъ къ спондео-

www.bibleist.ru

дактилямъ и ямбо-анапестамъ греко-римской поэзіи, какъ это дѣлаютъ, съ положительной или отрицательной стороны, всѣ выше упомянутые изслѣдователи, располагаетъ въ его пользу. Кромѣ этой, неизвѣстной до Мейера простоты въ отношеніи къ предмету, риѳмъ, указанный имъ, не будучи еврейскимъ, обращаетъ на себя вниманіе своею пріятностію и не принужденностію. Мы не знаемъ перевода Библіи на столько интереснаго и плавнаго въ музыкальномъ отношеніи, какъ замѣчательный переводъ поэтическихъ книгъ Ветхаго Завѣта Мейера. Шенкель (Bibel.Lexikon 1, 600), признаетъ взглядъ Мейера на библейскую поэзію самымъ совершеннымъ, нашедшимъ сочувствіе себѣ далеко за предѣлами собственно богословскаго круга читателей и ученыхъ.

Если, такимъ образомъ, одни изъ новѣйшихъ искателей библейскаго метра обратились за аналогіями, вмѣсто образцовой литературы греко-римской, къ своимъ національнымъ поэзіямъ и тѣмъ оживили изученіе нашего вопроса; другіе толкователи оставили всѣ древніе пріемы изслѣдованія для независимаго философскаго разъясненія сущности ветхозавѣтной поэзіи. Первое мѣсто здѣсь занимаютъ изслѣдованія Евальда (Die Dichter des alten Bundes 1 Th. 1 Hälfte), котораго почти только повторяютъ въ этомъ вопросѣ всѣ нынѣшніе изслѣдователи ветхозавѣтной литературы. Признавая, что языкъ ветхозавѣтный не доразвился до метрической поэзіи, Евальдъ признаетъ въ Библіи только, независимый отъ внѣшнихъ обыкновенныхъ формъ, внутренній поэтическій *риѳмъ мысли*, GedankenRhythmus, то опускающейся, то поднимающейся, и такимъ образомъ образующей Tanz der Gedanken, замѣняющій то, что въ другихъ поэзіяхъ называется просодіею. Напр., въ печальной пѣсни Давида риѳмъ мысли образуютъ два члена, изъ которыхъ второй наглядно образуетъ пониженіе перваго:

Каменный таранъ, Израиль, погибъ на высотахъ твоихъ!...
О, пали герои.

www.bibleist.ru

Первый членъ здѣсь вырывается порывисто и быстро и требуетъ полной груди; напротивъ второй, слѣдующій за сильнымъ напряженіемъ перваго, есть не болѣе какъ отдыхъ и пониженіе тона, послѣ котораго пониженія мысль должна снова подняться на высоту перваго, чтобы слова опуститься въ дальнѣйшемъ членѣ и т. д. Этотъ *танцъ* мысли, идетъ всегда двумя замкнутыми въ себѣ членами, изъ которыхъ каждый имѣетъ смыслъ только при другомъ, а разсматриваемый отдѣльно теряетъ свое живое поэтическое значеніе. Объ этомъ риемѣ мысли мы подробнѣе будемъ говорить въ вопросѣ о происхожденіи библейскаго параллелизма членовъ; здѣсь замѣтимъ только, что, при всей своей обаятельности и глубинѣ, и этотъ взглядъ, названный Фюрстомъ (Gesch. d. bibl. Lit. 1, 456) *въ высшей степени яснымъ основательнымъ и соотвѣтствующимъ истинѣ*, не выдерживаетъ критики. Признаемся, что мы не понимаемъ даже, какъ можно говорить о поэтичности мысли, взятой въ себѣ самой, независимо отъ ея звуковой оболочки, въ которой Евальдъ не видитъ метрическаго сложенія. Всякая мысль, если ее представить голою и разоблаченною отъ всякихъ звуковыхъ словесныхъ покрововъ, будетъ имѣть простой прозаическій характеръ, какъ бы ни было высоко и важно ея содержимое. Точно также и взаимное отношеніе такихъ мыслей между собою можетъ быть повышеніемъ или пониженіемъ въ логическомъ или грамматическомъ отношеніи, но не въ поэтическомъ. Если мы не подбирая особенныхъ звуковъ, скажемъ просто: *слушай сынъ, что говоритъ отецъ, а также не забывай и наставленій матери*, то, конечно, въ этихъ двухъ мысляхъ самое невзыскательное ухо не подмѣтитъ какого либо *танца* или поэтическаго шага, хотя отношеніе между этими мыслями соотвѣтствуетъ тому, что Евальдъ назвалъ риемомъ *полнымъ*, съ повтореніемъ цѣлаго предложенія. Самые термины Евальда: *вдыханіе и выдыханіе мысли, риемъ мысли, фуга мысли, шагъ мысли, танцъ мысли, натуга*

www.bibleist.ru

мысли, *прыжокъ мысли и проч.* дики, если ихъ относить къ голой, отвлеченной мысли; то что поднимаетъ и опускаетъ мысль, даетъ ей вялость и стремительность, ровность и музыкальный тактъ, относится уже не къ мысли, какъ такой, а къ ея выраженію, дающему цвѣтъ и образъ мысли. И такъ риѳмъ мысли, собственно говоря, не существуетъ, и потому всѣ толкователи, признающіе параллелизмъ предложеній единственною формою библейской метрики, только затемняютъ для своихъ читателей сущность библейской поэзіи, внося въ поэтическую область чуждыя ей логическія, реторическія и грамматическія понятія: синонимовъ, положеній, противоположеній, причинъ и слѣдствій, сравненій и т. под.

Къ какому заключенію должна привести эта исторія нашего вопроса? Огромная масса теорій, встрѣчающихся здѣсь, конечно свидѣтельствуетъ прежде всего сколько о важности вопроса, переходившаго изъ рукъ въ руки и поглощавшаго собою многіе годы трудовъ многихъ замѣчательныхъ умовъ въ Европѣ, столько и о необыкновенной его трудности, вслѣдствіе которой всѣ изслѣдованія до настоящаго времени не привели еще къ его окончательному рѣшенію. Такимъ образомъ, опыты прежняго времени требуютъ отъ изслѣдователя крайней осторожности въ изслѣдованіи, чтобы не быть жертвою тѣхъ односторонностей увлеченій, которыя лишили значенія труда предшествующаго времени по нашему вопросу. Первое увлеченіе представляютъ изслѣдователи—классики, полагавшіе невозможнымъ, чтобы божественное слово встрѣтило для себя между человѣческими звуками что либо болѣе соотвѣтственное себѣ и изящное, чѣмъ формы поэзіи греческо-римской [1]). Всѣ попытки такого рода должны быть оставлены на всегда послѣ того, какъ теперь доказано, что древніе языки *не знали разли-*

[1]) По этимъ же побужденіямъ извѣстный составитель славянской грамматики, Мелетій Смотрицкій, живший въ XVII вѣкѣ, старался ввести греко-римское стопосложеніе и въ русскомъ языкѣ, и тоже напрасно.

www.bibleist.ru

чія долгихъ и короткихъ гласныхъ (см. Шлейхера сравн. грамматика индо-европ. языковъ, изд. ред. Филол. записокъ въ Ворон. стр. 11, а о еврейскомъ языкѣ Lehrgeb· der hebr. Sprache von Gesenius § 9, 2). Всякое раздѣленіе долгихъ и короткихъ могло быть только дальнѣйшимъ слѣдствіемъ грамматическаго изученія языка. Такимъ образомъ Гомеръ, художественный стихъ котораго соблазнилъ древнихъ христіанскихъ изслѣдователей, не желавшихъ ставить его выше стиха библейскаго, долженъ еще защищать, и едва ли когда нибудь окончательно защититъ, свою подлинность отъ возраженій. Не возможно представить себѣ, чтобы гемеровскій гекзаметръ выработался инстинктивно помимо вѣрнаго, научнаго, но немыслимаго во времена Гомера, различенія звуковыхъ элементовъ. Хотя музыкальная словочуткость могла, конечно, услаждаться непроизвольнымъ риомическимъ изліяніемъ, хотя уже и древніе греки говорили, что сама природа научила ихъ героическому стиху, и онъ дѣйствительно является естественнымъ расцвѣченіемъ звуковыхъ соотношеній греческой рѣчи; тѣмъ не менѣе безъ яснаго грамматическаго уразумѣнія различныхъ элементовъ звука, безъ надлежащей оцѣнки гласныхъ и согласныхъ, рѣшительно нельзя понять художественную и утонченную выработку гекзаметра, его строгомѣрную свободу, его законность, хотя и оставляющую полный просторъ индивидуальному вдохновенію. «Какъ ни близко сродна языку поэзія, говоритъ Гумбольдтъ, все же она испытываетъ на себѣ совокупное дѣйствіе всѣхъ развивающихся духовныхъ способностей человѣка; попасть на стройную плетеницу короткихъ и долгихъ слоговъ можетъ только чутко развитый слухъ, научившійся долгимъ опытомъ различать каждый изъ звуковъ въ перепутанной связи его съ другими, опредѣлять его и распознавать его относительный вѣсъ». Что касается евреевъ, то, не смотря на рано явившуюся у нихъ письменность, ихъ языкъ, во весь періодъ библейской литературы, не выходилъ изъ періода естественнаго роста. Мы увидимъ вно-

www.bibleist.ru

слѣдствіи, что нѣкоторая искусственность напр., алфавитныхъ псалмовъ не требовала продолжительнаго книжнаго развитія и свойственна даже скандинавскимъ и древнегерманскимъ народнымъ поэзіямъ.

Второй урокъ изслѣдователю даютъ толкователи-отрицатели библейскаго метра, увлекшіеся своимъ отрицаніемъ до забвенія простыхъ первоначальныхъ условій языка и ясныхъ историческихъ указаній. Если нельзя представить первоначальной человѣческой поэзіи на высотѣ гекзаметра, то, съ другой стороны возможно ли отсутствіе въ немъ всякаго метра и ритма? Въ такомъ случаѣ вообще поэзія у евреевъ не существовала бы, и напрасно толкователи этого направленія еще говорятъ о поэтической библейской литературѣ, отдѣльно отъ прозаической. Что метръ былъ въ древнееврейскомъ стихѣ это видно: 1) изъ того, что *безъ него необходится никакая поэзія въ мірѣ.* По свидѣтельству Страбона (Georg. lib. III), Тацита (De mora germ. cap. 2) и друг. всѣ народы самые варварскіе и грубые, не имѣвшіе никакихъ законовъ, всегда имѣли законъ метра, которымъ они прославляли своихъ героевъ и предковъ. Тѣмъ болѣе не могли не имѣть метра и ритма евреи, обладавшіе уже значительною литературою. 2) Древніе *евреи безспорно имѣли музыкальныя мелодіи* (ср. Ам. 6, 5). При національныхъ празднествахъ, торжественныхъ и печальныхъ, псалмы и пѣсни пѣлись цѣлыми хорами (1 Сам. 17, 6—7 21, 11. Ам. 6, 5. Ис. 5, 12. 1 Цар. 1, 10 и дал. Пс. 68, 26). Если де-Ветте отнимаетъ у евреевъ всѣ мелодіи и мелодическія пѣсни, на основаніи нынѣшней синагогальной кантиляціи, ложно понятой имъ какъ древній библейскій напѣвъ (ср. объ этомъ нашу статью: древнеевр. музыка... Тр. К. Акад. 1871. Дек. 390 и дал.), то противъ него свидѣтельствуетъ Геродотъ (1, 198. 2, 79, 75), опредѣленно говорящій о мелодіяхъ близкихъ къ евреямъ Финикіянъ и Вавилонянъ. Точно также у родственныхъ евреямъ арабовъ съ глубокой древности и доселѣ

www.bibleist.ru

существуютъ мелодіи самаго опредѣленнаго свойства. Очевидно, что онѣ были и у евреевъ, потому что иначе самые термины: пѣвцы, пѣвицы, пѣсни (schir), часто встрѣчающіеся въ Библіи, не имѣли бы смысла. Если же у евреевъ были извѣстны музыкальныя мелодіи, и при томъ тѣ напѣвы, которые вообще свойственны лирическимъ пѣснямъ народа (такъ какъ у евреевъ другой поэзіи кромѣ лирической и не существовало); то они не могли существовать безъ ритмически размѣреннаго стиха и правильно повторяющейся строфы. 3) *Евреи имѣли обычай плясать подъ пѣніе своихъ пѣсней.* Такъ уже въ самомъ началѣ еврейской исторіи побѣдныя пѣсни сопровождаются пляскою женщинъ (Исх. 15, 20). Тактъ такой пляски первоначально давался всегда только *пѣніемъ* (1 Сам. 18, 7. Одиссея, 1, 152). Позже пляшутъ подъ звуки инструментовъ, но также въ связи съ пѣснію (Іер. 41, 4). Но этотъ плясовой тактъ пѣсни во всякомъ случаѣ долженъ былъ основываться на ритмически расчлененной мелодіи и такимъ образомъ съ необходимостію приводитъ насъ къ мѣрно построенному стиху. 4) Но самымъ яснымъ образомъ говоритъ о метрическомъ или строфическомъ раздѣленіи ветхозавѣтной пѣсни *алфавитныя пѣсни*, указывающія вмѣстѣ и то, что древнія пѣсни пѣлись, и то, что они слагались соразмѣрно.—Такимъ образомъ, вопреки сомнѣніямъ и положительнымъ отрицаніямъ библейскаго метра и ритма, дѣйствительность того и другаго стоитъ выше сомнѣній и «не за вѣтромъ въ пустынѣ», какъ выражался рабби Азарія, гонялись тѣ, которые усиливались разгадать строй священнаго стиха. Если изслѣдователи—классики не поняли библейскаго стиха, потому что несправедливо приписывали его внѣшней формѣ и достоинству слишкомъ много, то изслѣдователи второй категоріи не менѣе несправедливо приписали ему слишкомъ мало, или почти ничего, и тѣмъ самымъ отказались отъ его пониманія. Къ послѣднимъ нужно причислить и философствующую школу Евальдова направленія, занятую ритмомъ библейской мысли и

www.bibleist.ru

разработавшую одну реторическую и грамматическую сторону библейскаго стиха.

Только одно изъ разсмотрѣнныхъ нами направленій, какъ болѣе живое и обѣщающее, можетъ обратить на себя вниманіе современнаго изслѣдователя древней поэзіи, это именно сравнительное изученіе древнебиблейскаго стиха съ стихосложеніемъ предшествовавшихъ книжному періоду, простыхъ и безъискусственныхъ народныхъ пѣсень. Здѣсь прежде всего заслуживало бы вниманія стихосложеніе близкихъ къ евреямъ арабовъ и сирійцевъ, какъ этого и требовала школа иперарабистовъ; но, такъ какъ древнѣйшіе арабы не сохранили своихъ пѣсней, а позднѣйшіе арабскіе стихи пишутся заимствованнымъ отъ грековъ, книжнымъ метромъ; то разсмотрѣнныя выше системы Іонеса и Греве должны быть отвергнуты вмѣстѣ съ системами послѣдователей классицизма. Аналогіи для изученія ветхозав. стиха можно брать только изъ самыхъ чистыхъ народныхъ стиховъ и ихъ склада, избѣгая, впрочемъ, увлеченія какою либо отдѣльною національною поэзіею, какъ это мы видѣли у Мейера. Чего нѣтъ въ другихъ пѣсняхъ народовъ востока и запада, то, нужно сказать à priori, должно быть отрицаемо и о поэзіи древнееврейской. Наоборотъ, что несомнѣнно существуетъ въ пѣсенномъ языкѣ всѣхъ, или очень многихъ народовъ, этого мы вправѣ искать и въ библейскомъ стихѣ, конечно въ томъ случаѣ, если для этого есть основаніе въ библейскомъ текстѣ и акцентуаціи. Даже и метръ греко-римскій здѣсь можетъ имѣть значеніе, но только въ ряду другихъ народныхъ поэзій и своими простѣйшими размѣрами. Позволимъ себѣ воспользоваться въ заключеніе нашего введенія прекраснымъ изображеніемъ Шиллера: «если звуки хвалебнаго «гимна Божеству не перестаютъ слышаться на землѣ; если міръ отъ начала все движется въ одномъ религіозномъ хороводѣ, причемъ народъ Божій стоитъ въ главѣ человѣчества, такъ что по-

www.bibleist.ru

слѣдній еврей держитъ за руку перваго арійца, послѣдній арієцъ перваго грека, послѣдній грекъ перваго римлянина и т. дал.; то не благозвученъ былъ бы этотъ хороводъ если бы, при всемъ разнообразіи звуковъ, не было въ немъ нотъ и тоновъ общихъ всему человѣчеству».

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Олесницкій.

www.bibleist.ru

РИѲМЪ И МЕТРЪ

ВЕТХОЗАВѢТНОЙ ПОЭЗІИ.

(Продолженіе).

Глава первая.—Библейская аллитерація. Риѳмъ въ собственномъ смыслѣ. Повтореніе словъ. Анноминація. Игра словъ. Аллитерація числительныхъ именъ.

Если свести къ одному общему началу всѣ разсмотрѣнныя нами ошибки и увлеченія въ изслѣдованіяхъ о библейской поэзіи, то окажется, что главною причиною неудовлетворительности этихъ изслѣдованій и взглядовъ было то, что критики выходили въ этихъ случаяхъ всегда изъ извѣстныхъ имъ реторическихъ опредѣленій поэзіи и категорически требовали указаннаго тамъ, опредѣленнаго и знакомаго имъ соотвѣтствія между содержаніемъ и формою. Извѣстна общая слабость критики, что она вообще съ трудомъ спускается съ точки зрѣнія своего времени и утвердившейся культуры, и что даже собственныя народныя произведенія и пѣсни всегда почти недостаточно понимаются каждою отдѣльною критикою, поколику онѣ не подходятъ подъ тѣ образцы архитектонической отдѣлки, къ которымъ привыкла выкультированная мысль. Между тѣмъ, чѣмъ ближе подходить къ простотѣ народной жизни, или, что тоже, чѣмъ болѣе углубляться въ древность, тѣмъ болѣе должно быть особенностей въ отношеніяхъ между матеріаломъ и формою, и слѣдовательно тѣмъ менѣе будетъ исполняться для нашего уха правило о выборѣ звуковъ соотвѣтственно высотѣ и достоинству мысли. Когда мысль, въ своей внутренней

www.bibleist.ru

сущности, мгновенно творится силою духа, или же какимъ либо образомъ получается совнѣ, то соотвѣтственная ей внѣшняя форма долго еще вырабатывается, переходитъ изъ образа въ образъ, прежде чѣмъ закрѣпитъ за собой одинъ строго соотвѣтствующій ему образъ выраженія. И чѣмъ живѣе народъ, чѣмъ быстрѣе проходятъ въ немъ великія думы и чувства, тѣмъ свободнѣе будетъ его внѣшнее выраженіе. Это справедливо вообще, и это же нужно сказать о формахъ поэзіи. Прежде чѣмъ поэтическій образъ найдетъ для себя выраженіе въ гекзаметрѣ и пентаметрѣ, при условіяхъ болѣе простой жизни, онъ долго движется еще въ привольной и легкой формѣ, какую могъ дать безъискусственный слухъ, или какъ выражались евреи, необрѣзанное ухо.

Мы же имѣемъ дѣло, кромѣ того, съ однимъ изъ *семитическихъ народовъ*, необыкновенная энергія которыхъ во внутреннемъ проникновеніи себя мыслію и чувствомъ вошла въ притчу. Если для народовъ индоевропейскихъ, съ глубокой древности сравнительно наклонныхъ къ аналитическому разчлененію мысли и внѣшняго выраженія, матеріальная оболочка слова имѣетъ всегда не меньшую важность, чѣмъ внутренняя сущность; то семитъ довольствуется всегда свободнымъ, ничѣмъ нестѣсненнымъ выраженіемъ чувства и помысла. «Индогерманцы, опредѣляетъ Густавъ Бауръ, съ рѣшительнымъ перевѣсомъ употребляютъ въ дѣло внѣшнія и матеріальныя средства языкообразованія, а семиты—только неуловимыя средства внутреннія и духовныя. Первые обличаютъ преимущественно пластическое настроеніе, экстенсивное направленіе на предметъ или объектъ, пользуясь при этомъ разнообразными средствами для того, чтобы сдѣлать рѣчь возможно совершеннымъ изображеніемъ предмета; семитскій духъ надѣленъ въ избыткѣ музыкальнымъ смысломъ, который замѣняетъ ему все и который онъ раскрываетъ, какъ волшебную скатерть, гдѣ и какъ хочетъ, держась исключительно за свое первичное, субъективное созерцаніе и выражая видоизмѣненія его только простыми оттѣн-

www.bibleist.ru

ками соотвѣтственнаго ему слова. Индогерманскій народный духъ отличается разнообразіемъ употребляемыхъ имъ средствъ и организаторскою силою, съ какою онъ покоряетъ ихъ себѣ; семитскій—замысловатостію, тонкостію и легкостію въ умѣніи обойтись тѣми не столь многочисленными средствами, которыя онъ можетъ извлечь изъ себя самаго, но которыя потому именно глубоко-задушевны. Индогерманецъ весь обращенъ къ объекту, чтобы передать его какъ можно точнѣе; семитъ видитъ только отраженіе, дѣлаемое объектомъ въ субъективномъ чувствѣ и передаетъ это отраженіе только какъ отраженіе; т. е. довольствуется однимъ легкимъ намекомъ, одною легкою нотою въ своей свободѣ всегда созвучною объекту». Отсюда строй рѣчи у семитовъ не знаетъ ни той періодической полноты, ни того искуснаго сплетенія, посредствомъ которыхъ арійскіе языки сводятъ въ одно разчлененное цѣлое взаимную связь мыслей съ логическою отчетливостію и ясностію и съ точнымъ обозначеніемъ всѣхъ мельчайшихъ оттѣнковъ; онъ свободно ставитъ одно предложеніе при другомъ, въ порядкѣ, какимъ идутъ возникающія въ душѣ представленія; и здѣсь непосредственному участію говорящаго приходится намекать въ живомъ словѣ и звукѣ на ближайшія подробности, на дорисовывающія черты. У семитовъ, объясняетъ Куглеръ, преимущественно развито чувство духа жизни, тогда какъ у индоевропейскихъ народовъ возвышенно въ особенности чувство стиля, сообщающее размѣренный, почти архитектоническій пошибъ словесному произведенію. Семиты никогда не могли понять даже какъ можно забавляться какою либо внѣшнею отдѣлкою для самой этой отдѣлки, когда она не прибавляетъ существенной черты къ жизни содержимаго. При взглядѣ на красиво нарисованную рыбу одинъ Семитъ замѣтилъ художнику: «что отвѣтишь ты, когда она возстанетъ на тебя въ судный день съ жалобой, что ты далъ ей тѣло, и не далъ живой души»?

*

www.bibleist.ru

Все это нужно сказать и о поэзіи древнихъ евреевъ. Для древне-еврейскихъ поэтовъ міръ цѣненъ только по тѣмъ внутреннимъ чувствамъ, какія онъ будитъ въ душѣ, возносящейся надъ нимъ къ Вѣчному, и потому поэзія начинаетъ здѣсь всегда съ сердечныхъ движеній и слѣдитъ ихъ ходъ до конца; надо всѣмъ царитъ здѣсь свобода духовнаго и внутренняго надъ плотскимъ и наружнымъ, и по мѣрѣ того, какъ представленія вызываютъ другъ друга, изображеніе спѣшитъ за ними вслѣдъ и быстро переносится отъ одного къ другому; вещи здѣсь озаряются мгновеннымъ свѣтомъ, предстаютъ воображенію на одинъ мигъ и тотъ часъже отступаютъ мѣсто другимъ. Оттого возбужденное внутреннее чувство пріобрѣтаетъ здѣсь потрясающую выразительность и пѣснь превращается въ грозовую бурю, внезапно разражающуюся блескомъ молніи и ливнемъ. Но при этомъ ни одинъ образъ не вырабатывается самъ изъ за себя; напротивъ внутреннее чувство только для выраженія себя самаго переходитъ отъ предмета къ предмету, какъ бы постоянно опасаясь оставить безъ выраженія какой либо свой оттѣнокъ, и часто содержащаяся въ глаголѣ метафора совсѣмъ уже не та, какой слѣдовало бы ожидать по связи ея съ существительнымъ. Такъ, воды Ефрата здѣсь могутъ обратиться вдругъ въ ассирійскаго царя, заливающаго по горло Іудею; самый царь уже не царь; его человѣческій образъ вдругъ исчезъ и сократился въ одинъ аттрибутъ жестокости и терзаетъ добычу какъ хищный звѣрь, или въ аттрибутъ дикой легкости и быстроты и несется орломъ изъ за Іордана. Слѣдствіемъ такого направленія было то, что изъ всѣхъ родовъ поэзіи у евреевъ развилась только *лирика*, и развилась такъ, что ея торжественные звуки не потеряли своей силы доселѣ, послѣ того какъ она прошла по всѣмъ культурнымъ народамъ. Тогда какъ у арійцевъ, привыкшихъ къ спокойному созерцанію дѣйствительности, скоро образовался народный эпосъ съ своею обыкновенною, пластическою и архитектонически художественною постройкою, у евреевъ

www.bibleist.ru

эпическій и драматическій элементъ вовсе не выдѣлялись изъ лирики. Еврейскій поэтъ никогда не могъ забыть себя на столько, чтобы, какъ эпикъ и драматикъ, перенестись въ чужое положеніе, въ чужое чувство и мысль. Напротивъ онъ всегда остается ихъ личнымъ носителемъ; его герои являются не для того, чтобы дѣйствовать, а только вѣстниками того, что они совершили и претерпѣли, и говорятъ всегда съ чувствомъ скорби или радости, съ возбужденностію, а вовсе не съ тѣмъ безтревожнымъ равнодушіемъ, съ какимъ озаряютъ прошлое и чужое люди, услаждающіеся только всесторонней и соразмѣрною картиною.

Этотъ именно *лирическій* характеръ древнееврейской пѣсни, чуждый всякаго эпическаго элемента, оставили безъ вниманія изслѣдователи, видѣвшіе героическій метръ въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Только спокойный до холодности эпическій разсказъ можетъ вынести на себѣ плотную форму гекзаметра и пентаметра. А лирическія изліянія всегда привольны и свободны въ своемъ поэтическомъ размѣрѣ, точно также, какъ и въ своихъ образахъ и представленіяхъ. Даже у грековъ чистая лирика имѣетъ неправильное дифирамбическое стихосложеніе. Можетъ быть даже были бы близки къ дѣлу тѣ критики св. Писанія, которые недопускали въ немъ опредѣленнаго метра, (потому что сильное волненіе мысли скорѣе разлагаетъ, чѣмъ создаетъ гармонію въ выраженіи), если бы первобытная лирика не была тѣсно связана съ пѣніемъ, такъ что *тактъ древней музыки былъ тактомъ древнееврейской пѣсни.* Такъ какъ въ древнія времена поэзія, музыка и пляска составляли одно нераздѣльное цѣлое, то ихъ основной тактъ долженъ былъ быть одинаковъ. Слова и звуки въ пѣсни были поставляемы только въ такомъ порядкѣ, чтобы ихъ можно было пропѣть. Такимъ образомъ мы опредѣлимъ общій характеръ библейскаго стихосложенія, если назовемъ его *музыкальнымъ* въ смыслѣ свободнаго подражанія музыкѣ. Но такъ какъ въ музыкѣ нужно различать α) звуки сами въ себѣ и β) тактъ образуемый сово-

www.bibleist.ru

купностію звуковъ, то и въ стихотворной формѣ мы должны различать внѣшнюю и внутреннюю стороны, т. е. собственно поэтическія созвучія или матеріалъ стиха и порядокъ этихъ созвучій или движеніе стиха. Первую сторону для краткости мы называемъ *римомъ* а послѣднюю *метромъ* ветхозавѣтной поэзіи.

Древнееврейскій языкъ, какъ и другіе семитическіе языки, имѣлъ особенный характеръ, зависѣвшій отъ особеннаго положенія семитическаго общества. Слишкомъ продолжительная кочевая жизнь этихъ народовъ дала особенный звукъ словесному выраженію, усиленно развивая грудь и горло, т. е. болѣе твердые органы произношенія, въ ущербъ мягкимъ, языку и губамъ, сильно огрубѣвшимъ отъ жесткаго вліянія стихій. Такой характеръ языка прекрасно изображаютъ слѣдующія слова Елигу въ книгѣ Іова 32, 18 и дал., представляющія семитическую рѣчь вытекающею изъ самой глубокой груди и открытаго горла:

Я полонъ словъ,
Тѣснитъ меня дыханіе въ груди моей;
Грудь моя какъ *вино* не открытое,
Какъ мѣхи новые рвущіеся.
Поговорю и мнѣ легче
Когда говоритъ языкъ въ гортани моей...

Дальнѣйшимъ замѣчательнымъ слѣдствіемъ этого вліянія условій жизни было преобладаніе въ языкѣ согласнаго элемента. Если въ языкахъ индоевропейскихъ гласные звуки имѣютъ значеніе одинаковое съ буквами согласными такъ, что они сами собою безъ помощи согласной могутъ образовать слогъ корня, то въ языкахъ семитическихъ согласныя до такой степени господствуютъ надъ гласными, что послѣднимъ нѣтъ мѣста въ древнееврейскомъ корнѣ и алфавитѣ. Древніе грамматики находили, что въ этомъ именно отношеніи древнееврейскій языкъ былъ особенно

www.bibleist.ru

близокъ къ голосу природы, богатой главнымъ образомъ согласными, а не гласными звуками.—Этою общею характеристикою древнееврейскаго языка указывается первый путь, на которомъ можно искать риѳмическихъ формъ языка. Очевидно прежде всего, что эти формы не могли основываться, какъ въ другихъ языкахъ, на соотношеніяхъ между гласными, играющими здѣсь только второстепенную роль и представляющими самый нетвердый и измѣнчивый составъ языка. Еслибы Гомарь и Гаре не были предъубѣждены на счетъ библейскаго метра и риѳма, то уже одного внимательнаго взгляда на древнееврейскій алфавитъ для нихъ было бы достаточно, чтобы не смѣшать библейскаго стиха съ героическимъ. Риѳмическія формы древнееврейской поэзіи основываются исключительно на созвучіи *согласныхъ* вообще и преимущественно твердыхъ и гортанныхъ. Если д—ръ Шмидтъ (Griech. Etymol. Curtius. p. II) могъ производить весь греческій языкъ изъ одного звука *е*, а латинскій изъ гласной *і* съ предыханіемъ; то семитическіе языки можно сократить въ гортанныя: *г, х, р, й*. Хотя и въ отношеніи между собою согласныхъ древнееврейская поэзія представляетъ большую свободу; тѣмъ не менѣе именно здѣсь лежатъ основныя черты библейскаго риѳма, называемаго иначе *аллитераціею*.

Аллитерація есть подборъ одинаковыхъ звуковъ въ стихѣ, независимо отъ мѣста ими занимаемаго, такъ что одна и таже буква, повторяясь болѣе или менѣе въ каждомъ словѣ стиха, даетъ всему стиху характеръ музыкальнаго равнозвучія. При этомъ, чтобы болѣе выдвинуть подбираемые звуки, ихъ ставятъ главнымъ образомъ въ удареніи словъ, и ограничиваютъ согласными, какъ болѣе слышными въ произношеніи. Напримѣръ, если первое слово въ стихѣ будетъ *сдѣлать;* то главный звукъ, болѣе другихъ слышный будетъ *д* и слѣд. около него прежде всего должна сосредоточиться аллитерація, какъ это сдѣлано въ слѣдующемъ стихѣ нашей былины: «*сдѣлала дѣвица сдѣлала въ—диво*.

www.bibleist.ru

Нужно сказать, что этотъ законъ библейскихъ поэтическихъ формъ вовсе не долженъ считаться аномаліею въ общей исторіи поэзіи; напротивъ аллитерація, какъ подборъ одинаковыхъ звуковъ въ пѣсни, является какъ самая простая и самая естественная поэтическая форма, которую можно замѣчать во многихъ поэзіяхъ, напримѣръ, въ древнегерманской, скандинавской и русской. Не безъ основанія считаютъ аллитерацію пѣсни подраженіемъ языку природы, главнымъ свойствомъ котораго должно считаться однозвучіе и монотонность. (Что можетъ быть однообразнѣе шума вѣтра или журчанія воды)? Но если даже нельзя согласиться съ тѣмъ, что человѣкъ именно старался въ пѣсни воспроизводить знакомые ему звуки природы, то несомнѣнно то, что пѣсня у многихъ народовъ производитъ такое же однообразное то ужасающее, то усыпляющее впечатлѣніе, какъ напримѣръ: громъ, буря, шумъ воды или движеніе вѣтра. Въ римскомъ разсказѣ о походахъ Марія на сѣверъ между прочимъ встрѣчается слѣдующее мѣсто: «ночь была полна тяжелыхъ ужасовъ: изъ лагеря нѣмецкаго слышалось странное смѣшеніе голосовъ, представляющихъ подобіе не то плачевныхъ выкриковъ, не то глухаго рева дикихъ животныхъ, такъ что горы и берега звучали созвучно съ этою пѣснію». Тацитъ на счетъ нѣмецкихъ древнихъ военныхъ пѣсней говоритъ: «они выражаютъ преимущественно жесткіе звуки и какой-то прерывающійся ропотъ; при этомъ пѣвцы прикладываютъ къ губамъ щиты, отчего отраженный звукъ выходитъ еще полнѣе и рѣзче». Въ поясненіе этихъ отзывовъ припомнимъ, что еще во времена Карла великаго, современники сравнивали нѣмецкую пѣснь съ трескомъ нагруженной повозки, проходящей чрезъ плотину. О поэтическомъ языкѣ нашихъ сѣверныхъ племенъ нашъ извѣстный поэтъ замѣтилъ, что они такъ удачно вторятъ голосу окружающей ихъ внѣшней природы, что кажется, еслибы какимъ либо чрезвычайнымъ дѣйствіемъ затихла на мигъ безконечная пѣсня финской природы, то выходящая изъ глубины скалы пѣсня тамо-

www.bibleist.ru

шняго жителя могла бы ввести путешественника въ заблужденіе; онъ не усомнился бы, что это шумъ умолкнувшаго водопада. О пѣсняхъ жителей Кохинхины Léon de Rosny (Tableau de la Cochinchine 301) замѣчаетъ, что онѣ изумительно похожи на пѣніе нѣкоторыхъ птицъ и т. под. Вотъ почему и древнееврейскіе пѣвцы сравниваютъ и свою рѣчь съ различными звуками видимой природы: съ дождемъ мелкимъ и проливнымъ, бурею, громомъ и том. под.

Такимъ образомъ общее впечатлѣніе, производимое аллитерованною пѣснію есть впечатлѣніе силы и достоинства. Если Тациту, привыкшему къ музыкѣ римскаго стиха, казались дикими пѣсни древнихъ германцевъ, то тѣмъ не менѣе онъ самъ не отвергаетъ ихъ грознаго величія. Возможно, что такое же впечатлѣніе на грековъ и римлянъ производили и древнееврейскія пѣсни; по крайней мѣрѣ лица, заинтересованныя тѣмъ, чтобы язычники имѣли возможно высокій взглядъ на поэтическій языкъ Библіи, старались смягчить его формы различными приспособленіями къ греческому языку, основываясь на томъ, что оцѣнить по достоинству всю натуральную красоту древнееврейской поэзіи могъ только человѣкъ близко знакомый съ духомъ и характеромъ древняго языка и самой жизни, а обыкновенный наблюдатель, подобно Тациту, въ древней пѣсни слышалъ только грозные вопли и ревъ.— Кромѣ своего особеннаго внушающаго величія, аллитерованныя формы, далѣе, сообщали древнееврейской поэзіи, если можно такъ выразиться особенную плотность въ ея выраженіи, такъ что божественное ученіе, переданное въ этой пѣсни, дѣлалось совершенно неприкосновеннымъ, благодаря своей внѣшней формѣ. Часто спрашиваютъ, отчего нѣкоторыя священныя книги изложены въ искусственной поэтической оболочкѣ, когда онѣ могли бы имѣть одинаковое значеніе и въ прозаической формѣ? Хотя подобные вопросы имѣютъ мало смысла, какъ мало смысла имѣетъ и вопросъ: зачѣмъ вообще существуетъ поэзія, когда человѣку, для выраже-

www.bibleist.ru

нія своихъ мыслей, совершенно достаточна проза? но тѣмъ не менѣе на подобный вопросъ мы можемъ отвѣчать, что и наша поэзія, основанная на не менѣе искусственномъ риѳмѣ, оказываетъ большую услугу педагогамъ тѣмъ, что въ ея формѣ переданное содержаніе, по извѣстнымъ законамъ мнемомики, гораздо тверже усвоивается, чѣмъ всякій другой родъ ученія, какъ совершенно справедливо говоритъ пословица: «изъ пѣсни слова не выкинешь», иначе сейчасъ окажется пустота и нескладъ. Для доказательства того, какъ плотно можетъ окутываться стихъ аллитераціею, приводимъ въ примѣръ аллитерованные стихи изъ нашихъ былинъ, аллитерація которыхъ на первый разъ незамѣтная для нашего слуха, мало обращающагося въ подобнаго рода поэтическихъ формахъ, при ближайшемъ знакомствѣ не можетъ быть отвергаема. Вотъ замѣчательно аллитерованное двустишіе:

*Д*ень за *д*ень какъ *дожд*ь *дожд*итъ,
Не*дѣ*ля за не*дѣ*лей какъ *Д*унай *бѣ*житъ....

Или еще: *Сид*немъ *си*дитъ крестьянскій *сы*нъ (Илья Муромецъ).
Или еще: За *Кремл*емъ *гори*тъ за*ря кра*сная....

Въ этихъ строкахъ трудно измѣнить что либо, или опустить какой либо звукъ даже при намѣренномъ желаніи. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что здѣсь каждое слово держитъ при себѣ по аллитераціи другое (главные аллитерующіе звуки здѣсь *д*, *с*, р, кр. гр. как. и пр). Или вотъ густо аллитерованные стихи изъ древненѣмецкой пѣсни (Frauer's Grammatik und Chrestomathie, Hildebrandslied. 1860):

*Deg*ano *dec*histo, unti *Deo*trichte...
mil *ger*u scal man *ge*ba infahan,..
или: *Chind* im *ch*uninc*ri*che *chùd* ist...

Но въ этомъ мнемоническомъ отношеніи наша или древнегерманская пѣснь далеко уступаютъ еврейской, въ которой подобранные по аллитераціи звуки часто зацѣпляютъ не только слово за слово, но и строку за строку, такъ что при каждомъ звуковомъ

www.bibleist.ru

намекѣ вся пѣснь, или по крайней мѣрѣ часть ея, волей—неволей проносится въ памяти рядомъ сильныхъ аллитерованныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, не смотря на незначительное развитіе грамотности въ древнееврейскомъ народѣ, вслѣдствіе котораго списки Библіи не могли быть въ рукахъ каждаго члена общества, вѣрнѣе всякихъ хартій могла хранить божественное слово народная память, облегченная вспомогательными внѣшними средствами, подобно тому, какъ тѣже самыя средства аллитераціи сохраняли отъ забвенія въ теченіи вѣковъ объемистыя пѣсни нашихъ былинъ. Въ этомъ отношеніи аллитерацію не можетъ замѣнить размѣръ или метръ стиха, гармоническое расположеніе удареній, или долгихъ и коротких гласныхъ, потому что метръ стиха для памяти мало связанъ съ содержаніемъ, и очень часто бываетъ, что помнится одинъ напѣвъ пѣсни, когда слова и содержаніе забыты. Это важное мнемоническое значеніе аллитераціи, между прочимъ, кажется было причиною того, что даже въ прозаическихъ книгахъ, напримѣръ, въ изложеніи историческихъ обстоятельствъ, или законодательныхъ постановленій, рѣчь принимаетъ поэтическій оттѣнокъ чрезъ аллитерацію; чѣмъ важнѣе мѣсто въ Библіи, тѣмъ яснѣе чувствуются въ немъ руководственныя для памяти эти внѣшнія созвучія, такъ что мазореты имѣли основаніе весь Ветхій Завѣтъ разсматривать какъ произведеніе поэтическое. Подобную же поэтическую аллитерацію въ отдѣлахъ и рѣчахъ вовсе не поэтическихъ, вызванную практическими цѣлями, можно встрѣчать у нынѣшнихъ арабовъ, которые напр. давая имена своимъ многочисленнымъ конямъ, въ интересахъ запоминанія, стараются во всѣхъ этихъ именахъ удержать какой либо одинъ общій звукъ. Какъ бы то ни было, но то несомнѣнно, что, тогда какъ у другихъ народовъ содержаніе священныхъ пѣсней едва было извѣстно небольшой категоріи лицъ, спеціально посвятившихъ себя ихъ изученію, каковы были рапсоды у грековъ, друиды у кельтскихъ галловъ, у евреевъ не только священныя пѣсни, но и буква закона была

www.bibleist.ru

достояніемъ всего общества, хранясь въ *сердцѣ народа*, какъ прекрасно выражались древніе евреи. Изъ многихъ мѣстъ свящ. Писанія видно, что пѣніе св. пѣсень было однимъ изъ самыхъ привычныхъ препровожденій времени у евреевъ. О пѣсни по переходѣ чрезъ Чермное море говорится, что ее пѣли съ Моисеемъ всѣ сыны Израиля (Исх. 14. 31). Пѣснь объ источникѣ (Числ. 21, 17) представляется также народною пѣснію, принадлежащею не какому либо пѣвцу, а всему народу. Пѣснь Моисея Втор. 32 должны были изучить и распѣвать всѣ евреи. Нерѣдко встрѣчаются большіе или малые хоры изъ мужчинъ и женщинъ, распѣвающіе священныя пѣсни (Исх. 15, 20. 21. Суд. 11, 40. 1 Цар. 18, 7).

Мы сказали, что аллитерація есть первоначальная и самая простая форма поэзіи многихъ языковъ, пока ихъ естественнаго строя не коснулась разрушающая сила анализирующей мысли, постепенно отвергающая то, что не было строго необходимо въ языкѣ для ея выраженія. Съ развитіемъ интеллектуальной жизни народа, первоначальная форма поэзіи, какъ природою указанное, простое средство гармоническаго созвучія, дѣлается излишнимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, органы произношенія теряютъ свою упругую первобытную силу, въ выговорѣ сглаживаются многіе натуральные оттѣнки, гласные звуки умножаются и вообще аллитерація съ своими звуками уступаетъ мѣсто новымъ поэтическимъ формамъ. Оттого въ настоящее время только простыя нарѣчія, стоящія въ сторонѣ отъ господствующихъ культурныхъ языковъ, напримѣръ нашъ простонародный русскій языкъ, продолжаютъ еще удерживать формы аллитераціи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь привести аналогіи развитія аллитераціи въ русскихъ былинахъ, по крайней неразработанности ихъ исторіи. По результатамъ же изслѣдованій народной нѣмецкой поэзіи, оказывается, что аллитерація начинаетъ исчезать тамъ съ девятаго вѣка, т. е. съ того времени, когда латинское духовенство наложило запретъ на

www.bibleist.ru

языческія, собственно народныя, пѣсни. Это мнѣніе основываютъ на собственномъ выраженіи Готфрида въ его предисловіи къ *книгѣ Евангелія*. Впрочемъ, и независимо отъ сторонннхъ вліяній, аллитерація сама собою должна была пасть современемъ такъ сказать отъ собственнаго отяготѣнія, потому что общій законъ движенія поэтическихъ аллитерацій состоитъ въ томъ, что созвучіе словъ изъ мягкаго и нѣжнаго дѣлается постепенно все выразительнѣе и тверже и наконецъ доходитъ до полнаго созвучія словъ, т. е. до ихъ повторенія, что въ сущности уже не есть аллитерація. Доказательствомъ на это представляютъ нѣмецкія былины такъ называемыя Merseburger Zauberlieder, принадлежащія началу десятаго вѣка и имѣвшія вполнѣ языческое происхожденіе. Въ этихъ былинахъ, не смотря на ихъ независимое развитіе, уже очень слаба аллитерація и ищетъ поддержки въ риѳмѣ и другихъ искусственныхъ формахъ метрики. Особенно часто позднѣйшая аллитерація вводитъ повтореніе словъ, дѣлающее иногда стихъ крайне монотоннымъ и вялымъ. Напр.

thu biguol en Sinhtgunt, Suna, *era suister*,
thu biguol en Frua, Volla, *era suister*,
thu biguol en Wodan, *so* he Wola conda
sose benrenki, *sose* bluotrenki, *sose* lidirenki
ben zi bena bluot zi bluoda
lid ze de*lid*en sose de*limida* sîn.

(См, Wackernagel's Geschichte der deutschen Nationalliteratur. Th I. § 25 S. 45 и дал.). Или вотъ стихъ изъ очевидно позднѣйшей русской былины.

Они *ѣхали*, по*ѣхали*
До Москвы не до*ѣхали*
Середь поля пріѣхали
Середь поля чистаго.
Середь луга зеленаго.
Да *шатры* то раздернули

www.bibleist.ru

Шатры полотняные,
Да послали *скорà посла*
Скора послà скоморошину.
Да какъ онъ *скорой посолъ*
Скорой посолъ скоморошина,
По версты *онъ шелъ по* скоку
Полторы *онъ шелъ по* маху.

О законахъ историческаго движенія древнееврейской аллитераціи, въ связи съ библейскими поэтическими памятниками, мы будемъ говорить особо. Но въ общихъ чертахъ ходъ ея и виды можно представить здѣсь такъ: (1) какъ и въ нашихъ былинахъ аллитерація въ Библіи имѣетъ свободный характеръ, не ограничиваясь какимъ либо опредѣленнымъ мѣстомъ, или опредѣленнымъ количествомъ звуковъ, хотя эта свобода все болѣе и болѣе слабѣетъ въ позднѣйшихъ памятникахъ. (2) Иногда къ аллитераціи присоединяется и ассонансъ т. е. созвучіе гласныхъ, но его нужно считать рѣдкою риѳмическою формою. (3) Что касается риѳма въ собственномъ смыслѣ, т. е. созвучія конечныхъ звуковъ стиховъ, то онъ существуетъ въ еврейской поэзіи только какъ видъ аллитераціи. (4) Особенный риѳмическій родъ представляетъ повтореніе словъ въ ихъ полномъ или не полномъ видѣ; это повтореніе словъ, вышедшее изъ аллитераціи, не имѣетъ ничего общаго съ повтореніемъ словъ у новѣйшихъ поэтовъ и ораторовъ, гдѣ имъ только усиливается смыслъ извѣстныхъ словъ и выраженій. (5) Особенное значеніе имѣетъ повтореніе словъ и аллитерація въ отношеніи къ собственнымъ именамъ и къ числительнымъ. (6) Дальше повторенія отдѣльныхъ словъ аллитерація не развивалась. Предположеніе, что параллелизмъ членовъ стиха вышелъ изъ повторенія словъ путемъ постепеннаго развитія, основывающееся на томъ, что при повтореніи словъ выбирались слова самыя важныя въ предложеніи, составляющія его сущность, и что отсюда, слѣдовательно, недалеко было до повторенія всей мысли,—не

www.bibleist.ru

можетъ быть принято. Параллелизмъ имѣетъ совершенно другое происхожденіе.

Въ самой Библіи нѣтъ слова, которымъ обозначалось бы риѳмическое или аллитерованное построеніе пѣсни, если не считать такимъ словомъ неясное техническое выраженіе при пѣсни schiggajon, которымъ у арабовъ обозначается *риѳмическая рѣчь* (этимологически это слово значитъ *движущійся стройными роями*). Но что это слово обозначаетъ только риѳмъ или аллитерацію, а не стопосложеніе, видно изъ того, что у арабовъ этимъ именемъ обозначается риѳмованная, но безстопная проза арабскихъ вѣщуновъ до Магомета.

Прежде чѣмъ перейдемъ въ частности къ опредѣленію различныхъ видовъ библейской аллитераціи, мы должны яснѣе показать первоначальное инстинктивное направленіе языка къ этой поэтической формѣ въ устахъ народа, изъ котораго направленія, впослѣдствіи, пѣвцы народные образовали особенныя формы. Во всѣхъ языкахъ можно встрѣчать такого рода образованія словъ, что при нихъ нельзя обойтись безъ предположенія безсознательно дѣйствующаго въ народномъ духѣ закона аллитераціи, образующаго въ языкѣ то, что называютъ поэзіею до поэзіи и необъяснимаго никакими логическими законами. Почему, напр., очень многія слова синонимическія или обнимающія однородную область явленій и, потому, часто употребляемыя совмѣстно, начинаются однимъ и тѣмъ же звукомъ. Такъ въ русскомъ языкѣ: туча, тѣнь и туманъ, рѣка и рыба, рыба и ракъ, вода и волна, водяной и влажный, поле и пахарь, гора и гордость, заря и завтра, свѣтъ и солнце и т. под. Въ нѣмецкомъ: Himmel и Helle, Wind и Wetter, Land и Leute, Haus и Hof, Pfennig и Pfant, Kraft и Kunst, Sitte и Sinn, Werk и Wort и т. под. Въ еврейскомъ языкѣ сравнительное количество такихъ словъ слишкомъ велико. Если

www.bibleist.ru

у насъ такія близкія по значенію слова, какъ: отецъ и мать, мужъ и жена, сынъ и дочь, братъ и сестра, могутъ не имѣть ничего общаго по звуку; то въ еврейскомъ они обыкновенно аллитерованы: ab и am, ben и bath, ach и achoth, bachur и bethulah и т. под. Это объясняютъ тѣмъ, что еврейскій языкъ въ своемъ развитіи почти не встрѣчалъ сторонних вліяній въ теченіи многихъ вѣковъ (Ausf. Lehrb. der hebräisch. Spr. von Ewald. S. 22 и д.), какъ это было съ нѣмецкимъ языкомъ въ его столкновеніи къ римскимъ началомъ и съ языкомъ русскимъ въ его столкновеніи съ началомъ византійскимъ.

Кромѣ этихъ безъискусственныхъ аллитерованныхъ словообразованій, въ ветхозавѣтныхъ памятникахъ можно встрѣчать много такихъ, которыя, не употребляясь въ обыкновенномъ разговорѣ, назначались собственно для поэзіи, вмѣсто другихъ однозначащихъ, но не однозвучныхъ словъ. Многія слова еврейскія употребляются только въ поэтическихъ книгахъ, и въ такомъ случаѣ онѣ большею частію подчинены закону аллитераціи, замѣняющей разнозвучныя слова созвучными [1]). Такимъ образомъ поэ-

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя изъ употребительнѣйшихъ аллитерацій въ образованіи собственно поэтическаго языка ветхозавѣтнаго:

Afsej-aretz концы земли вмѣсто прозаическаго: *ketzoth-aretz*.

Dath и *din* законъ и право.

Chereb chaddah мечь острый. Послѣднее слово безъ связи съ первымъ нигдѣ не употребляется.

Kimah и *k'sil* оріонъ и плеады. Въ другихъ сочетаніяхъ эти слова не употребительны.

Nin и *neked*, сынъ и внукъ. Взято изъ народнаго языка поэтами.

Holam и *hed*, на всегда и навѣки.

Ka'ath и *kippod*, пеликанъ и ежъ. Сопоставленіе этихъ двухъ разнородныхъ животныхъ можно объяснить только стремленіемъ къ аллитераціи.

www.bibleist.ru

тическая аллитерація сродна самимъ древнееврейскимъ корнямъ, раждавшимся подъ ея вліяніемъ. Подобные поэтическіе словари можно встрѣчать почти исключительно у семитовъ потому, что индоевропейскіе языки не имѣютъ достаточно лишнихъ словъ, т. е.

Karoth и *kipha'on*, холодъ и морозъ.

Tzarah и *tzukah*, гнетъ и горе.

Rechaim и *recheb*, мельница и жерновъ.

Sason и *simchah*, веселіе и радость.

Jischom и *jischrok* испугается и свиснетъ. Сопоставленіе этихъ двухъ словъ взято вѣроятно изъ рѣчи народной.

Hanan и *harafel*, туча и тьма, Nacht и Nebel.

Siach и *sig* занятъ и задержанъ. Народное сопоставленіе словъ, обозначающее препятствіе явиться на приглашеніе.

Schamir и *schaith*, терны и волчцы. Второе слово безъ связи съ первымъ не употребляется.

Hatzur и *hasub*, узникъ и свободный и проч. и проч.

Одинаковыя согласныя въ срединѣ слова при одинаковыхъ гласныхъ:

Chaprethi и *haplethi* палачи и скороходы. Внѣ взаимнаго сочетанія эти слова не встрѣчаются.

Thohu и *bohu*, пустота и хаосъ. Второе слово, кромѣ этого сочетанія, не встрѣчается.

Mobah и *motzah*, входъ и выходъ. Первое слово для созвучія употребляется даже грамматически не правильно, вмѣсто mabôh.

Hafar и *'efer* пыль и пепелъ.

Pachad и *pachath*, ужасъ и пропасть.

Matzur и *matzok* нужда и напасть. Второе слово безъ созвучія перваго не употребляется.

Scho'ah и *mescho'ah*. Послѣднее слово безъ перваго не употребляется.

Schemamah и *meschamah*. Употребляются только въ такомъ созвучіи.

Tha'anija и *anija*. Второе слово безъ перваго неизвѣстно, и мн. друг.

www.bibleist.ru

совершенно тожественныхъ названій одного и того же предмета, изъ которыхъ поэтъ по произволу могъ бы выбирать нужныя созвучія. Если Вильмаръ въ своей исторіи нѣмецкой литературы о достоинствѣ древняго нѣмецкаго языка замѣчаетъ между прочимъ то, что онъ имѣлъ для понятія *человѣкъ* восемь различныхъ выраженій; то Фирузабади, авторъ сочиненія Kamus, говоритъ о 1,000 арабскихъ словъ для *меча*, 500 для льва, 200 для змѣи, 80 для меда и проч. (Extrait des Mém. de l'academie de Vienne, classe de philol. et d'hist. VII). Можно представить себѣ какая борьба за существованіе должна была быть между этою массою словъ, прежде чѣмъ установилось одно признанное приличное имя для каждаго предмета. Но, тогда какъ въ индоевропейскихъ языкахъ признаніе того или другаго слова зависѣло исключительно отъ его силы, плодотворности и выразительности, семиты не упускали при этомъ изъ виду и тѣхъ созвучій, какія должно было дать слово въ ряду другихъ словъ созначащихъ.

Мало того, что, такимъ образомъ, появленіе отдѣльныхъ словъ часто обусловливалось въ древнееврейскомъ языкѣ подборомъ созвучій; таже аллитерація проникаетъ въ неподлежащій повидимому условіямъ поэтическихъ созвучій, сухой механизмъ языка. Во всѣхъ грамматикахъ еврейскихъ можно найти правило, что глаголъ, въ качествѣ своего прямаго управленія, принимаетъ созвучное существительное того же корня (Евальдъ § 281 a. Гезеніусъ. § 218, 5). Если подобное явленіе отчасти встрѣчается и въ другихъ языкахъ, то такъ рѣдко и случайно, что обыкновенно даже и не выставляется между правилами. Ближе всего сравниваютъ въ этомъ отношеніи съ еврейскимъ греческій и латинскій языки; но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, это сравненіе теряетъ всякое значеніе. 1) Самое количество подобныхъ аллитерованныхъ предложеній въ греческомъ и латинскомъ языкахъ ничтожно, если сравнить его съ количествомъ подобныхъ предло-

www.bibleist.ru

женій въ еврейскомъ языкѣ, гдѣ каждый почти глаголъ, особенно въ поэтической рѣчи, можетъ входить въ предложеніе съ именемъ того же корня. Между тѣмъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ это правило ограничивается только нѣсколькими глаголами; вотъ всѣ эти глаголы: ἀδικεῖν ἀδικίαν, βασιλεύεσθαι βασιλείαν, ἐπιμελεῖσθαι, ἐπιμέλειαν, θεᾶσθαι θεαν, μάχεσθαι μάχην, μεριμνᾶν μέριμναν, πάσχειν πάθος, ὑβρίζειν υβριν; bellum bellare, pugnam pugnare, gaudium gaudere, risum ridere, ludum ludere, somnium somniare, preces precari, servitum servire, vitam vivere. 2) Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, какъ видно изъ этого перечня, подобная конструкція возможна только при среднемъ значеніи глагола, тогда какъ въ еврейскомъ ее одинаково терпятъ и дѣйствительные глаголы. 3) Въ греч. и лат. подобное предложеніе возможно только тогда, когда между глаголомъ и именемъ стоитъ стороннее опредѣлительное прилагательное, чѣмъ значительно ослабляется сила созвучія, напр., нужно сказать: βασιλείαν δικαιοτάτην βασιλεύεσθαι, или въ латинскомъ: pugnam gravissimam pugnare, между тѣмъ какъ въ еврейскомъ возможны безразлично и случаи непосредственнаго слѣдованія прямаго управленія за глаголомъ. 4) Въ еврейскомъ языкѣ стремленіе къ такимъ соединеніямъ не ограничивается только тѣми случаями, когда существительное придается глаголу какъ объектъ и когда, по выраженію Евальда, глагольное понятіе выясняется само изъ себя, посредствомъ своей собственной существительности (Lehrb. § 281 a), но глаголъ можетъ соединяться съ одинаковаго корня именемъ и посредствомъ предлога. Если бы подобныя аллитераціи имени и глагола, какъ говорятъ грамматики, имѣли цѣлію только усиленіе главнаго понятія, то это усиленіе могло бы совершиться тысячью другихъ средствъ, если бы въ природѣ языка не лежало требованіе созвучій. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ нельзя указать ни малѣйшаго усиливающаго момента въ значеніи понятія отъ прибавки къ нему другаго слова того же корня. Они были бы безсмысленны, если бы

www.bibleist.ru

отнять отъ нихъ поэтическое значеніе. Такимъ образомъ, не только въ образованіи отдѣльныхъ корней еврейскаго языка лежитъ начало аллитераціи, какъ особенной поэтической формы, но она проникла глубоко въ самый механизмъ языка, такъ что было бы странно, если бы, при такомъ составѣ языка, поэты не воспользовались этими естественными созвучіями въ интересахъ риѳма. И какую противоположность еврейскому языку въ этомъ отношеніи представляетъ нашъ современный литературный языкъ, въ которомъ напротивъ выраженія одного корня большею частію обходятся; напр., вмѣсто *больть болѣзнію* у насъ охотнѣе говорятъ: *терпѣть болѣзнь*, вмѣсто: *покрыть покрышкою*, — *наложить покрышку* и т. под. Въ древнихъ русскихъ былинахъ можно еще встрѣчать сряду слова одного корня, но они большею частію не касаются основъ механизма древнерусскаго языка, а только изрѣдка появляются на его поверхности; таковы напр., день деньской, тма тмущая, чудо чудное, диво дивное, воля вольная, мука мученическая, одинъ одинешенекъ и пр. Вотъ почему аллитерація, играющая важную роль въ нашей древней русской поэзіи, очень скоро уступила мѣсто другимъ поэтическимъ формамъ, не имѣя для себя основанія въ корнѣ языка, тогда какъ еврейская аллитерація встрѣчается отчасти въ самыхъ послѣднихъ библейскихъ памятникахъ [1]).

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя изъ употребительнѣйшихъ въ Ветхомъ Завѣтѣ сочетаній глаголовъ съ именемъ тогоже корня:

'Asar 'issar давать обѣтъ.
Banah baith, строить домъ.
Bacha bchi, плакать плачемъ.
Barak barâk, метать молнію.
Dibber dabâr, говорить рѣчь.
Dan din, имѣть разсужденіе.
Zabach zebach приносить жертву.

www.bibleist.ru

А. Переходимъ къ поэтической аллитераціи.—Къ чему языкъ оказывалъ расположенность въ своемъ первоначальномъ состояніи, это съ теченіемъ времени является искусственнымъ украшеніемъ его и переходитъ въ собственно поэтическія формы. Поэтическая аллитерація древней еврейской поэзіи имѣетъ два вида: аллитерація *слабая* или легкая и аллитерація твердая или *сильная*.—Перваго рода аллитерація состоитъ въ томъ, что одинаковые звуки въ стихѣ не сводятся въ одно мѣсто, но бываютъ разбросаны по многимъ, или даже по всѣмъ словамъ стиха и въ самыхъ словахъ могутъ стоять въ началѣ или въ срединѣ слова. При этомъ конечно болѣе обращается вниманіе на слова важ-

---

Chagag chag, праздновать праздникъ.
Chud chidah, давать загадку.
Chata' chata'ah, совершить грѣхъ.
Chala choli, впасть въ болѣзнь.
Chalam chalom, видѣть сонъ.
Chalak machlekoth раздѣлить на части.
Chaschab machschaboth, быть осторожнымъ въ мысли.
Tabach tebach, приготовить убитое животное.
Jada' da'oth, имѣть познаніе.
Hosid musad, класть основаніе.
Ja'ad mo'ed опредѣлять время.
Jazar jezer, образовать фигуру.
Jare' jir'ah имѣть страхъ.
Katab miktab писать письмо.
Liket leket, ѣсть пищу.
Meth memothim умереть.
Malach melech, царствовать.
Niggen neginah, играть игру.
Nakam nakâm мстить.
Naschak neschikah цѣловать.
Niththach linthachim рѣзать на куски.

www.bibleist.ru

нѣйшія въ рѣчи. Обыкновенно сопоставляются такимъ образомъ только согласныя. Отъ риѳма эти сочетанія отличаются тѣмъ, что они не имѣютъ созвучія въ гласныхъ, что всегда бываетъ при риѳмѣ. Въ самой древней еврейской поэзіи обыкновенна аллитерація легкая разбросанная въ стихѣ, если нѣтъ при этомъ повторенія одного корня: напр.

Втор. 33, 9. Hao (א) mer Iea (א) biv uli (א) mo lo (א) rei (א) thiv vee (א) th e (א) chav lo (א) hikkir.

Онъ говоритъ объ отцѣ и матери:
«Я не обращаю на нихъ вниманія»,
И не хочетъ знать брата своего.

'Abad 'abodah, отправлять работу.
Pa'al po'al, дѣлать дѣло.
Paraz perez, дѣлать чертежъ.
Kam bemakom, стоять на мѣстѣ.
Hikdisch kodesch прославить святымъ.
Hirschib kescheb слушать съ напряженіемъ.
Ra'a mar'eh видѣть видѣніе.
Rib rîb вести споръ.
Samach simchah имѣть удовольствіе.
Sa'ar sa'ar дрожать.
Seraph serephah погребать торжественно.
Schabar schebbaron ломать.
Schabath schabâth праздновать субботу.
Schir schirah пѣть.
Schama' schemu'ah слышать слухъ.
Schamar mischmereth наблюдать предписаніе.
Schaphath mischphath судить судъ.
Darach derech пускаться въ путь.
Gazal gezelah, грабить грабежемъ.
и многія другія.

www.bibleist.ru

Здѣсь стихъ аллитеруется буквою ℵ, повторяющеюся въ каждомъ словѣ стиха (за исключеніемъ послѣдняго) ср. Быт. 49, 1, кромѣ того въ трехъ словахъ сряду здѣсь звучитъ въ началѣ буква ע.

Ст. 11. Mechaz mathnaim kamav umsan'av min jekumun.

Онъ сокрушилъ бедра своего противника

И врага своего, чтобы они не возстали болѣе.

Здѣсь главнымъ связывающимъ звукомъ является буква *мемъ*, повторенная семь разъ въ шести словахъ стиха.

Ис. 24, 9. Baschir lo—jischthu jain jemar schekar lischthav.

Не пьютъ вина съ пѣснями

Горька сикера для пьющихъ ее.

Здѣсь стихъ аллитерованъ согласною *шинъ*, повторенною правильно въ двухъ первыхъ и двухъ послѣднихъ словахъ; два среднія слова повторяютъ *іодъ*.

Втор. 33, 28. Vajiskon israel betach badar 'en la'akob.

Изъ шести словъ этой строки стиха первыя два связаны между собою повтореніемъ буквы *шинъ*, вторыя два—буквы *бетъ*, третьи два—буквы *аинъ*.

Ис. 16, 11. Me'aj lemo'ab kakkinor jehemu vekirbij lekir chares.

Сердце мое о Моавѣ какъ арфа стонетъ

И внутренность моя о Киръ-Харесѣ.

Здѣсь свободно аллитерованъ стихъ такимъ образомъ, что два первыя слова связаны буквою *мемъ*, три послѣднія буквою *рошъ*; среднія два слова имѣютъ также буквы мемъ и рошъ, но съ перемѣною мѣстъ, такъ что слово съ буквою рошъ стоитъ ближе къ первымъ словамъ, а съ буквою мемъ къ послѣднимъ.

Пс. 18, 10. Vajet schamaim vajered.

Онъ наклонилъ небеса и сошелъ.

www.bibleist.ru

Здѣсь во всѣхъ словахъ повторяется *іодъ*.—Особенный видъ этой легкой аллитераціи представляетъ повтореніе частицъ, особенно частицы *ге и*.

Ис. 19, 3. Обратятся они къ идоламъ,

И къ колдунамъ,

И къ шептунамъ и къ знахарямъ....

Эта аллитерація, состоящая въ повтореніи частицъ, обильна и въ нашихъ былинахъ. Напр.

Проходилъ (богатырь) *до* зари *до* зари

До утренней *до* поры *до* поры.

Сильная аллитерація представляетъ болѣе ясное и опредѣленное созвучіе, обнимающее собою нѣсколько буквъ въ нѣсколькихъ, или по крайней мѣрѣ въ двухъ важнѣйшихъ словахъ. Этого рода аллитерація преимущественно замѣчается между *коренными* буквами въ словахъ, такъ что для болѣе или менѣе яснаго представленія ея необходимо знать языкъ по крайней мѣрѣ на столько, чтобы умѣть отличать въ немъ коренныя и служебныя буквы. А такъ какъ количество коренныхъ въ еврейскомъ языкѣ довольно велико, сравнительно съ другими древними языками, именно три полныхъ согласныхъ; то отсюда и аллитерація коренныхъ въ еврейской поэзіи очень разнообразна. 1) Могутъ быть аллитерованы двѣ *первыя* согласныя двухъ различныхъ корней. 2) Могутъ быть аллитерованы двѣ *послѣднія* коренныя. 3) Двѣ буквы разныхъ корней вообще, *независимо* отъ мѣста ими занимаемаго. 4) Возможенъ, хотя и рѣдко, такой случай, что одна изъ коренныхъ согласныхъ одного слова аллитерується не съ коренною, а съ префиксомъ другаго.—Всѣ эти правила, во избѣжаніе однообразія, имѣютъ самое разнообразное приложеніе къ отдѣльнымъ въ частности стихамъ. Но при этомъ нельзя не замѣтить необыкновенной естественности и простоты, съ какою библейская

www.bibleist.ru

поэзія развиваетъ эти формы, такъ что иногда трудно бываетъ указать границы, гдѣ кончится естественное свойство языка и начинается искусство. Доказательство употребленія этихъ поэтическихъ формъ, связывающихъ стихъ, можно находить въ каждой главѣ поэтическихъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта.

1. Сильная аллитерація въ началѣ слова:

Пс. 8, 5. Iehovah *'ado*nenu! ma *'adi*r schimecha....
Іегова Господь нашъ!
Какъ величественно имя Твое!..

Пс. 1. 1. *Aschre*j h*aisch ascher* lo halach...
Благо человѣку, который не ходилъ.....

Пс. 18, 7. Mi*nnoga*h *negdo 'aba*v *'abru*.
Отъ блеска взора Его
Сторонились облака.

Пс. 122, 6. *Scha'alu schelo*m Ieru*schala*m.
Привѣтствуйте желаніемъ мира Іерусалимъ.

Притч. 16, 14. Chamath *melech malache*j maveth.
Гнѣвъ царя—вѣстникъ смерти.

Ис. 29, 6. Meim Iehovah zebaoth tippaked *bera*am *uberaa*sch vekol gadol sufa useara.

Ис. 24; 18 19. Hannas mikkol *happachad* ippol 'el *happachath*, vehao'leh mithoc *happachath* jillaced ba—*pach*.

Іов. 9, 9, *'Oscheh 'asch* csil vecimah.

2. Сильная аллитерація между конечными коренными:

Пс. 18, 8. Vathig'*asch*, vathir'*asch* ha'arez
Потряслась задрожала земля.

Ис. 2, 18. Veha'*elil*im ca*lil* jachaloph.

www.bibleist.ru

Идолы уничтожатся совершенно.

Ис. 2, 19. Bekumo la'*arez* ha'*are*.

Когда Онъ возстанетъ потрясти землю.

Пс. 147. 16. *Kephor* ka'*epher* je*phazer*

Онъ сыплетъ иней какъ пепелъ.

Іов. 41. 3. *Debar* ge*buroth*....

3. Третій родъ сильной аллитераціи представляетъ свободное сопоставленіе ритмически соединяемыхъ буквъ, независимо отъ мѣста, ими занимаемаго, такъ что первая отъ начала согласная одного слова можетъ находить для себя соотвѣтствіе во второй или въ третьей втораго слова, вторая въ первой или въ третьей и т. д. Если изъ трехъ буквъ еврейскаго корня двѣ, ритмически соединяемыя, означимъ буквами *a*, *b*, а несоединяемую ритмически третью, какая бы она ни была, чрезъ *x*; то получимъ такія формулы: abx=axb=bax=bxa=xab=xba. Вотъ примѣры подобныхъ соединеній:

Быт. 49, 3. abx=bxa *Rub*en *becori* 'athah.

Рувимъ, ты первенецъ мой.

— — 14. xab=xba Isasc*b*ar ch*amor* g*arem*

Иссахаръ оселъ крѣпкій.

Втор. 33, 20. abx=bxa *Bar*uc m*archib* Gad

Благословенъ распространившій Гада.

1 Цар. 18, 8, xab=abx Hicca Sch*aul* ba'*alaph*av

Саулъ побѣдилъ тысячи.

Пс. 18, 40, axb=bax. Vath'azreni *chail* lami*lchamah*

Ты опоясалъ меня силою для войны.

Числ. 24, 8. ab=xab Ve*chitz*av im*chatz*

И стрѣлами своими Онъ разитъ.

www.bibleist.ru

4. Сильная аллитерація начальныхъ звуковъ, въ которой мѣсто одной изъ коренныхъ буквъ занимаетъ префиксъ; встрѣчается рѣдко. Напр.

Числ. 24, 8. El *motzi'o* mim*mitzr*aim

Богъ, выведшій ихъ изъ Египта.

Числ. 24, 9. *Cará* schacab *ca'ari*.

Онъ преклонился лежитъ какъ левъ.

Богатство этихъ формъ еврейской аллитерації съ одной стороны говоритъ о необыкновенномъ поэтическомъ развитіи народа, у котораго всякая рѣчь сама собою могла ложиться въ поэтическую форму, съ другой въ самомъ этомъ поэтическомъ развитіи открываетъ такую тонкость языка и слуха, предъ которой грубы нынѣшнія поэтическія формы нашего языка. Еврейская аллитерація не сковываетъ себя правильнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же звуковъ, не пріурочиваетъ ихъ къ одному мѣсту, но ловитъ ихъ вездѣ, гдѣ бы они не явились, по ходу предложенія. И чѣмъ разнообразнѣе и мягче это созвучіе въ стихѣ, чѣмъ больше словъ входятъ въ его кругъ, тѣмъ выше былъ поэтическій стихъ для древнихъ евреевъ, между тѣмъ какъ для насъ, непривыкшихъ къ такому роду поэтическихъ формъ, достоинство стиха въ этомъ отношеніи можетъ открыться только чрезъ математическое счисленіе равныхъ, неправильно разбросанныхъ звуковъ. Впрочемъ эта неправильность имѣетъ отчасти свое основаніе въ самомъ характерѣ еврейскихъ корней. Если индоевропейскіе корни большею частію односложны и, сосредоточивая въ себѣ силу выраженія, тѣмъ самымъ сообщаютъ большую правильность тону; то корни еврейскіе, состоящіе изъ трехъ согласныхъ распадаются всегда на два слога, и каждый изъ этихъ слоговъ болѣе или менѣе стремится звучать сильнѣе другихъ побочныхъ слоговъ чрезъ отраженіе на нихъ своего звука. Если справедлива гипотеза, что еврейскій языкъ въ свое до-историческое время имѣлъ

www.bibleist.ru

односложные корни; то примѣчаемая теперь неправильность въ аллитераціи, можетъ быть, указываетъ то состояніе языка, когда корни его уже возрасли до двухъ слоговъ, но когда различался еще коренной слогъ древнѣйшій и новѣйшій, такъ что гдѣ теперь видимъ аллитераціи во второмъ слогѣ, помимо перваго, тамъ, въ переходное состояніе языка, могла чувствоваться особенная сила, именно въ этомъ слогѣ, какъ болѣе первоначальномъ. Замѣчаемъ это потому, что вообще въ еврейской аллитераціи замѣтно стремленіе поставлять въ созвучіе именно начальную коренную, такъ что этого рода аллитерацію можно считать самою сильною и выдержанною болѣе другихъ.

Далѣе аллитерація связываетъ ритмически не только отдѣльныя слова въ строкѣ, но и цѣлыя части стиха, такъ что, какъ мы говорили выше, по законамъ одного внѣшняго созвучія, языкъ ветхозавѣтный легко могъ возстановлять въ памяти цѣлый рядъ строкъ и строфъ. Но и здѣсь еврейская поэзія открываетъ такую же свободу, какъ и въ разсмотрѣнныхъ нами созвучіяхъ малаго объема словъ, не выдерживая самыхъ простыхъ формъ эпической поэзіи. Вотъ нѣкоторыя формы соединенія отдѣльныхъ частей или строкъ стиха посредствомъ аллитераціи.

Аллитерованная согласная можетъ повториться два три раза въ первой строкѣ и одинъ разъ во второй, какъ это обыкновенно бываетъ въ древней нѣмецкой поэзіи, раздѣляющей длинный стихъ на двѣ части:

Пс. 6, 8. ʿAschscha micca'as ʿenij

ʿAthkah becol tzorraj

Опустилось отъ скорби лице мое,

Постарѣло отъ разныхъ огорченій моихъ.

Здѣсь буква *аинъ* (обозначаемая нами густымъ предыханіемъ) повторяется въ каждомъ словѣ первой строки и только въ первомъ второй строки.—Иногда на оборотъ аллитерующая согласс-

www.bibleist.ru

ная можетъ чаще повторяться во второй строкѣ чѣмъ въ первой.

Пс. 25, 18. Tzaroth lebabij hirchibu
Mitzukothaj hotzi'eni
Страданія глубоко проникли въ сердце мое,
Изъ тѣсноты моей выведи меня.

Иногда каждая начальная коренная первой строки повторяется въ такомъ же порядкѣ во второй.

Быт. 49, 21. Natthali 'ajalah scheluchah
Hannothen 'imrej schafer.
Нефѳалимъ дубъ стройный,
Дающій прекрасныя вѣтви.

Даже длинный стихъ, состоящій изъ нѣсколькихъ строкъ, связывается не рѣдко такимъ же образомъ. При этомъ аллитерующія буквы первыхъ строкъ могутъ принимать къ себѣ новыя созвучія въ дальнѣйшихъ строкахъ, образуя формулы: aab, bcc, cdd и т. д. Напримѣръ:

Суд. 5, 4. Iehovah *betzé'th*echa *misse'ir*,
*Betzaé'd*echa *mised*eh *'ed*om
*'Er*etz ra'ascha gaw scha*majm nathafu*
Gam 'abim *nathafu majm*.
Іегова! Когда Ты выходилъ изъ Сеира,
Когда Ты шелъ съ поля Едомскаго,
Земля тряслась и небо дождило
И облака лили воду.

Наконецъ аллитерація можетъ правильно связывать между собою строки всей пѣсни посредствомъ правильнаго повторенія буквъ по порядку алфавита, какъ въ нашихъ церковныхъ пѣсняхъ связываются стихиры или хвалитныя пѣсни (слав. краегранесіе).

www.bibleist.ru

Это такъ называемое алфавитное расположеніе пѣсни. Противъ презрительнаго выраженія Карьера объ этой формѣ аллитераціи (Искусство.... 86 стр.) нужно замѣтить, что она вышла какъ выражался блаж. Августинъ, изъ самыхъ нѣдръ языка. Если въ маломъ объемѣ словъ повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ дало первую прекрасную поэтическую форму, если аллитерація своими созвучіями связала далѣе отдѣльные строки въ строфахъ; то отсюда оставался только одинъ шадъ до того, чтобы найти норму для связи аллитераціею всей пѣсни въ полномъ ея составѣ. Такимъ образомъ всѣ возраженія противъ искусственности и натуральности формы алфавитныхъ пѣсней падаютъ сами собою. Хотя въ первоначальныхъ отдѣльныхъ проявленіяхъ аллитераціи мы не видимъ распорядка, напоминающаго алфавитное сложеніе, но это зависѣло отъ того, что самый алфавитъ еще не установился прочно. Между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ алфавитъ предносился предъ писателемъ всегда въ тожественномъ порядкѣ, писатель, въ своемъ поэтическомъ подборѣ звуковъ, не могъ отрѣшиться отъ этого извѣстнаго уже порядка, пока наконецъ алфавитъ сдѣлался твердымъ подспорьемъ стихотворцевъ. Мы даже думаемъ, что на установленіе и окристаллизированіе самаго алфавита имѣло вліяніе первоначальное стремленіе языка къ аллитераціи, потому что напримѣръ буквы *ламедъ, мемъ, нунъ* стоятъ рядомъ очевидно по подбору звуковъ одного органа. Здѣсь повторилась въ точности исторія развитія метра. У тѣхъ народовъ, которые, до обладанія алфавитными знаками, благодаря своей особенной словоспособности, подмѣтили внутреннюю мѣну членораздѣльныхъ звуковъ и достигли значительнаго развитія прекрасной музыкальной стопы, завершеніе этой стопы и полную правильность размѣру могъ дать всегда только алфавитъ въ его различеніи согласныхъ и гласныхъ и между послѣдними долгихъ и короткихъ, научнымъ образомъ. Не будь вполнѣ установившагося алфавита не было бы ни индійской слоки, ни арабскаго баитъ, ни греческаго гекзаметра, точно

www.bibleist.ru

также какъ не было бы и алфавитнаго библейскаго сложенія. И какъ метръ въ его тончайшемъ различеніи гласныхъ и ихъ постановки по различію грамматической длины и краткости, такъ и алфавитная аллитерація въ ея подчиненіи алфавиту, не могутъ назваться произведеніемъ школьнаго искусства. Школьнымъ справедливо можно назвать алфавитное стихосложеніе только тамъ, гдѣ оно не основывается на самомъ стремленіи языка и его геніѣ, а заимствовано совнѣ, напримѣръ алфавитное стихосложеніе въ новогреческомъ языкѣ, не имѣющее почвы въ языкѣ классическомъ. Опредѣленіе же всякаго алфавитнаго стихосложенія, въ какомъ бы языкѣ оно не встрѣчалось, именемъ школьничества (какъ дѣлаютъ многіе критики въ опредѣленіи алфавитнаго стихосложенія библейскаго) опускаетъ изъ виду какъ лежащій въ основѣ многихъ языковъ духъ аллитераціи, такъ и начало порядка въ распредѣленіи звуковъ, который признаетъ не одна только школа. Вотъ что говоритъ Гумбольдтъ: «чистое и полное произношеніе звуковъ, отдѣленіе каждаго изъ нихъ отъ другихъ, тщательное вниманіе къ ихъ взаимнымъ соотношеніямъ, послѣдовательности и порядку, слѣдованіе за ними ихъ естественнымъ путемъ—вотъ начала, безъ которыхъ не бываетъ поэтическое сложеніе рѣчи».— Алфавитное стихосложеніе Библіи заключается въ Псс. 25. 34. 119. 145, въ первыхъ четырехъ главахъ книги Плачь и въ Пр. 31, 10—31. Приглашаемъ читателя обратить вниманіе на пѣсни алфавитнаго сложенія, потому что именно онѣ своими наглядными формами могутъ дать рѣшительное и непоколебимое убѣжденіе въ дѣйствительности аллитераціи, какъ особеннаго риема въ Библіи для тѣхъ, кто не захочетъ слѣдить по всѣмъ поэтическимъ книгамъ Ветхаго Завѣта для подтвержденія ея существованія. Если, какъ мы сейчасъ усиливались доказать, алфавитное стихосложеніе оправдывается разбросанными по всей Библіи формами аллитераціи, то послѣдняя въ свою очередь высшее свое оправданіе находитъ именно въ этомъ алфавитномъ стихосложеніи. Считаемъ

www.bibleist.ru

лишнимъ приводить примѣры алфавитнаго еврейскаго стихосложенія, такъ какъ его легко могутъ замѣтить въ текстѣ даже лица, незнающія ветхозавѣтнаго языка, напримѣръ въ псалмѣ 119-мъ.

В. Особенный видъ аллитераціи представляетъ созвучіе въ окончаніяхъ поэтическихъ строкъ, называемое обыкновенно риѳмомъ въ строгомъ смыслѣ. Передавая исторію изученія библейскаго метра, мы не упоминали о риѳмѣ, потому что, занятые изученіемъ внутренняго движенія стиха или метра, изслѣдователи какъ Штейхъ. Петрей, Клерикъ, Карпзовъ, Ловтъ упоминали о риѳмѣ только мимоходомъ и почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что въ Библіи встрѣчаются по мѣстамъ стихи ὁμοιοτελεύτοι (Карпзовъ. Introd ad libr. V. T. p. 18), но риѳма, проведеннаго чрезъ всю пѣснь, нѣтъ. Только *Клерикъ* (Pentateuchus. Genes. 4, 24), Мейеръ (die Form der hebr. Poesie, p. 49 и дал.) и Лей настаиваютъ болѣе другихъ на преобладаніи риѳма въ библейскихъ пѣсняхъ, а де-Ветте болѣе другихъ отвергаетъ риѳмъ, какъ метрическую форму псалмовъ. Но изъ того, что мы знаемъ уже объ аллитераціи, можно заключить, что ветхозавѣтные поэты не могли не обратить вниманія на предлагаемыя самымъ языкомъ средства къ употребленію созвучныхъ окончаній строкъ. Самъ де-Ветте замѣчаетъ, что въ еврейскомъ языкѣ такъ много суффиксовъ одного звука, что они сами собою риѳмуютъ рѣчь безъ желанія пѣвца. Затрудненіе же, какое встрѣчаетъ изслѣдователь, при опредѣленіи древне-еврейскаго риѳма, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ библейской пѣсни трудно отдѣлять поэтическія строки въ томъ видѣ, какъ онѣ послѣдовательно изливаются изъ устъ пѣвцовъ и какъ ихъ пишутъ обыкновенно въ нашихъ поэзіяхъ, потому что древній шрифтъ не различалъ стиховъ отъ прозы. Большинство толкователей, считая параллелизмъ единственною формою библейскаго метра, раздѣляютъ строки по предложеніямъ, такъ что поэтическая строка выходитъ довольно длинною съ четырьмя, пятью словами. Выходя изъ такого раз-

www.bibleist.ru

дѣленія строкъ, можно, по Лею, различать слѣдующіе виды библейскаго риѳма.

1. Риѳмъ въ окончаніяхъ первыхъ словъ отдѣльныхъ строкъ. Напримѣръ:

Быт. 49, 6. *Besodam* 'al thabo' nafschij,
Bikhalam 'al thechad k'vodij,
Ci—beapham hargu 'isch,
Ubirtzonam 'ikru schir.
Въ совѣтъ ихъ не войдетъ душа моя,
Къ собранію ихъ не пріобщится слава моя,
Потому что въ гнѣвѣ они убиваютъ людей
И по прихоти перерѣзаютъ жилы воловъ.

Ср. Быт. 49, 7. 23. Исх. 15, 16. Числ. 24, 5. 6. 17. Втор. 32, 10. 21. Пс. 17, 2. 21, 2. 7. 27, 5. 144, 12. 13. 14 и многія другія мѣста.

2. Риѳмъ въ послѣднихъ словахъ различныхъ строкъ:

Быт. 49, 8. Iehudah, 'athah joduca *'achejka,*
Iadeka be'oref *'oibejka.*
Іуда! тебя восхвалятъ братья твои,
Рука твоя на спинѣ враговъ твоихъ.

Пс. 8, 6, Mah 'enosch ci *thizkerenu*
Uben 'adam ci *thifkedenu.*
Что человѣкъ, что Ты помнишь о немъ,
И сынъ человѣческій, что посѣщаешь его?

Ср. Быт. 49, 25. Числ. 23, 9. 24, 21. Втор. 32, 6 и мн. др.

3. Риѳмъ, образуемый среднимъ словомъ одной строки съ среднимъ же словомъ другой строки:

www.bibleist.ru

Быт. 49, 12. Chacliili *'enàim* mijain,

Ulben *schinàim* mechalab.

Красны глаза отъ вина,

И бѣлы зубы отъ молока.

Втор. 32, 7. Zecor *jemoth* 'olam,

Binu *schenoth* dor-vador.

Вспомни дни древніе,

Помысли о годахъ прежнихъ родовъ.

— — 33. Chamath *theninim* jenam,

Uerosch *phethanim* 'aczar.

Вино ихъ ядъ драконовъ

И жестокая отрава аспидовъ.

4. Риѳмъ, образуемый первымъ словомъ первой строки съ послѣднимъ словомъ второй строки, или наоборотъ.

Втор. 33, 22 *Dan* gur 'arjeh

Iezannek min *habbaschan*.

Данъ молодой левъ,

Выскакиваетъ изъ Вассана.

Пс. 18, 17. Iischlach mimmarom *jikkacheni*

Iamscheni mimmaim rabim

Онъ послалъ съ высоты и взялъ меня,

Извлекъ меня изъ водъ глубокихъ.

Ср. Пс. 8, 6, 18, 6. 22, 9 и мн. др.

5. Риѳмъ образуемый окончаніями первыхъ, среднихъ и послѣднихъ словъ одной и той же строки.

Втор. 32, 15. Gcha*mantha*, *cabitha*, cas*ita*

Ты отучнѣлъ, растолстѣлъ, ожирѣлъ.

www.bibleist.ru

Такое раздѣленіе видовъ риѳма, принятое Леемъ, намъ кажется не натуральнымъ, потому что всякій риѳмъ непремѣнно требуетъ для себя особеннаго ударенія въ произношеніи, вслѣдствіе чего послѣ всякаго риѳма должна чувствоваться пауза. Такимъ образомъ, если не на письмѣ, то въ чтеніи, древніе пѣвцы необходимо должны были послѣ каждой риѳмы видѣть новую строку, какъ бы ни мелки выходили подобныя дѣленія. Никто не докажетъ, что вопреки этому поэты ветхозавѣтные съ намѣреніемъ могли искать риѳмовъ въ началѣ или въ срединѣ строки, потому что это было бы чрезвычайное искусство, неизвѣстное никакой другой поэзіи. Слѣдовательно ихъ созвучія выходили случайно, въ общей зависимости отъ требованій риѳма и метра. Такимъ образомъ, указываемые виды срединнаго риѳма будутъ указывать начало и средину мысли, а не риѳма древнихъ пѣвцовъ, который очевидно не *совпадалъ съ мыслію*, а своеобразно пресѣкалъ ее не только въ концѣ ея, но и въ срединѣ, и даже при самомъ началѣ; конецъ, средина и начало мысли для риѳма имѣютъ совершенно одинаковое значеніе и даже вовсе не существуютъ какъ такіе, потому что голосъ человѣческій знаетъ только одно произношеніе для всякаго риѳма. Въ этомъ существенное отличіе риѳма отъ обыкновенной аллитераціи. Замкнутая на пространствѣ коренныхъ буквъ въ срединѣ слова, аллитерація даетъ разсыпающіеся звуки и служитъ тѣмъ же, чѣмъ въ музыкѣ служатъ однообразные, никогда не выступающіе надъ массою звуковъ, тоны октавъ, или на востокѣ звуки бубенъ и барабановъ. Между тѣмъ риѳмъ, стоящій на концѣ словъ, и даже не каждаго отдѣльнаго слова, а послѣ нѣсколькихъ словъ извѣстнаго порядка, именно имѣетъ всегда опредѣленное назначеніе выдвинуть извѣстные звуки выше массы рядовыхъ звуковъ, такъ какъ, по своему положенію въ концѣ слова, онъ совпадаетъ еще, почти всегда, съ удареніемъ слова. И такъ въ библейской поэзіи мы признаемъ только одинъ родъ риѳма, т. е. тотъ самый риѳмъ, который

www.bibleist.ru

существуетъ и въ нашихъ поэзіяхъ. Но, такъ какъ для этого потребуется тѣ предложенія, въ срединѣ которыхъ видятъ риѳмъ, дѣлить на двѣ, а иногда и на три части; то отсюда получатся короткія строки въ три, два и даже одно слово, какъ это часто встрѣчается и у нашихъ народныхъ поэтовъ, напримѣръ у Кольцова. Подобное раздѣленіе, ничего не отнимая отъ мысли, которая идетъ здѣсь своимъ путемъ независимаго развитія, сообщаетъ большую выразительность библейской поэзіи и не закрываетъ ея простоты, этого высшаго достоинства ея, попираемаго поборниками параллелизма и разныхъ срединныхъ риѳмовъ.

Іов. 16, 12. Schalev hajithi
Vajefar*pheréni*
Veachaz beorphi
Vajefatz*phetzéni*
Vaje*kiméni*
Lo lemattara.

Покоенъ былъ я,
Но Онъ сокру*шилъ меня;*
Взялъ за спину *меня*
И *избилъ меня.*
Онъ поста*вилъ меня*
Мишенью себѣ.

Ис. 33, 22. Iehovah s*choftenu*
Iehovah me*chokkenu*
Iehovah mal*kenu*
Hu joschi'*enu*

Іегова Судья *нашъ*,
Іегова законодатель *нашъ*,
Іегова царь *нашъ*,
Онъ Спаситель *нашъ*.

www.bibleist.ru

Пс. 7, 1— Iehovah elo*hài*
Beka chasithi
Hoschi'*èni*
Mikkol rode*fài*
Vehatztzi*lèni*
Pan jitrof
Cearje nafschì,
Porek veen matztzìl.
Iehovah elo*hài*
Im zoth 'asithi
Im jesch 'avel becaph*phài*
Iirdof 'ojeb nafschì
Vejasseg vejirmos
La'arez chaj*jài*
U—cebodì
Le'afar jaschcen.
Kuma Iehovah
Be'aph*pheca*
Himnasè'
Be'abroth tzorer*ài*.
Ve'urah 'e*lái*
Mischphat tzivvita
Va'adath leummim
Theso*bebeca*.

Іегова, о Богъ мой!
На Тебя я надѣюсь,
Отъ тирановъ моихъ
Ты *избави меня*,
И *спаси Ты меня*,
Чтобы онъ не исторгъ,
Какъ левъ, душу мою,
Истерзалъ безпомощную.

www.bibleist.ru

Іегова о Богъ мой!
Если сдѣлаю такъ,
Если будетъ порокъ
На устахъ у меня,
Пусть преслѣдуетъ врагъ
И настигнетъ меня,
О—земь броситъ меня
И мой скипетръ во прахъ.
О возстань, Іегова,
Ты во главѣ Своемъ,
Противъ буйства возстань
Ты тирановъ моихъ.
Поднимись за меня,
Чтебы судъ произвесть,
Чтобы сонмы племенъ
Окружили Тебя....

Авв. 3. Iehovah schama'thi
Schim'aca jare'thi
Iehovah po'olcà
Bekereb *schanim*
Chajjehù!..
Bekereb *schanim*
Thodia'!. beroges
Rachem thizcor.
Eloah mith*themàn*
Iabo', vekadosch
Mehar Paràn.
Cissa schamàim
Hodò!..
U thehi*lathò*
Malea haaretz
Venogah ca'òr

www.bibleist.ru

Thiie, kar*nàim*
Mijado *lò*
Vescham chebjon *usso.*
Lefanàv
Ielec dáber
Vejetze réschef
Leraglàv.
. . . . . .
Ha—*bineharim*
Chara Iehovah
Im *banneharim*
Afféca,
Im bajjam *'ebrathéca*
Ci-thircab 'al *suseca*
Marcebotheca
Ieschu'ah?... 'Erja theor
Kasche*theca*... и пр.
Іегова! Принимаю
Твою вѣсть я со страхомъ.
Іегова! Твое дѣло
Ты изъ нѣдра годовъ
Приведи его въ жизнь,
И изъ нѣдра годовъ
Возвѣсти. А въ день гнѣва
О милости вспомни.
Богъ отъ юга
Придетъ и Святой
Отъ горы Паранъ.
Небеса покрыло
Величье Его,
И хвала Его
Исполнила землю.

www.bibleist.ru

Сіянье какъ солнца
Выходитъ, и блескъ
Изъ подь рукъ у Него.
Тамъ хранилище силы Его.
Предъ лицемъ Его
Выступаетъ моръ,
И слѣдуетъ смерть
По слѣдамъ за Нимъ.
Развѣ на рѣки
Разсерженъ Іегова?
Развѣ на воды Твой гнѣвъ?
И ярость развѣ на море?
Развѣ возсядешь
На коней Своихъ,
На колесницы Свои
Побѣдныя?
Развѣ луки Свои
Обнажишь...

Такимъ образомъ свободные въ выраженіи своихъ звуковъ священные пѣвцы употребляютъ риѳмъ очень свободно такъ, что съ одной стороны стихи нельзя назвать бѣлыми, съ другой изъ риѳма не дѣлается строгой нормы для заключенія стиха. За то, иногда разъ принятый риѳмъ проводится поэтомъ чрезъ всю пѣсню, не ограничиваясь какими либо опредѣленными разстояніями отъ соотвѣтствующихъ ему звуковъ, напр., въ приведенныхъ примѣрахъ риѳмы: *eni*, *an*, *eca*. Бываютъ случаи, что поэтъ, ради созвучнаго риѳма, рѣшается даже измѣнить обыкновенное принятое грамматическое окончаніе, напримѣръ:

Ис. 7, 11. Sche'al Ieca 'oth
Mei'm Iehovah Eloheca:
Ha'amek *sche'alah,*
O hagbheah *lemala.*

www.bibleist.ru

Проси себѣ знака
Отъ Іеговы Бога;
Во адъ низойди,
На небо возвысся.

Здѣсь форма *sche'alah* для созвучія съ *lemala* стоитъ вмѣсто *sche'ola, въ преисподнюю*. Такую же поэтическую вольность встрѣчаемъ Пѣсн. Пѣсн. 3, 11.

Tzeéna
Ur'*eéna*
Benoth Tzijon
Bamelec Sch*lomò*
Ba'a*tarà*
Sche'*itterà*
Lo *immò*
Bejom chathun*nathò*
U—bejom
Simchath li*bbò*.

Идите, смотрите,
Сіонскія жены
Какъ царь Соломонъ
Увѣнчанъ вѣнкомъ
Своей матерью,
Въ день женитьбы своей,
Въ день веселія
Сердца его...

Форма *tzëëna* стоитъ здѣсь для созвучія съ слѣдующимъ словомъ вмѣсто обыкновеннаго *tzena* (ср. Евальд. Lehrbuch der hebr. Spr. § 198). Такимъ же образомъ въ Пс. 32, 1, стоитъ свободно nesuj (вмѣсто nesu') для созвучія съ cesuj; или moba' (для созвучія съ motza') вмѣсто mabo' въ Іезек. 43, 11:

Umotza'àv
Umoba'àv

www.bibleist.ru

Ve col ·tzurothàv
Ve'eth coI chikkothàv
Vecol tzurothàv
Vecol thorotàv....

Иногда риѳмическая строка, не совпадая съ мыслію, можетъ обнимать собою послѣднія слова одного предложенія и начальныя другаго, какъ напримѣръ въ приведенномъ нами примѣрѣ молитвы пророка Аввакума:

Ci thirrcab ʿal *suseca*
Marcebo*theca*
Ieschuʿah?.. ʿErja theor
Kasch*theca* и проч.

Напрасно нѣкоторые (Евальдъ) вооружаются противъ возможности и естественности подобнаго раздѣленія библейскихъ строкъ съ перерывами продолженій. Оно встрѣчается очень часто во всякой поэзіи, и притомъ именно у поэтовъ, отличающихся простотою и естественностію. Кому неизвѣстно, что подобными риѳмическими строками богата поэзія Пушкина! Вотъ напр. его стихъ (Онѣг. гл. 7, XV):

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хородовы.
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ....

Подобно аллитераціи, риѳмъ древнееврейскій до священной поэзіи существовалъ въ народномъ языкѣ, какъ это видно изъ многихъ народныхъ выраженій и пословицъ, приведенныхъ въ Библіи. Такъ напримѣръ риѳмовано извѣстное присловье Ламеха къ женамъ своимъ (Быт. 4, 23):

ʿAdah vetzillah
Schemaʿan *kolï*

www.bibleist.ru

Neschej Lamec
Ha'azenah *'imrathij:*
Ci—'isch hargethi
Lephitzi ij
Vejeled *lechabberathij.*

Ада и Целла,
Слушайте гласъ мой;
Жены Ламеха,
Рѣчи внемлите.
Разомъ убью я
Мужа хулителя
И дитя супротивное.

Самсонъ говоритъ Филистимлянамъ, разгадавшимъ его загадку, при пособіи его жены, новою загадкою (Суд. **14, 18**):

Lule' charaschthem
Be-eglathij,
Lo metz'athem
Chiddathij.

Не орите вы
На телицѣ моей,
Не отгадать бы вамъ
Загадки моей.

Или вотъ побѣдная пѣсня еврейскихъ женщинъ Давиду:

1 Цар. 18, 7. Hicca Schaul ba'alafav
Vedavid beribboihav.
Побѣдилъ Саулъ тысячи,
А Давидъ тьмы.

Здѣсь суффиксы на концѣ строкъ совершенно излишни и могутъ быть объяснены только потребностію усилить риѳмы.

www.bibleist.ru

Въ соотвѣствіе съ этимъ, древнѣйшая формула благословенія народа построена риѳмически:

Iebarececa Iehovah
Vejischmereca!
Ia'er Iehovah phanav 'eleca
Vihunneca!

Jissa Iehovah
Phanav 'eleca
Vejasem leca
Schalom...

Іегова благословитъ *тебя*
И сохранитъ *тебя!*
Освѣтитъ взоромъ Своимъ *тебя*
И помилуетъ *тебя!*

Обратитъ Іегова
Свой взоръ на *тебя*
И одаритъ *тебя*
Миромъ....

Разсматривая всѣ приведенные примѣры, мы можемъ отличать въ библейской поэзіи три рода риѳма. 1) Риѳмъ *открытый*, состоящій въ томъ, что одинаковыя согласныя, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за равными гласными, предшествуютъ имъ. Мы называемъ этотъ родъ риѳма открытымъ, потому что въ грамматикахъ вообще такого рода слоги называются открытыми. Такіе риѳмы въ особенности свойственны древнееврейской поэзіи и языку. Въ нашей, какъ и въ древненѣмецкой поэзіи такой риѳмъ встрѣчается рѣдко: чаще останавливаются на немъ только нѣкоторые отдѣльные поэты, напр. Лермонтовъ. Противъ этого риѳма возстаетъ де-Ветте на томъ основаніи, что въ большинствѣ случаевъ сюда принадлежатъ окончанія въ суффиксахъ. Но мы не видимъ причины, почему суффиксы должны составлять исключе-

www.bibleist.ru

ніе, когда говорится о риѳмѣ. Если потому что они представляютъ въ рѣчи весьма необходимыя и часто повторяющіяся окончанія, то подобныхъ окончаній весьма много во всѣхъ языкахъ; каждый языкъ имѣетъ свои особенные любимѣйшія риѳмическія окончанія, между тѣмъ никакая просодія не станетъ предостерегать, что тѣ или другія риѳмическія окончанія не должны считаться риѳмами, тѣмъ болѣе окончанія столь частыя и звонкія. И такъ открытые древнееврейскіе суффиксы по преимуществу должны считаться риѳмами. 2) Риѳмъ *закрытый*, представляемый слогами изъ двухъ согласныхъ съ однозвучною гласною; приэтомъ послѣднія согласныя могутъ иногда нѣсколько различаться, напр. могутъ риѳмоваться tal и matar, rob и thirosch; такимъ образомъ риѳмъ скрывается внутрь слова и смѣшивается съ аллитераціею. И этотъ риѳмъ не представляетъ собою аномаліи; въ нашей народной и не народной поэзіи также встрѣчаются не строгіе риѳмы въ родѣ: человѣкъ и завѣтъ, стать и садъ и т. под. 3) *Ассонансъ*, образующійся сходствомъ и совпаденіями однихъ гласныхъ безъ созвучія согласныхъ. Въ богатыхъ гласными языкахъ романскихъ, особенно въ испанскомъ, ассонансъ выступаетъ какъ самый употребительный родъ риѳма. Но въ языкѣ еврейскомъ, при второстепенномъ значеніи гласныхъ, ассонансъ встрѣчается рѣдко; его можно отличать только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одна и таже гласная стоитъ на концѣ нѣсколькихъ словъ, слѣдующихъ одно за другимъ. Напр.

Быт. 49, 17. Vajaphòl rocbò
Achòr.
И палъ всадникъ его
Навзничь.

Исх. 14, 4. Marceboth Plar'ò
Vechelò.
Колесницы Фараона
И войско его.

www.bibleist.ru

Нав. 10, 12. Schemesch begib'on dom
Vejarech be'emek 'Ajalon
Солнце стань надъ Гаваономъ
И луна надъ долиною Айялона.

С. Изъ повторенія отдѣльныхъ слоговъ въ аллитераціи выступаетъ далѣе *повтореніе словъ*. Мы видѣли, что риѳмическая форма, состоящая въ повтореніи словъ, есть и въ нашей древней поэзіи, гдѣ повтореніе часто бываетъ чрезмѣрное и поражающее слухъ своею монотонностію, такъ что въ употребленіи этой формы видятъ упадокъ поэтической аллитераціи. Излишнее употребленіе ея указываетъ огрубѣніе поэтическаго слуха, не удовлетворяющагося легкимъ первоначальнымъ созвучіемъ отдѣльныхъ согласныхъ, и допускается только въ случаѣ отлива звуковъ для восполненія недостающихъ слоговъ, какъ въ слѣдующемъ четырестишіи:

Городъ чудный, *городъ* древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
Сколько храмовъ, *сколько* башенъ
На семи твоихъ холмахъ.

Въ еврейской поэзіи повтореніе словъ, какъ риѳмическая форма, является очень рано вмѣстѣ съ аллитераціею, которую оно и переживаетъ, не достигая такого крайняго употребленія, въ какое перешла древненѣмецкая и русская аллитерація. Притомъ разнообразіе формъ, въ которыхъ является здѣсь это повтореніе предотвращало скучную монотонность рѣчи. Повтореніе словъ въ древнееврейской поэзіи нужно отличать двоякое: α) полное повтореніе одного и того же слова, такъ что при этомъ соединяются аллитерація и риѳмъ; β) повтореніе одного и того же слова съ различною вокализаціею, при чемъ риѳмическое соединеніе образуется только равенствомъ согласныхъ коренныхъ.

www.bibleist.ru

1. Полное повтореніе словъ. Напримѣръ:

Быт. 49, 3. *Iether* se'eth *ve'ieter* 'az
Верхъ величія и *верхъ* могущества

Числ. 24, 24. Ve'innu Assur ve'innu 'Eber
И смирятъ Асара *и смирятъ* Евера.

Полное повтореніе словъ можетъ начинать собою нѣсколько рядомъ стоящихъ строкъ, образуя ораторское anaphora. Напримѣръ:

Пс. 68, 16. *Har* Elohim
Har Basan;
Har ghabnunim
Har Basan.
Гора высокая
Гора Васанская;
Гора холмистая
Гора Васанская.

Быт. 49, 25. *Birkoth* haschschamaim me'al,
Birkoth thehom thachath,
Birkoth schadaim varacham.
Благословеніе неба свыше,
Благословеніе бездны долу,
Благословеніе метерних персей и лона.

Но гораздо чаще такое повтореніе бываетъ свободно разбросано въ стихѣ, какъ мы видѣли это въ аллитераціи.

Пс. 9, 10. Vajehi Iehovah
Misgab ladac,
Misgab le'ithoth batzara.

И былъ Іегова
Скалой для пораженнаго,
Скалой во время напасти.

www.bibleist.ru

Ис. 24, 18. 19. 20. Дрожитъ въ основеніяхъ *земля* ('aretz)
Гибнетъ *земля* (ha'aretz)
Распадается *земля* ('aretz)
Колеблется *земля* ('eretz)
Шатается *земля* (eretz) какъ пьяный,
Качается, какъ колыбель....

Iезек. 8, 2. 6. Землѣ израильской *конецъ* (ketz)
Наступаетъ (ba') *конецъ* (hakketz)
На четыре страны земли.....
Конецъ (ketz) *наступаетъ* (ba')
Наступаетъ (ba') *конецъ* (hakketz)
Конецъ (hekitz) на тебя
Вотъ онъ *наступаетъ* (ba'h).

Ср. Амос. гл. 8, 1 и 2 стихи.

2. Что касается повторенія словъ съ перемѣною вокализаціи, то мы говорили уже объ этомъ, при разсмотрѣніи общаго стремленія древнееврейскаго языка соединять слова одного и того же корня. Это соединеніе корней въ различныхъ видахъ ихъ само по себѣ могло дать богатыя средства еврейской риѳмикѣ. Въ самомъ дѣлѣ поэзія древнееврейская весьма часто пользуется этимъ родомъ соединенія словъ и притомъ съ такимъ тонкимъ разнообразіемъ, что повидимому неизбѣжная въ такихъ случаяхъ монотонность и однозвучіе рѣчи, нигдѣ не чувствительными. Оставляя менѣе употребительныя формы соединенія словъ одного корня въ еврейской поэзіи, мы должны здѣсь указать четыре главныхъ вида.

1. Соединеніе однихъ и тѣхъ же существительныхъ съ различною вокализаціею. Напримѣръ:

Второз. 32, 31 Ci lo *citzurenu tzuram*
Не по нашему защитнику защитникъ ихъ.
— — 32. *Anabemo 'inbej* rosch
Ягоды ихъ—ягода ядовитая.

www.bibleist.ru

Такое соединеніе словъ встрѣчается и у насъ только въ болѣе простыхъ формахъ, наприм. въ слѣд. стихѣ Хомякова:

Къ *жизни духа*, къ *духу жизни*
Потекутъ они толпой.

Или изъ былины: Не *туча* съ *тучей* сходилася,
Не *заря* со *зарей* сомыкалася.

2. Соединеніе глагола съ именемъ того же корня. Напр.

Числ. 24, 16. *Vajadea' da'ath* 'elijon
Machazah Schaddaj *jechezeh*.
Онъ *мыслитъ мысли* Вышняго,
Онъ *видитъ видѣніе* Всемогущаго.

Ис. 22, 18. Tzauof *itzenafeca tzenefa*
Онъ *свернулъ* тебя *свертком*ъ.

Напрасно эту поэтическую форму Ловтъ выводилъ изъ бѣдности языка. Такія соединенія и у насъ встрѣчаются не рѣдко въ народныхъ пѣсняхъ, напр. въ стихахъ:

Плачемъ плачутъ всѣ не унимаются.

или: Тамъ сизой орелъ *зоветъ зовомъ*,
Зоветъ *пиръ пировать*, мертвецовъ убирать.

Даже высоко культированные современные поэты въ поэтическихъ интересахъ прибѣгаютъ къ подобнымъ соединеніямъ, не смотря на противодѣйствіе имъ со стороны языка, вотъ напр. стихъ Гёте:

Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist *Lohn* der reichlich *lohnt*.

Или: Wenn ich *still* die Angen lenke,
Auf die abendliche *Stille*,
Und nur denke, dass ich denke,
Will nicht *ruhen* mir der *Wille*
Bis ich sie in *Ruhe* senke. (Тикк).

3. Соединеніе неопредѣленнаго наклоненія съ опредѣленнымъ. Напримѣръ:

www.bibleist.ru

Исх. 15, 1. Aschirah lajhovah
Ci *gaoh gaah.*

Пойте Іеговѣ,
Ибо *возвышаясь* Онъ *вознесся*

Пс. 40, 2. *Kivvo kivvithi* jehovah.
Ожидая я *ожидалъ* Іегову.

Исх. 24, 3. *Hibbok thibbok* ha'aretz.
Разорясь разорена земля.

Нѣчто подобное представляетъ наша народная поэзія; только вмѣсто неокончательнаго у насъ дважды повторяется изъявительное, какъ въ выраженіи былины: «*что съ тобой случилось, приключилося*»? или Пушкина: «*зимы ждала ждала природа*».

4. Соединеніе глаголовъ, причастій и существительныхъ въ антипезѣ. Напримѣръ:

Числ. 23, 8. Ma *'ekkob* lo *kabo* 'el,
Ma *'ez'om* lo *za'am* Iehovah.
Какъ прокляну, когда Богъ не проклинаетъ,
Какъ изреку зло, когда Іегова не изрекаетъ?

Пс. 18, 26. 'Im *chasid thithchassad*
'Im *thamim thiththamam*
'Im *nabar thithbarar.*

Съ святымъ Ты поступаешь свято,
Съ вѣрнымъ вѣрно,
Съ чистымъ чисто.

Д. Послѣднія указанныя нами риемическія формы обращаются наконецъ въ поэтическія фигуры, которыя, при своихъ сильныхъ формахъ созвучія, ласкающихъ ухо, имѣютъ еще особенный элементъ внутренній, завлекающій мысль. Сюда принадлежатъ: парономазія или анноминація и игра словъ. *Анноминація* состоитъ въ томъ, что при повтореніи словъ имѣется въ виду не

www.bibleist.ru

музыка и риемъ созвучій, а особенное удареніе на словѣ, чтобы выдвинуть его предъ другими, или чтобы поставить его въ противоположность съ самимъ собою. «Парономазія евреевъ, говоритъ Гердеръ, имѣетъ не то второстепенное и случайное значеніе, какое имѣетъ употребленіе игры словъ въ нашихъ языкахъ. Еврейская поэзія имѣетъ совершенно другой строй. Она не владѣетъ риемомъ (?); но любитъ аллитерацію, на которую обращаетъ ее параллелизмъ. Но, спрашивается, что духовнѣе, выше и разумнѣе? Риемъ ли, представляющій игру одного звука, или же сходство въ мысли, совпадающее съ сходствомъ буквы, гдѣ слово, какъ говоритъ Попе, становится echo the sense? Это послѣднее есть библейская парономазія. Прекрасное явленіе, когда и въ нашихъ поговоркахъ, противоположеніяхъ, сравненіяхъ, сходство или различіе понятій выражается въ сходныхъ звукахъ! Даже въ философіи такого рода счастливыя выраженія имѣютъ огромное значеніе; однимъ словомъ они могутъ возбудить въ душѣ замѣчательныя аналогіи и различія. Но у народа древнѣйшаго въ мірѣ, для котораго языкъ сосредоточивается въ устахъ и ухѣ, а не въ хартіи и буквахъ, подобныя выраженія, какъ цементъ скрѣпляющій память, и полезны и весьма необходимы. Точно также и у всѣхъ народовъ, неимѣющихъ никакихъ книгъ, или вообще мало успѣвшихъ въ литературѣ, замѣтна общая наклонность къ анноминаціи и игрѣ словъ, доходящая до такой значительной степени, которой нельзя и понять съ точки зрѣнія нашей культуры. Да и глупо и смѣшно было бы судить о вкусѣ древнечеловѣческаго языка по нашему»... (Geist der hebr. Poesie 273 и дал.).

Нужно отличать два рода анноминаціи. 1. Анноминацію, имѣющую въ виду выдвинуть извѣстное понятіе. Этотъ родъ анноминаціи можно смѣшивать съ обыкновеннымъ поэтическимъ повтореніемъ словъ:

Ис. 24, 16. *Bagdim bagdu ubeged bogdim bagdu.*

www.bibleist.ru

Ис. **29**, **14**. Вотъ Я сдѣлаю *чудо* съ народомъ симъ,
Чудо чудное.

2. Анноминація, при которой выставляются на видъ противоположности въ выраженіи понятія.

Ис. **33**, **1**. *Грабитель*! развѣ тебя ужъ *не ограбятъ*?
Хищникъ! развѣ уже *не расхитятъ* тебя?

Ис. **30**, **16**. Вы говорили: «мы *убѣжимъ* на коняхъ»;
Теперь *убѣгайте*.
«На *легкихъ бѣгунахъ* умчимся»;
Но *легко бѣгутъ* и преслѣдующіе васъ.

Ис. **27**, **7**. *Haccetaccath taccehu hiccahu*?
Im *cehereg harugav horag*?
Развѣ *тиранствомъ тирановъ* онъ будетъ *тиранить* его,
Или *убьетъ убійствомъ убійцъ* его?

Игра словъ основывается на томъ, что соединяются между собою слова, сходныя по звуку, но различныя по значенію; сущность акумена заключается здѣсь въ этомъ именно противорѣчіи между звукомъ и значеніемъ. Игра словъ встрѣчается во всѣхъ языкахъ и у всѣхъ народовъ, и есть слѣдствіе живости и воспріимчивости народнаго духа, но въ особенности живою игрою словъ отличаются народы семитическіе. Въ древнееврейской поэзіи игра словъ могла выйти непосредственно изъ аллитераціи. Это предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что игра словъ встрѣчается въ тѣхъ священныхъ книгахъ, гдѣ преобладаетъ аллитерація. Весьма возможно, что игра словъ иногда могла являться здѣсь непреднамѣренно и только впослѣдствіи была усмотрѣна въ сильной аллитераціи.

Въ игрѣ словъ древнееврейскаго языка Гезеніусъ (Lehrgeb. der hebr. Sprache § 237 и 238) различаетъ два рода:

1. Слова могутъ быть однѣ и тѣже, и только различное значеніе ихъ въ предложеніи указываетъ въ данномъ мѣстѣ именно игру словъ. Вотъ примѣры, указанные Гезеніусомъ:

www.bibleist.ru

Суд. 10, 4. Онъ имѣлъ тридцать сыновъ, которые ѣздили на тридцати ослахъ и владѣли тридцатью городами.

Игра словъ здѣсь состоитъ въ томъ, что для выраженій *ослахъ* и *городами* подобрано одно и тоже слово ʿajarim.

Суд. 15, 16. Самсонъ разсказываетъ о побѣдѣ своей, одержанной необыкновеннымъ оружіемъ, игрою словъ: «челюстію *ослиною* я избилъ *толпу*».

Здѣсь chamor значитъ и *оселъ* и *толпа*.

Екк. 7, 6. Смѣхъ глупаго, какъ трескъ горящаго *тростника* (sir) подъ *котломъ* (sir). У Кнобеля переводится: Nessel, Kessel.

Пс. 36, 10. По *благости* Твоей ('or) мы увидимъ *спасеніе* ('or).

Этотъ родъ игры такъ простъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ встрѣчается въ древнѣйшій періодъ, и въ прозѣ.

2. Слова имѣютъ однѣ и тѣже согласныя, но различныя гласныя. Игра здѣсь заключается въ томъ, что слова, по видимому принадлежащія одному корню, неожиданно для слушателя оказываются совершенно различными по особеннымъ оттѣнкамъ въ гласныхъ звукахъ. Этотъ родъ игры словъ обнаруживаетъ уже гораздо больше искусственности и по внѣшнему виду можетъ быть разсматриваемъ какъ родъ сильной аллитераціи, если особенная постановка предложенія не требуетъ допустить въ извѣстномъ мѣстѣ именно игру словъ. Вообще требуется большая осторожность при опредѣленіи границы, на которой кончается аллитерація, какъ естественная ритмическая форма поэзіи и начинается логическая или реторическая игра словъ.

Въ древнѣйшей поэзіи этотъ родъ игры словъ почти не встрѣчается вообще. Только въ Псалмахъ нѣкоторый намекъ на нее представляютъ употребляемые часто совмѣстно глаголы ra'ah и jare', jaschar и tzar и т. под. близкіе по звуку, но противопо-

www.bibleist.ru

ложные по значенію; особенно первые два глагола даже въ прозѣ даютъ легкую игру словъ въ частомъ совмѣстномъ употребленіи.

Пс. 40, 4. *Ji'ru* rabim *vejira'u*

Многіе *взглянули* и *вздрогнули*.

Пс. 52, 5. *Vejire'u* tzadhikim *vejira'u*.

Праведники *взглянутъ* и *вздрогнутъ*.

Зах. 9, 5. *There'* Aschkelon *vethira'*

Взглянетъ Аскалонъ и *вздрогнетъ*

Быт. 42, 35. *Vajire'u* 'eth tzeroroth casphejhem hemah va'abijhem *vejira'u*.

И *взглянули* на узлы серебра своего, они и отецъ ихъ и *вздрогнули*.

1 Сам. 28, 5. *Vajare'* Scha'ul 'eth machaneh phelischthim *vajira'*.

И *взглянулъ* Саулъ на лагерь филистимскій и *вздрогнулъ*.

Пс. 27, 11. Necheni be'orach *mischor* lema'an *schorraj*.

Веди меня путемъ *благимъ*, чтобы завидовали *враги*.

Пс. 32, 7. *Mitzar thittztzereni*.

Отъ *неправды* насъ *избавь Ты*.

Только пророки часто употребляютъ игру словъ въ собственномъ смыслѣ. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи первая часть книги пророка Исаіи и книга пророка Михея; позднѣйшіе большею частію подражаютъ имъ.

Ис. 1, 23. *Saraic sorrim*.

Учители твои—*мучители*.

тоже у Ос. 9, 15. *Учители* ваши—*мучители*.

www.bibleist.ru

Ис. 5, 7. Vajekav *lemischphat* vehinneh ***mischphach***
Litzedakah vehinneh *tzeakah*.
Онъ ожидалъ *порядка* и вотъ ***порабощеніе***,
Закона—и вотъ *стоны*.

Ис. 7, 9. Im lo *tha'aminu* ci-lo *the'amenu*.
Не *увѣритесь*, не *останетесь*.
Glaubet ihr nicht, so *bleibet* ihr nicht. (Лютеръ).

Ис. 17, 1. Hinneh Dammeschek musar *me'ir*
Vehajthah *me'i* maphphalah.
Вотъ Дамаскъ не *городъ*,
Огородъ заброшенный.

Ис. 17, 9. 'Arej *mauzzo*, *cauzubath* hachoresch.
Города ихъ *крѣпки* что лѣсныя ***щепки***.

Ис. 26, 3. *Ietzer* samuk *thitztzor*.
Береженнаго Ты бережешь.

Ис. 32, 7. 'Al *sadim sofdim*
'Al *sedej* chemed.
Плача бьютъ себя о *полы*
О *поляхъ* цвѣтущихъ.

И вторая часть книги пророка Исаіи имѣетъ игру словъ, хотя не такъ часто:

Ис. 57, 5. *Bechalekej nachal chelkech*.
Его *доля*—на межѣ у *поля*.

Ис. 61, 3. *Pe'er* thachath *'eper*.
Вѣнокъ за песокъ.
Putz für Schumutz (Августъ.).

www.bibleist.ru

Іерем. 3, 14. 22. *Schubu* banim *schobabim.*
Возвратитесь, извращенные.

Іерем. 48, 9. Thenu tzitz lemo'ab, ci natzo' thetze'.
Дайте *крылья* Моаву, пусть *скроется.*

Іерем. 51. 2. Schalachthi lebabel *zarim vezeruha.*
Я послалъ на Вавилонъ *людей чужихъ,*
Чтобы *разогнали* его *по чужимъ.*

Ос. 8, 7. *Kamah* beli ja'aseh *kemach.*
Стебель да *муки* не дастъ.
Ср. Плач. 4. 18. Еккл. 7, 1 и др.

Аллитерація, анноминація и игра словъ получаютъ особенное значеніе при употребленіи въ Ветхомъ Завѣтѣ: α) именъ собственныхъ и β) именъ числительныхъ.

1) «Съ древнѣйшаго времени, говоритъ Гердеръ, у евреевъ все основывалось на имени; имена заключали въ себѣ всю исторію, хранили на память потомству все прошедшее». (Geist der hebr. Poesie, 280). Собственныя имена у восточныхъ народовъ не были случайными знаками для отдѣльныхъ лицъ и предметовъ, но своимъ происхожденіемъ обязаны дѣйствительнымъ опредѣленнымъ свойствамъ. Только съ теченіемъ продолжительнаго времени, при пріобрѣтеніи отдѣльными именами права гражданства, понятія, лежащія въ основаніи именъ, могли потеряться, такъ что наконецъ изъ именъ образовались готовые каталоги, откуда имена выбираются по произволу, независимо отъ свойствъ лица. Для древнихъ евреевъ собственныя имена никогда не теряли своего нарицательнаго значенія. Такъ напр. Ноэмминь говоритъ о себѣ: «не называйте меня *Ноэмминь* (возлюбленная), какая изъ меня Ноэмминь? Называйте меня *Марою* (огорченная), потому что Всевышній огорчилъ меня; я вышла отсюда съ достаткомъ, а Іегова возвратилъ меня съ пустыми руками. Зачѣмъ же называть

www.bibleist.ru

меня Ноэмминь, когда Іегова заставилъ меня страдать и Всевышній послалъ мнѣ несчастіе (Руѳ. 1, 20)». Или Исавъ говоритъ о своемъ братѣ: «не даромъ дали ему имя Іаковъ (запинатель); онъ запнулъ меня уже два раза (Быт. 27, 36)». Гердеръ находилъ въ образованіи каждаго библейскаго имени игру словъ. Но такая игра, требующая особенныхъ комбинацій разсудка, не соотвѣтствуетъ простотѣ мысли первобытнаго человѣка; кромѣ того, она давала бы странный характеръ всѣмъ жизненнымъ отношеніямъ народа, занятаго исключительно игрою словъ и именъ. На самомъ дѣлѣ эти имена были простыми снимками извѣстныхъ фактовъ, явленій и свойствъ. Таковы объясненныя въ Библіи собственныя имена: Адамъ, Евва, Каинъ, Сиѳъ, Ной, Іафетъ, Исмаиль, Авраамъ, Сарра, Моавъ, Аммонъ, Исаакъ, Исавъ, Іаковъ, Едома, Симонъ, Левій, Іуда, Нефѳалимъ, Гадъ, Ассиръ, Иссахаръ, Завулонъ, Іосифъ, Веніаминъ, Зарехъ, Манассія, Ефремъ, Моисей, Самуилъ и проч. Названія мѣстностей: Бабелъ, Зоаръ, Есекъ, Ситна, Бетъ-елъ, Алонъ-бакгутъ, Абелъ-Мицраимъ и мн. др. Всѣ эти и многія другія библейскія имена не представляютъ никакихъ искусственныхъ построеній, а служатъ только историческими памятниками. Считать поэтическими произведеніями эти имена можно развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ и весь строй древнихъ языковъ называется первобытною поэзіею, поколику въ нихъ слово цѣнится не только по своему значенію, но и по музыкальности звука.

Если съ значеніемъ собственныхъ именъ иногда связывается предсказаніе будущаго, такъ Быт. 49, 16: *Данъ (dan) будетъ судить* (jadin) *народы*; то здѣсь распространяется на будущее то свойство, которое лежитъ въ основаніи имени. Какъ въ именахъ выше указанныхъ фактъ послужилъ къ образованію имени, такъ здѣсь изъ имени, выражающаго сущность лица, выводятся пророчески возможные будущіе факты.

Если по какимъ либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ лицо

www.bibleist.ru

или мѣсто получало новое значеніе для народа, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялось, въ соотвѣтствіе новому качеству, и самое имя. Такъ напр. Аврамъ—родоначальникъ народа израильскаго измѣняетъ свое имя въ *Авраамъ*, чтобы обозначить новое свое положеніе, какъ отца многихъ народовъ по обѣтованію. Точно такжѳ измѣнено имя Іакова (запинателя) въ Израиль, когда его роль стала міровою въ отношеніи къ культу монотеизма. Что во всѣхъ этихъ именахъ и измѣненіяхъ ихъ лежитъ историческое, а не поэтическое значеніе, въ этомъ странно сомнѣваться.

Только у пророковъ встрѣчается настоящая игра словъ при употребленіи собственныхъ именъ, но такъ, что при этомъ никогда не теряется историческая почва; такимъ образомъ, оставаясь вполнѣ точными историческими памятниками, пророческія книги Ветхаго Завѣта, съ другой стороны, могутъ служить образцами художественныхъ поэтическихъ и ораторскихъ сопоставленій, на основаніи этимологическихъ значеній отдѣльныхъ собственныхъ именъ. Подобною игрою въ употребленіи собственныхъ именъ городовъ отличается въ особенности первая часть книги пророка Исаіи, а потомъ и другія пророческія книги, отчасти самостоятельно, но болѣе по подражанію Исаіи. Вотъ напрймѣръ великолѣпная картина изъ собственныхъ именъ по книгѣ пророка Исаіи.

Ис. 10, 28—32. Онъ идетъ на Аіаѳъ,
Переходитъ Мигронъ,
Въ Михмашѣ складываетъ оружіе,
Проходитъ чрезъ Магабару,
Въ Гева-Малонѣ ночуетъ.
Дрожитъ Рама,
Гавея Саулова разбѣжалась,
Кричи громкимъ голосомъ Батъ-галимъ
Пусть услышитъ Лаишъ.

www.bibleist.ru

Бѣдный Анаѳоѳъ!...
Разбѣжалась Мадмена,
Жители Гевимы (по LXX) укрѣпляйтесь!.
Еще день стоять въ Новѣ....
Онъ грозитъ рукою своею дочери Сіона,
Холму Іерусалима.

Здѣсь собственныя названія городовъ, опредѣляя путь, которымъ должны идти на Іерусалимъ Ассиріяне, въ тоже время стоятъ въ особенной поэтической связи съ глаголами по своимъ этимологическимъ значеніямъ, тожественнымъ съ значеніями глаголовъ, такъ что приведенное мѣсто можетъ имѣть другой переводъ съ превращеніемъ собственныхъ именъ въ нарицательныя:

Онъ идетъ *опустѣлымъ пространствомъ*,
Переходитъ *крутизну*,
Въ тайномъ мѣстѣ складываетъ оружіе,
Проходитъ *тѣснины*,
На *холмѣ ночлега* ночуетъ.
Дрожатъ *возвышенности*,
Холмъ Сауловъ побѣжалъ,
Кричи громкимъ голосомъ *городъ шумный*
Пусть услышитъ *подслушивающая* (и нѣм. lauschen знач. *подслушивать*)
Бѣдный *городъ бѣдствій*.
Убѣжала *молчаливая*,
Жители *высокихъ мѣстъ* укрѣпляйтесь!
Еще день стоять на *высотѣ*...

Ис. 15, 5. Ci ma'aleh halluchith bebci ja'aleh.
Маале-галлухитъ (этимол. переходныя сваи)
въ слезахъ онъ *пройдетъ*.

Ис. 15, 9. Ci mej *Dimon* mal'u *dam*.
Ме-димомъ (этимологически: *потокъ крови*)
наполнился *кровію*.

www.bibleist.ru

Ис. 17, 2. *'Azuboth 'arej 'Aro'er.*
Пусты города Ароера (Ароеръ этимологически значитъ *пустырь*).

Ис. 21, 2. 'Ali Ëlam.
Взойди Еламъ (Еламъ этим. *всходящій*).

Ис. 65, 11. 12. Они разстворили питье *богу рока* (meni),
За то Я *обреку* (manithi) ихъ подъ мечъ.

Іерем. 6, 1. *Трубите* трубою въ *Θекоѣ* (*Θекоя* въ корнѣ слова значитъ именно *трубить*).

Іерем. 48, 2. Ему зло *задумали* въ *Хешбонѣ* (корень слова *Хешбонъ* значитъ *задумывать*).

— — — И ты *замолчишь Мадмена* (корень имени *Мадмена* значитъ *молчать*).

Іезек. 25, 16. Я истреблю Критянъ (Критянинъ Krethim въ корнѣ значитъ *истребитель*).

Амосъ 5, 5. Будетъ взятъ въ плѣнъ Галгалъ (Галгалъ происходитъ отъ корня *'гала, брать въ плѣнъ*).

— — — *Идоламъ* достанется *Бетъ-елъ* (имя города *Ветъ-элъ* этимол. значитъ *домъ Божій*) ср. Ос. 12, 12.

Мих. 1, 10. Не возвѣщайте въ Гафѣ (корень nagaph знач. играть на инструментѣ).
Не *плачьте* въ *Акко* (корень Акко значитъ *плакать*).
Не посыпайтесь *пепломъ* въ *Орфѣ* (Орфа этимол. *пепелъ*). Ср. 2 Сам. 1, 20.

Мих. 1, 13. Rethom ham*mercabah larecesh* joschebeth *Lacisch.*
Впрягайте въ колесницы коней жители Лахиша.
Здѣсь слова: mercabah, recesch, lacisch даютъ сильную аллигерацію, близкую къ игрѣ словъ.

www.bibleist.ru

Мих. 1, 14. Bathej *Aczib leaczab.*
Домы Акзива что ручей обманчивый. (Акзивъ значитъ обманъ).

Мих. 1. 15. Еще *владѣльца* веду къ тебѣ, живущая въ *Марешѣ.* (Марешъ въ корнѣ значитъ *владѣніе).*

Соф. 2, 4. Будетъ *разорена Газа* (въ корнѣ *разорять).*

— — — Екронъ искоренится (Екронъ въ корнѣ значитъ *вырывать).*

2) Наклонность къ аллитераціи, давшая такія художественныя поэтическія построенія въ употребленіи собственныхъ именъ, коснулась, наконецъ, и употребленія именъ числительныхъ. Въ каждомъ языкѣ можно встрѣчать такія числа, которыя, будучи въ постоянномъ преимущественномъ употребленіи, не указываютъ опредѣленнаго количества, а только приблизительно большую или малую величину и называются *круглыми.* Такимъ образомъ въ латинскомъ языкѣ въ значеніи круглаго числа часто употребляется: *sexcenti* (см. Циц. ad Attic. 6, 4. Terent. Thorm. 4, 3, 63). У грековъ круглымъ священнымъ числомъ служило *девять.* Уже у Гомера упоминаются весьма часто *девять* жертвенныхъ животныхъ, при *девяти* жертвенныхъ столахъ, *девять* герольдовъ, *девять* судей на турнирѣ, *девяти*-дневное угощеніе и проч. Вліяніе этого круглаго число видно далѣе въ опредѣленіи девяти музъ у Гезіода, въ числѣ дней свящ. праздниковъ: освященіе θесмофоръ, элезвинскія празднества и празднества при погребеніяхъ продолжаются *девять* дней (послѣднее празднество даже называлось τὰ ἐννάτα), въ числѣ *девяти* архонтовъ въ Аѳинахъ и проч. Точно также свои круглыя числа представляютъ и наши народныя былины. Самымъ любимымъ круглымъ числомъ здѣсь является *сорокъ*, какъ само по себѣ, такъ и въ соединеніи съ другими числами. Напримѣръ:

У Батыя силы сорокъ тысячей
И у зятя-то силы сорокъ тысячей
У дьячка силы сорокъ тысячей.

www.bibleist.ru

Или: Поѣхалъ Михайла на Оскатъ гору высокую
Близъ сорока царей, сорока царевичей,
Близъ сорока королей, сорока королевичей...
Стрѣлялъ сорокъ стрѣлочекъ....

Или: Въ Москвѣ церквей сорокъ сороковъ и т. под.

Не менѣе часто въ значеніи круглаго числа наши былины употребляютъ *три*. Богатырь обыкновенно встрѣчаетъ три дороги, три врага, рѣшаетъ битву тремя захватами. Отецъ имѣетъ три сына или три дочери. Закладъ держится до трехъ разъ. Малымъ круглымъ числомъ иногда служитъ полтора: богатырь пьетъ чашу въ полтора ведра, полторы версты идетъ по маху и пр.

Происхожденіемъ своимъ круглыя числа вообще бываютъ обязаны какимъ либо важнымъ историческимъ и религіознымъ событіямъ, выдвинувшимъ значеніе того или другаго числа, хотя и не всегда эти событія могутъ быть извѣстны. Но изъ многихъ священныхъ чиселъ въ народномъ употребленіи выбираются преимущественно тѣ, которыя въ данномъ случаѣ могутъ войти въ разсказъ путемъ аллитераціи. Напр. въ приведенныхъ примѣрахъ *сорокъ* очевидно аллитеровано съ звуками: *кор. цар. церкв. стрѣл.* чрезъ букву р и съ повторяющимся словомъ: *силы* чрезъ шипящую *с*. *Три* аллитеруется съ словами: богатырь, дорога, врагъ, дочери; *полтора* аллитеруется съ словами: верста, ведро и т. дал.

Но ни одинъ изъ извѣстныхъ языковъ не представляетъ такого обилія священныхъ и круглыхъ чиселъ, какое мы видимъ въ Библіи. Жизнь, богатая великими событіями, оставила въ народной памяти, вмѣстѣ съ свящ. именами, много незабвенныхъ единицъ для счета. Но, употребляются ли эти числа въ историческомъ значеніи, или только въ значеніи неопредѣленныхъ величинъ, онѣ часто бываютъ связаны съ разсказомъ аллитераціею. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ чиселъ:

www.bibleist.ru

1) Когда имѣется въ виду незначительный, неопредѣленный счетъ, онъ иногда означается цифрою *пять*. Гезеніусъ (Thesaurus phil. p. 495) говоритъ объ этомъ числѣ слѣдующее: ut numerus septenarius saepe sacer et rotundus, ita nonnunquam etiam quinquarius (Ис. 17, 6; 30, 17) maxime ut observare licet in rebus Aegyptiacis (Быт. 43, 34. 45, 23. 47, 2. Ис. 19, 8) i. q. repetitum videtur a religionibus Aegyptiorum, Indorum, aliarumque gentium orientalium, in quibus *quinque* planetae minores, quinque elementa et potestates elementares sacrae habebantur. Но это мнѣніе Гезеніуса, что число пять получило у евреевъ значеніе круглаго и священнаго числа по вліянію Египтянъ, не имѣетъ основанія. Во первыхъ, не вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Египтѣ, употребляется именно это число: во снѣ Фараона *семь* колосьевъ и *семь* коровъ; виночерпій видитъ во снѣ *три* виноградныхъ лозы; Іезекіиль предсказываетъ, что Египетъ не будетъ населенъ въ теченіи *сорока* лѣтъ (29, 11—13). Во вторыхъ, тѣ мѣста, на которыя ссылается Гезеніусъ, не подтверждаютъ его положенія. Если Быт. 43, 34 говорится, что Іосифъ далъ Ваніамину порцію въ *пять* разъ больше, чѣмъ остальнымъ братьямъ и *пять* перемѣнъ одеждъ; то здѣсь же прибавлено еще особенное, стороннее число: *триста* сиклей серебра; такимъ образомъ очевидно, здѣсь рѣчь даетъ не случайныя круглыя, а историческія данныя. Точно также нѣтъ основанія сомнѣваться, что Іосифъ представилъ Фараону именно *пять* своихъ братьевъ. Круглое число можно видѣть только тамъ, гдѣ трудно допустить историческую цифру, напр. Исх. 30, 17: «отъ угрозъ одного васъ побѣжитъ тысяча, отъ угрозы *пяти*—десять тысячъ». Или: Лев. 26, 8: «*пятеро* изъ васъ обратятъ въ бѣгство сто, а сто тьму». 1 Сам. 17, 40 Давидъ беретъ въ котомку *пять гладкихъ камней;* такъ какъ Давидъ однимъ верженіемъ камня могъ повалить Голіафа на землю, то подъ пятью можно разумѣть случайное число. 1 Сам. 21, 4 Давидъ проситъ первосвященника: *дай мнѣ пять хлѣ-*

www.bibleist.ru

бовъ, если есть у тебя, или что найдешь. Въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ число пять имѣетъ только неопредѣленное значеніе, какое часто дается ему и въ нашихъ былинахъ; напр. въ русской пѣсни поется: «*али* я у батюшки моего *пять* сусѣковъ хлѣба выѣла»; или: «загадать ли тебѣ, сынъ купеческій, загадокъ *пять*».

Но во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Библіи, гдѣ число пять дѣйствительно имѣетъ значеніе круглаго числа, нельзя указать никакого египетскаго вліянія. Между тѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ мѣстъ, оказывается несомнѣннымъ, что на выборъ этого числа вліяли не какія либо внѣшнія причины, а единственно глубокая наклонность языка къ аллитераціи, которою для пособія памяти связаны и тѣ мѣста, гдѣ пять имѣетъ историч. значеніе. Такимъ образомъ въ первомъ изъ указанныхъ мѣстъ аллитеровано число *пять chamischah* съ словомъ *challukej порцій*. Во второмъ мѣстѣ число chamischah подобрано къ слову *lechem хлѣбъ*, съ которымъ оно связывается сильною аллитераціею. Въ мѣстѣ Исх. 30, 17 chamischah противопоставлено дважды повторенному слову *'echad одинъ*, съ которымъ оно образуетъ легкую аллитерацію. По тому же закону аллитераціи вставлено chamischa въ Быт. 45, 22, гдѣ оно связано съ словомъ schemaloth. Не подходитъ сюда изъ мѣстъ, указанныхъ Гезеніусомъ, только Ис. 17, 6. Но это мѣсто имѣетъ исключительный характеръ; въ немъ пересчитываются числа въ обыкновенномъ порядкѣ: «и останется у него, какъ при обиваніи маслинъ, двѣ, три ягодины на верхушкѣ, или четыре, *пять* на вѣтвяхъ болѣе плодородныхъ». Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ круглое число должно запоминаться одно, само по себѣ, на помощь ему приходитъ аллитерація.

2) Гораздо больше пяти въ употребленіи св. писателей встрѣчается число *семь*, служащее основаніемъ религіознаго законодательства евреевъ. Все распредѣленіе субботныхъ дней, суббот-

www.bibleist.ru

ныхъ годовъ, какъ и продолжительность праздничныхъ дней опредѣляется именно этимъ числомъ. Праздникъ Пасхи продолжается *семь* дней, отъ четырнадцатаго (2×7) дня перваго мѣсяца до 21 (3×7). Отъ Пасхи опять считается *семь* субботъ до Пятидесятницы, которая и называлась праздникомъ субботъ. Въ *седьмой* мѣсяцъ года опять праздникъ, продолжающійся *семь* дней (Лев. 23, 24 и дал). Многія опредѣленія закона на счетъ покупки и продажи важнѣйшихъ предметовъ (Лев. 25, 10, 15), на счетъ годоваго служенія рабовъ (Исх. 22, 2), обращаются опять около этого же числа. При такомъ важномъ значеніи числа семи *scheba'ah*, понятно, почему законодатель старается запечатлѣть его въ памяти читателей и слушателей закона помощію аллитераціи. Особенно часто встрѣчается въ постановленіяхъ закона сопоставленіе числа scheba'ah съ словомъ *schabbath суббота*, съ которымъ оно образуетъ сильную аллитерацію. Напр. Быт. 2, 2. 3 *vajischeboth* bajom *haschschebi'ij*, и успокоился въ день седьмый. Или же: vejom *haschschebij schabbath* Исх. 16, 26. 20, 10. 31, 15. 17. 34, 21. 35, 2. Втор. 5, 4 и мног. друг. Таже самая связь удерживается и въ законѣ о субботныхъ годахъ: *reschabthah* ha'aretz *schabbath* lajhovah Лев. 25, 2. 4, и юбилейныхъ: vesafartha leca *scheba' schabbethoth schanim*, «ты долженъ отсчитать себѣ семь субботъ годовъ», и далѣе: vehaju leca jemej *scheba' schabbathoth haschschanim*, «и будутъ для тебя семь субботъ лѣтъ. (Лев. 25, 8)».—Послѣ того, какъ такимъ образомъ законъ сообщилъ высокое религіозное значеніе числу *семь*, его употребляютъ и въ качествѣ круглаго числа, какъ въ отдѣльности, такъ и въ совокупности съ окружающими его числами: *шесть* и *восемь*, которыя въ еврейскомъ языкѣ созвучны съ числомъ семь. Напр. Іова 5, 19:

Въ *шести* бѣдахъ Онъ спасетъ тебя
И въ *седьмой* не коснется тебя зло.

www.bibleist.ru

Здѣсь семь *scheba'* и шесть *schesch* во первыхъ связаны легкою аллитераціею между собою, во вторыхъ съ другими словами чрезъ повторяющуюся дважды шипящую *цаде*. Ср. Еккл. 11, 2 и др.

3. Число *десять*, какъ круглая величина, употребляется для обозначенія неопредѣленной и случайной небольшой суммы. Если Іаковъ говоритъ о Лаванѣ (Быт. 31, 7): онъ *десять разъ* 'asche-reth перемѣнялъ мнѣ *награду maschcerthij*, то здѣсь, кромѣ аллитераціи и можетъ быть еще знакомства съ десятичною системою, нельзя указать никакой причины для выбора числа. Тоже и въ словахъ Іова: вы *десять* разъ срамили меня (19, 3). Ср. Ис. 5, 10. 6, 13.

4. Число *сорокъ* имѣетъ такое же значеніе въ еврейской исторіи, какъ семь въ еврейскомъ законодательствѣ. Составляя средоточіе многихъ библейскихъ сказаній, сорокъ 'arba'im почти вездѣ собираетъ около себя аллитерованные звуки. Обыкновеннымъ словомъ, связываемымъ аллитераціею съ 'arbaim *сорокъ*, служитъ существительное ha'aretz, какъ главный предметъ рѣчи, означающее *землю* вообще а съ членомъ Палестину, или *обытованную землю*. Такъ Быт. 7, 4: «чрезъ семь дней отынѣ Я повелю дождю литься на *землю* (ha'aretz) *сорокъ* ('arba'im) дней». Быт. 7. 17: «и было наводненіе *на землю* ('al ha'aretz) *сорокъ* ('arba-'im) дней». Быт. 7, 12: «тогда былъ ливень *на землю* ('el—haaretz) *сорокъ* ('arbaim) дней». Далѣе число 'arba'im служитъ средоточіемъ исторіи странствованія евреевъ по выходѣ изъ Египта, аллитеруясь то съ ha'aretz *обытованная земля*, то съ midbar *пустыня*. Числ. 14, 34: «по числу *сорока* ('arba'im) дней, въ которые вы *обозрѣвали* (tharthem) *землю* (haaretz), понесете наказаніе *сорокъ* ('arba'im) лѣтъ». Числ. 14, 33: «дѣти ваши будутъ *пастухами* (ro'im) въ *пустынѣ* (midbar) *сорокъ* ('arba'im) лѣтъ». Числ. 32, 13, Втор. 2, 7 и др. «Онъ оставилъ ихъ скитаться въ *пустынѣ* (midbar) *сорокъ* ('arba'im) лѣтъ». Исх. 16, 35. «израильтяне ѣли манну въ *пустынѣ* (midbar) *сорокъ*

www.bibleist.ru

лѣтъ ('arba'im schanah), пока не пришли въ *землю населенную* ('aretz noschabeth)». Въ разсказѣ о сорокадневномъ пребываніи Моисея на Синаѣ число 'arba'im аллитируется съ словомъ har *гора*, съ членомъ собственно гора *Синай*. Исх. 24, 18: «и былъ Моисей *на горѣ* (ha—har) сорокъ (arbaim) дней». Исх. 34, 28. Втор. 9, 9: «я оставался *на горѣ* (ha—har) *сорокъ* ('arba'im) дней». Въ историческихъ датахъ книги Судей 'arbaim также нераздѣльно отъ haaretz: и *покоилась земля* (vathischkat haaretz) *сорокъ лѣтъ* ('arba'im schanah). (Суд. 3, 11. 5, 31. 8, 28). При такомъ важномъ историческомъ значеніи числа a'rba'im, понятно, что оно могло войти въ народное употребленіе и въ качествѣ круглаго числа. 1 Цар. 19, 8 говорится, что пророкъ Илія изъ Боэръ-Шевы, города принадлежащаго іудеямъ, «шелъ *сорокъ* ('arbaim) *дней* и сорокъ (arba'im) ночей до *горы* (har) высокой *Хорива* (choreb)». Но извѣстно, что гора Хоривъ отстоитъ отъ Боэръ-Шевы не далѣе 100 верстъ, Очевидно, что это пространство слишкомъ незначительно для торопящагося путешественника (Илія бѣжалъ отъ Іезавели), чтобы на прошествіе его употребить сорокъ дней и сорокъ ночей. На выборъ числа здѣсь свободно вліяла только богатая аллитерація словъ har *гора* и choreb *Хоривъ* съ числомъ 'arba'im. Такое же значеніе имѣетъ число 'arba'im въ пророчествѣ Іезекіиля о землѣ египетской (29, 11—13):

Не будетъ ходить ('abar) по ней нога человѣчиская
И нога животнаго не будетъ проходить (thaa'bar) по ней
И не будетъ населена сорокъ ('arba'im) лѣтъ.
Я сдѣлаю землю Египетскую ('aretz Mitzraim) пустынею
Больше всѣхъ земель ('aratzoth) опустошенныхъ,
И города его (a'reha) будутъ пусты
Больше всѣхъ городовъ разоренныхъ ('arim mochoraboth),
Сорокъ ('arba'im) лѣтъ..

www.bibleist.ru

Я разгоню Египтянъ (mitzraim) между народовъ
И разсѣю ихъ по землямъ ('aratzoth).

Какъ подтверждаетъ исторія, пророкъ имѣлъ въ виду здѣсь неопредѣленно продолжительное или круглое время. Выборъ числа a'rbaim достаточно объясняется только сильными аллитераціями многихъ словъ съ звукомъ *ar* и *arb*: tha'abar, 'aretz, a'rim mitzraim и пр.—Равнымъ образомъ и въ пророчествѣ Іоны (3, 4 и дал.): «еще сорокъ дней и городъ Неневія разрушится» выборъ круглаго числа можетъ быть зависѣлъ отъ слова 'ir *городъ*, которое у Іоны означаетъ именно Неневію (1, 2. 3, 2, 3, 4. 4, 5, 11). Ср. также Іова 42, 16 и проч.

5. Вторымъ послѣ сорока, важнымъ историческимъ числомъ въ еврейской исторіи служитъ *семьдесятъ*. Мнѣніе Гезеніуса, что семьдесятъ имѣетъ въ библейской исторіи значеніе исключительно круглаго числа, не можетъ быть принято, потому что въ еврейскомъ языкѣ созвучны съ семидесятью *числа* 30, 60 и 80, и слѣдовательно одинаково могли служить для поэтическихъ цѣлей аллитераціи. Очевидно только историческія обстоятельства могли возвысить предъ другими эту цифру. Именно съ этимъ числомъ связанъ великій для народной памяти фактъ семидесятилѣтняго вавилонскаго плѣна. Эта историческая связь числа семи съ исторіею плѣна въ изображеніяхъ пророковъ закрѣплена поэтическими созвучіями; въ еврейскомъ языкѣ число семьдесятъ schib'im имѣетъ замѣчательно близкую связь съ словами schabah *плѣнъ* и schub (въ формѣ гифилъ) *возвращать изъ плѣна*. Вотъ почему продолжительность посрамленія, какое потерпѣли Іудеи въ Вавилонѣ, не могла забыться во вѣки, пока слово плѣнъ *schabah* существовало въ языкѣ. Іер. 29, 10. Ис. 23, 17.—У талмудистовъ число 70 одна изъ употребительнѣйшихъ круглыхъ величинъ.

6. Въ томъ же отношеніи какъ 70 къ 7, стоитъ 100 къ 10. Если для малыхъ круглыхъ суммъ употреблялось 10, то для

www.bibleist.ru

большихъ, при равномъ отношеніи звуковъ, служило *сто*. Такъ Быт. 26, 12: «зерно даетъ сто зеренъ». Лев. 26, 8: «сто прогоняетъ тму», и друг. Значительное употребленіе этого числа, также какъ и дѣсяти, зависитъ отъ знакомства съ десятичною системою.

7. Тоже нужно сказать и о числѣ тысяча, которое употребляется въ качествѣ круглаго числа, когда сумма предполагается весьма значительная. Напр. тысяча ('elef) лѣтъ предъ Тобою какъ день вчерашній ('ethmol) Пс. 90, 4. Ср. Іов. 9, 3. 33, 23. Исх. 30, 17. Втор. 32, 30. 1 Сам. 18, 17, Мих. 6. 5.

Числа больше тысячи въ значеніи круглыхъ не употребляются. Числа меньше пяти хотя употребляются, но очень рѣдко. Пс. 62, 12:

Богъ говорилъ однажды,
Дважды я слышалъ.

Это повтореніе двухъ числъ рядомъ *однажды* и *дважды* многимъ толкователямъ представлялось противорѣчіемъ и даже объяснялось искаженіемъ текста. Но лучшимъ оправданіемъ этого мѣста можетъ служить то, что въ нашихъ былинахъ эти же числа не разъ повторяются въ такомъ же порядкѣ объ одномъ и томъже обстоятельствѣ и употребляются потому только что они стоятъ рядомъ въ привычномъ счетѣ, какъ въ алфавитныхъ пѣсняхъ буквы повторяются въ стихахъ по привычному порядку. Въ русской народной пѣсни про взятіе Казани пушкарь, обращаясь къ царю Ивану Васильевичу съ рѣчью, говоритъ:

За *одно слово* царь нѣтъ мнѣ казни,
За *два слова* царь головы не сними.

Таковы главнѣйшія формы древнееврейской аллитераціи, въ ея развитіи отъ простѣйшихъ, едва уловляемыхъ слухомъ, созвучій до полныхъ и нарочитыхъ созвучій, прекрасныхъ и пріятныхъ

www.bibleist.ru

по своей музыкальности и вмѣстѣ практически необходимыхъ для закрѣпленія въ народной памяти вложенныхъ въ эти созвучія откровенныхъ истинъ и законныхъ предписаній, также какъ и главныхъ моментовъ исторіи. По нашему мнѣнію изученіе ветхозавѣтныхъ памятниковъ съ этой стороны обѣщаетъ быть весьма плодотворнымъ и привести къ новымъ, можетъ быть совершенно неожиданнымъ и рѣшительнымъ результатамъ въ вопросѣ о происхожденіи многихъ книгъ Ветхаго Завѣта.

А. Олесницкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РИѲМЪ И МЕТРЪ

ВЕТХОЗАВѢТНОЙ ПОЭЗІИ.

(Окончаніе).

Глава вторая.— Что такое стихотворный параллелизмъ? Несостоятельность существующихъ взглядовъ на параллелизмъ.

До сихъ поръ мы говорили объ одной вещественной сторонѣ ветхозавѣтной поэзіи. Мы видѣли, что матеріаломъ древнееврейскаго стиха служитъ повтореніе одинаковыхъ согласныхъ, начиная отъ отдѣльныхъ буквъ до цѣлыхъ словъ. Но, если аллитерація сама по себѣ можетъ увлечь слухъ, и даже мысль, игрою звуковъ и словъ; то это еще не все, что должна сдѣлать поэзія своими художественными формами. Отличительная особенность ощущеній, вызываемыхъ прекраснымъ поэтическимъ произведеніемъ, состоитъ въ томъ, что, овладѣвая человѣкомъ, онѣ электризуютъ чувство, дотого что самые внѣшніе органы и мускулы человѣка невольно отражаютъ на себѣ волнующіяся движенія, образующія пѣснь. Постоянное неразрывное соединеніе поэзіи съ музыкою показываетъ, что душею, связывающею въ одно цѣлое поэтическій матеріалъ, можетъ быть только темпъ, или тактъ, словомъ, закономѣрный ходъ звуковъ, производящій именно то обаятельное ощущеніе, которое свойственно музыкѣ. Если пляску эстетики называютъ продолженіемъ музыки, ея пластическою стороною и воплощеніемъ; то поэзія должна быть общимъ именемъ всѣхъ гармоническихъ движеній чувства, выражаются ли онѣ только въ словѣ, или съ пособіемъ музыкаль-

www.bibleist.ru

наго инструмента. Подобрать только созвучныя слова и риѳмическія окончанія еще не значитъ составить пѣснію; служа поэтическому произведенію тѣмъ, что онѣ невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя, приковывая его слухъ, эти созвучія однакожъ представляютъ нѣчто другое и даже противоположное гармоническому внутреннему движенію пѣсни. Импульсъ этой внутренней стороны поэтическаго языка въ отличіе отъ риѳма, какъ начала созвучій, мы называемъ *метромъ;* онъ состоитъ въ томъ, что отдѣльные звуки, независимо отъ ихъ звуковаго качества, группируются *по аккордамъ и тактамъ*, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по особенностямъ языка. Какъ независимый отъ внѣшнихъ звуковъ, строй движенія, метръ бываетъ очень разнообразенъ, хотя его общія основы всегда одинаковы. Въ отношеніи къ поэзіямъ древнимъ, метръ представляетъ главную трудность въ изученіи. Мы видѣли уже, сколько трудовъ въ теченіе вѣковъ употреблено было на изученіе библейскаго метра.

Въ настоящее время вопросъ о древнееврейскомъ метрѣ сводится на разъясненіе такъ называемаго библейскаго параллелизма членовъ, признаннаго единственною метрическою формою древнееврейской поэзіи. Мы высказались уже, что, по нашему мнѣнію, это опредѣленіе совершенно ложно и параллелизмъ членовъ, хотя онъ и имѣетъ опредѣленное существованіе, къ сущности поэзіи, по самой природѣ своей, вовсе не относится. Но, такъ какъ *какой-то роковой духъ заблужденія*, особенно со времени появленія обольстительныхъ изслѣдованій Евальда, совершенно необъяснимымъ образомъ утвердилъ за ходячимъ мнѣніемъ о параллелизмѣ достоинство мнимой неопровержимости; то, какъ ни излишенъ, по нашему мнѣнію, вопросъ о параллелизмѣ въ вопросѣ о поэзіи, мы должны разсмотрѣть его въ главнѣйшихъ подробностяхъ.

Прежде всего нужно сказать, что подъ древнимъ выраже-

www.bibleist.ru

ніемъ *параллелизмъ членовъ* parallelismus membrorum не всегда одно и тоже понимается изслѣдователями. Самое ходячее и самое наивное объясненіе поэтическаго параллелизма состоитъ въ слѣдующемъ (Uon der Form der hebr. Poesie. Saalschütz. 98 и дал.): «параллелизмъ есть то ближайшее, то отдаленное *родство* (Verwandschaft) въ содержаніи отдѣльныхъ строкъ или предложеній, обнаруживаемое то въ строкахъ непосредственно слѣдующихъ одна за другою, то въ смѣшанномъ порядкѣ, напримѣръ такъ, что первой строкѣ будетъ соотвѣтствовать содержаніе третьей». Просимъ читателя, забывши, что это принятое опредѣленіе древнееврейской поэзіи, сказать безъ предубѣжденія, будетъ ли какой либо элементъ поэтическій въ томъ, что строки или отдѣльныя предложенія пѣсни связаны *родствомъ?* Развѣ всякое прозаическое сочиненіе не обязано имѣть связи между своими мыслями? Хотя бы эта связь была самая тѣсная, какую только можно осуществить между человѣческими представленіями, хотя бы этими представленіями были представленія о подобныхъ треугольникахъ, исчезающихъ другъ въ другѣ, что отсюда выходитъ касательно поэтическаго метра строкъ? Когда мы пишемъ на доскѣ два треугольника совершенно подобныхъ и опредѣляемъ тожественно ихъ свойства; то неужели въ ихъ отношеніяхъ между собою мы подразумѣваемъ что-нибудь поэтическое? Очевидно, что это плоское опредѣленіе не имѣетъ въ виду сущности поэзіи и указываетъ механически однѣ грамматическія отношенія между отдѣльными предложеніями.

Между тѣмъ, по другому объясненію параллелизма, этого *родства* между членами вовсе нѣтъ. По объясненію Ловта (Praelect. XIX), къ которому склоняется и Бликъ (Bleek, Einleitung, 83), параллелизмъ вышелъ изъ первоначальной неумѣлости человѣческаго слова овладѣвать мыслію, вслѣдствіе которой человѣкъ говорилъ *разбросанными* предложеніями, не имѣющими между собою внутреннихъ отношеній и связи, но однакожъ параллель-

www.bibleist.ru

ными съ внѣшней стороны, потому что всѣ онѣ стремились овладѣть одною и тою же мыслію; чѣмъ важнѣе была мысль и, слѣдовательно, чѣмъ труднѣе было овладѣть ею посредствомъ слова, тѣмъ болѣе ставилось параллельныхъ членовъ, прежде чѣмъ мысль казалась болѣе или менѣе удовлетворительно высказанною. Противъ этого мнѣнія, mutando mutandis, нужно сказать тоже, что мы замѣтили противъ перваго. Если всякое сочиненіе необходимо должно имѣть тѣсную связь между своими частями; то разбросанныя предложенія, сколько бы ихъ ни нанизывали въ стихъ, не имѣя между собою органической связи, не представляютъ цѣлаго и не могутъ назваться даже вообще сочиненіемъ. Положимъ, что человѣкъ можетъ выяснять себѣ мысль болѣе и болѣе и переходитъ отъ однихъ опредѣленій ея къ другимъ, но чтобы въ одинъ и тотъ же моментъ, объ одномъ и томъ же предметѣ, многія опредѣленія могли опережать другъ друга, нисколько не перевѣшивая себя взаимно и чтобы одно внѣположеніе ихъ другъ подлѣ друга могло быть предметомъ особенной заботливости писателя, этого не возможно и представить. А какимъ образомъ этотъ недостатокъ человѣческаго слова, первоначальная безформенность рѣчи, могла сдѣлаться прекрасною поэтическою формою, ни Ловтъ, ни Бликъ не объясняютъ. Какъ ни свободны и просты должны были быть условія древнѣйшихъ поэтическихъ произведеній, но они не могли заключиться въ такую прозаическую, и притомъ случайную и чуждую положительныхъ началъ область подобнымъ образомъ понятаго параллелизма.

Болѣе серіозное и научное основаніе представляетъ, по видимому, указанное Леемъ, объясненіе параллелизма изъ началъ аллитераціи. «Подобно тому, какъ повтореніе буквъ, учащаясь болѣе и болѣе, перешло въ повтореніе цѣлыхъ словъ, съ теченіемъ времени, при дальнѣйшемъ интеллектуальномъ развитіи, повтореніе словъ замѣнилось повтореніемъ мыслей, потому что, съ усиленіемъ интереса въ мысли, фонетическій элементъ пере-

www.bibleist.ru

сталъ обращать на себя вниманіе и постепенно затерся мыслію.»
«Что параллелизмъ представляетъ изъ себя дальнѣйшую фазу развитія аллитераціи, говоритъ Лей (Hebr. Poesie 16), это достаточно видно уже изъ того, что древняя эпическая (?) библейская поэзія не заключаетъ въ себѣ параллелизма, а только метрическую форму аллитераціи».—Эта матеріалистическая теорія Лея основывается на невѣрно поставленномъ отношеніи между звукомъ и мыслію. Человѣческій звукъ всегда проникнутъ мыслію; тѣмъ болѣе музыкальный звукъ не можетъ быть противополагаемъ мысли и чувству; повтореніе звуковъ безъ всякой мысли на простомъ языкѣ будетъ означать крикъ, *шумъ*, а не музыку и гармонію. И наоборотъ, мысль, разсматриваемая отдѣльно отъ всякаго звука, есть нѣчто совершенно неуловимое и не можетъ быть предметомъ разсмотрѣнія. Такимъ образомъ, если не справедливо Гердеръ (Geist der hebr. Poesie 273) выводилъ аллитерацію изъ параллелизма; то не менѣе несправедливо Лей ставитъ параллелизмъ мысли въ полную зависимость отъ аллитераціи. Даже скорѣе могъ бы быть правъ Гердеръ, чѣмъ Лей, потому что мысль, при всякомъ представленіи ея, всегда является первичною творческою силою, на помощь которой, въ моментъ ея образованія въ душѣ, природа даетъ звуковое выраженіе безъ котораго, какъ говоритъ Миллеръ (Лекціи по наукѣ о языкѣ, 295), «никакая сущность не существуетъ, потому что все звучитъ своимъ звукомъ, звучитъ золото, дерево, камень; ничтожная пылинка имѣетъ свой звукъ, хотя не ощутительный для грубаго уха; всякое малѣйшее явленіе сопровождается звукомъ, какъ въ области природы, такъ и въ области мысли». И вообще нелѣпо отодвигать къ одному концу исторіи человѣческой поэзіи одинъ звукъ, а къ другому занятіе мыслію безъ вниманія къ звуку, тѣмъ болѣе, что это противно исторіи; параллелизмъ, вопреки заявленію Лея, полнѣе именно въ древнѣйшихъ пѣсняхъ и съ теченіемъ времени ослабѣваетъ, такъ что въ тѣхъ библейскихъ книгахъ, гдѣ нѣтъ ал-

www.bibleist.ru

литераціи, весьма мало и параллелизма.—Но, если бы даже Лей былъ правъ, что параллелизмъ вышелъ изъ аллитераціи, рѣшается ли этимъ гордіевъ узелъ параллелизма, какъ метрической формы? Чтобы созвучія аллитераціи могли перейти на параллелизмъ, нужно допустить, что параллельныя предложенія выражены одними и тѣми же звуками; но, въ такомъ случаѣ, вся музыкальность будетъ на сторонѣ звука, который могъ бы дать гармонію и безъ параллелизма. А если представить, что повтореніе словъ, переходя въ повтореніе мыслей, сбрасываетъ свои послѣднія созвучія и поэтъ устремляется исключительно къ созерцанію мысли; то, хотя всегда мысль будетъ имѣть звукъ, но, такъ какъ этотъ звукъ здѣсь предоставленъ случаю и не входитъ въ соображенія пѣвца, то спрашивается: какъ уловить здѣсь музыкальность, потому что мысль и вообще существуетъ только въ звуковой оболочкѣ и свою гармонію можетъ обнаруживать только въ предѣлахъ звука.

Подобно тому какъ взглядъ Ловта о безформенности первобытной человѣческой рѣчи, какъ основаніи параллелизма, имѣетъ свою противоположность въ болѣе распространенномъ взглядѣ на параллелизмъ, скрѣпляемый родствомъ членовъ, и матеріализація библейскаго параллелизма у Лея была вызвана крайнимъ одухотвореніемъ метрическихъ формъ ветхозавѣтной поэзіи, перенесеніемъ ихъ изъ чувственной области вещественнаго метра въ сверхъ-чувственную область ритма мысли. Это восхожденіе отъ плоти къ духу, отъ подлежащихъ числу и мѣрѣ звуковъ къ беззвучной метрикѣ мысли утверждено, съ замѣчательною энергіею, богатствомъ и силою мысли, *Евальдомъ*, этимъ вождемъ новѣйшей библейской нѣмецкой критики, и признано послѣднимъ словомъ науки.

Если въ обыкновенной, прозаической рѣчи, говоритъ Евальдъ, соединеніе и связь словъ, составныя части въ предложеніи и цѣлой рѣчи, могутъ стоять случайно, на всякомъ мѣстѣ, безъ какого-либо

www.bibleist.ru

опредѣленнаго внѣшняго закона и порядка; то поэтическая рѣчь требуетъ закономѣрности и строгаго *порядка*. Этотъ порядокъ размѣщенія звуковъ необходимъ потому, что иначе стремительность словъ, образовъ, преставленій, вообще чувства, глубоко потрясеннаго у поэта, своимъ безмѣрнымъ содержаніемъ могла бы подавить слово поэта, или по крайней мѣрѣ вылиться въ безвидныя очертанія, дикія и безобразныя. Основаніе порядка въ движеніи поэтической рѣчи человѣкъ носитъ въ своей собственной груди. Потокъ звуковъ и словъ не можетъ течь изъ груди человѣка непрерывно, но долженъ подчиняться закону человѣческаго дыханія, дѣлающаго промежутки вдыханія и выдыханія воздуха. Вѣчный, естественный ритмъ прилива и отлива воздуха въ грудь есть глубочайшее основаніе всякихъ поэтическихъ движеній. Вмѣстѣ съ теченіемъ воздуха изъ груди, слова могутъ вырываться съ крайнею энергіею и стремительностію, но въ моментъ когда кончается отливъ воздуха изъ груди и воздушная волна возвращается въ нѣдра человѣка, прерывается потокъ словъ и человѣкъ дѣлается на мгновеніе безсильнымъ къ выраженію своего напряженнаго чувства. Такимъ образомъ поэтическій метръ будетъ состоять въ правильномъ ходѣ вдыханій и выдыханій голоса, приливовъ и отливовъ, повышеній и пониженій.

Но, такъ какъ движущеюся и волнующеюся силою здѣсь во всякомъ случаѣ является мысль, прочувствованная поэтомъ, то никакое метрическое вдыханіе и выдыханіе звуковъ не можетъ отстраняться отъ ясности и свѣта мысли, какъ это могло бы случиться въ томъ случаѣ, если бы выдыханіе звуковъ прекратилось, прежде чѣмъ мысль была высказана сполна, причемъ кругъ звуковъ даннаго выдыханія, взятый самъ по себѣ, представлялъбы темную и несуществующую для сознанія массу. Такимъ образомъ метрическое выдыханіе или поднятіе должно заключать въ себѣ *полное* предложеніе. Но, такъ какъ въ моментъ поэтическаго творчества, при напряженіи чувства, быва-

www.bibleist.ru

ютъ усиленныя, а потому быстрѣйшія и кратчайшія выдыханія воздуха и связанныя съ ними поднятія звуковъ, то и поэтическія предложенія должны быть кратки. Вмѣсто свободной и ровной прозаической рѣчи въ періодахъ, поэтическая рѣчь сокращаетъ мысль въ моментальные *скачки*, поднимающіеся быстрымъ налетомъ мысли, имѣющей однакожъ всегда полный аккордъ, т. е. три главныя части предложенія, подлежащее, сказуемое и ихъ связь. Напримѣръ въ пѣсни Девворы первое поднятіе звуковъ читается такъ:

Мщеніемъ возгорѣли вожди израиля.

Хотя въ этихъ словахъ все содержаніе еще не высказано, но тѣмъ не менѣе взятый здѣсь аккордъ мысли имѣетъ опредѣленный характеръ. На основаніи его можно судить уже о всей дальнѣйшей пѣсни; именно, имъ можно измѣрить степень напряженности поэтическаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ понять сущность и мотивъ его содержанія.

Такимъ образомъ поставленный первый шагъ поэтическаго движенія въ поднятомъ предложеніи не можетъ стоять уединенно, какъ не можетъ быть мыслимъ самостоятельно актъ одного выдыханія. Точно также не возможно, чтобы непосредственно за первымъ поднятымъ предложеніемъ явилось такое же трудно выдыхаемое второе, какъ не возможны изъ груди два сряду отлива воздуха. Одно, что возможно послѣ такого повышенія, это ниспаденіе звука, т. е. слабое и легкое предложеніе. Въ отношеніи къ звуку оно можетъ быть то короче то длиннѣе перваго, но во всякомъ случаѣ будетъ слабѣе его и должно произноситься спокойнымъ и пониженнымъ голосомъ. По отношенію къ мысли, оно *не должно заключать новаго момента*, потому что при полномъ соотвѣтствіи между мыслію и звукомъ, всякій новый элементъ въ мысли долженъ вызывать поднятіе звука и не совмѣстимъ съ ослабленіемъ въ звукѣ; приливъ въ мысли немед-

www.bibleist.ru

ленно возбуждаетъ отливъ въ дыханіи или поднятіе голоса. Такимъ образомъ, послѣ поднятаго поэтическаго предложенія можетъ стоять только его *повтореніе*, которое, какъ такое, уже не даетъ новыхъ рефлексивныхъ движеній и произносится спокойно.

Взятыя вмѣстѣ, повышеніе и пониженіе даютъ полное цѣлое, *ритмъ мысли*, замкнутый въ себѣ закономъ физически-психической необходимости. Каждый изъ членовъ имѣетъ полное поэтическое значеніе только при другомъ, потому что повышенія и пониженія могутъ быть различны и взаимно опредѣляются. Такимъ образомъ глубокое пониженіе, поставленное послѣ незначительнаго поднятія было бы неестественно и наоборотъ. Но самыя высокія поднятія и потому самыя глубокія пониженія представляютъ лирическія изліянія. Когда, напримѣръ, поэтъ начинаетъ надгробную пѣснь, то при этомъ накипѣвшая въ душѣ боль необходимо прорвется сразу въ высшей степени открыто и напряженно; оттого члены поэтическаго метра будутъ стоять здѣсь въ какомъ-то обрывочномъ по видимому отношеніи, хотя именно эта обрывочность и видимая отдаленность ихъ другъ отъ друга, на самомъ дѣлѣ, служитъ ихъ лучшею связію. Напримѣръ, Давидъ одну изъ своихъ элегій начинаетъ:

Каменный таранъ, израиль, погибъ на высотахъ твоихъ..
О, пали герои!...

Чтобы всѣ слова первой строки обнять однимъ выдыханіемъ требуется здѣсь очень быстрое произношеніе ея; наоборотъ вторая строка, чтобы представить соотвѣтствующее мѣсту пониженіе должна быть медленною и спокойною, съ чѣмъ согласна и ея краткость.

Опущенная внизъ во второмъ членѣ мысль снова должна подняться далѣе съ новымъ дальнѣйшимъ выдыханіемъ, чтобы снова опуститься и т. д. Такимъ образомъ, указанный метръ повышенія и пониженія мысли долженъ пройти чрезъ всю пѣсню, выдержи-

www.bibleist.ru

вая свой первоначальный характеръ. Болѣе или менѣе быстрыми скачками мысль дѣлаетъ свой *танцъ*, пока не истощится вся возбуждающая сила мысли въ душѣ поэта. Такъ отразился, говоритъ Евальдъ, въ поэзіи древнихъ евреевъ метръ, этотъ могущественный пульсъ всякой истинной мысли, изначала движущій и радующій человѣчество, которое носитъ его въ себѣ, какъ начало жизни физической и интеллектуальной.

Эти основанія, предложенныя Евальдомъ для объясненія параллелизма, какъ онѣ ни высоко стоятъ въ сравненіи съ выше приведенными теоріями, падаютъ при ближайшемъ и точномъ разсмотрѣніи. Евальдъ смѣшалъ требованія ораторскаго искусства съ условіями поэтическаго творчества. Повышенія и пониженія голоса необходимы при чтеніи всякаго сочиненія; но особенную заботливость въ отношеніи къ нимъ всегда выказывали древніе ораторы. Для нихъ необходимо было обдѣлывать предложенія такъ, чтобы слушающая толпа ни на мгновеніе не выходила изъ подъ обаянія говорящаго; для этого прежде всего нужно было, чтобы ораторъ не остановился среди предложенія. Бывали случаи, что не ловко остановившійся среди предложенія ораторъ прогонялся съ трибуны. Далѣе, такъ какъ въ рѣчи существуютъ первостепенныя и второстепенныя части, и такъ какъ, дѣйствительно, держать голосъ на одной высотѣ человѣкъ не можетъ; то ораторы имѣли обычай равномѣрными повышеніями и пониженіями опредѣлять для слушателей ходъ своей рѣчи. Это наглядно можно видѣть въ построеніи латинскаго ораторскаго періода. Первая часть его всегда имѣетъ второстепенное значеніе, бываетъ обширна и потому самому произносится быстро; напротивъ вторая часть, содержащая сущность дѣла и потому выраженная по возможности кратко, все болѣе и болѣе замедляется по направленію къ концу, такъ что послѣднее слово періода—глаголъ правящій всѣмъ періодомъ, произносится возможно спокойнымъ и важнымъ тономъ власти и достоинства.

www.bibleist.ru

Сосредоточивая въ себѣ всю сущность рѣчи, вторая часть такъ или иначе *повторяла* первую, или отражала ее въ своемъ содержаніи, такъ что слушатель, проронившій даже быструю первую часть періода, могъ удовлетвориться заключительнымъ членомъ. Эти только общія требованія ораторскаго искусства Евальдъ прилагаетъ къ ветхозавѣтной поэзіи. Своею теоріею древнееврейскаго стиха Евальдъ въ одно время сказалъ и слишкомъ много и слишкомъ мало. Простому лирическому пѣвцу, вовсе не расчитывающему на толпу слушателей, но безхитростно погруженному въ святилище свыше вызваннаго въ немъ чувства, Евальдъ навязываетъ ораторскую декорацію въ широтѣ и краткости предложеній, повышеній и пониженій голоса; очевидно это слишкомъ много. Съ другой стороны, ограничивъ условія поэтическаго произведенія одними обыкновенными, хотя и составляющими переходъ отъ прозы къ поэзіи, ораторскими пріемами, Евальдъ унизилъ поэтическій языкъ Ветхаго Завѣта, сказалъ слишкомъ мало. Нужды нѣтъ, что Евальдъ настаиваетъ на естественности и осязательной важности выведенныхъ имъ основаній, кроющихся въ самой физической природѣ человѣка. Во всякомъ случаѣ ходъ рѣчи, построенной по его теоріи, съ правомъ пожалуй можетъ называться *естественнымъ ораторствомъ*, но не пѣснію.

Сущность ветхозавѣтной пѣсни состоитъ въ томъ, какъ опредѣляетъ самъ Евальдъ въ другомъ случаѣ, что мысль или чувство получаетъ гармоническую оболочку и поется подъ аккомпаниментъ (отсюда самое названіе *лирики*). Хотя проникнувшая поэта мысль во многихъ случаяхъ достигаетъ значительной напряженности, но вообще нельзя сказать, чтобы внутреннимъ началомъ библейской пѣсни служило состояніе близкаго къ изступленію порыва. Самъ Евальдъ не много указываетъ подобныхъ пѣсней въ Библіи, а большинство поэтическихъ произведеній Ветхаго Завѣта причисляетъ къ спокойнымъ и ровнымъ. Если же такимъ образомъ поэту нѣтъ необходимости бросать

www.bibleist.ru

свою мысль скачками и натуживать, то установленное Евальдомъ отношеніе между повышеніями и пониженіями колеблется и получаетъ случайный характеръ. Мы ниже озаботимся доказать примѣромъ, что даже приведенные Евальдомъ образцы представляютъ больше призрачныя, чѣмъ дѣйствительныя повышенія и пониженія мысли. Теперь мы спросили бы у Евальда, какимъ образомъ мысль какъ мысль, какъ голое предложеніе, онъ могъ бы поднять и опустить, чтобы это не зависѣло, какъ онъ предполагаетъ, отъ такаго или другаго ея выраженія? Въ сущности онъ доказываетъ поднятіе и пониженіе голоса, слѣдовательно звуковую оболочку мысли, опредѣляющую наглядное отличіе всякой поэзіи; какимъ же образомъ можетъ выйти отсюда не риѳмъ звуковъ, а беззвучный *риѳмъ мысли*. Положимъ, что Евальдъ имѣлъ въ виду случаи видимаго повторенія мысли въ двухъ различныхъ частяхъ стиха. Но что обусловливаетъ такое повтореніе? Можно ли указать какое-либо внутреннее отношеніе между напряженностію чувства поэта и порывистостію вдыханій и выдыханій съ одной стороны и повтореніемъ предложеній съ другой?. Можно ли сказать, что чѣмъ быстрѣе слѣдуютъ другъ за другомъ вдыханіе и выдыханіе, тѣмъ болѣе между собою онѣ будутъ близки по содержанію, или наоборотъ, что содержаніе будетъ тѣмъ ближе, чѣмъ спокойнѣе вдыханія и выдыханія, и, слѣдовательно, чѣмъ меньше напряженность чувства? Предполагаемъ первое, что отношеніе между параллельными подобными членами увеличивается прогрессивно напряженію чувства. Идя послѣдовательно, мы должны представить здѣсь случай самаго крайняго и усиленнаго напряженія чувства, требующій *абсолютнаго сходства* въ содержаніи параллельныхъ членовъ. Но это абсолютное сходство двухъ мыслей, соотвѣтствующихъ вдыханію и выдыханію, уничтожаетъ всякое отношеніе между повышеніемъ и пониженіемъ, потому что, если ихъ мысль сходна въ точности, то слѣдовательно ихъ можно *поставить одно на мѣсто*

www.bibleist.ru

другаго, въ какомъ случаѣ ни повышенія ни пониженія на самомъ дѣлѣ не будетъ. Беремъ второе предположеніе: чѣмъ спокойнѣе поэтическое чувство, тѣмъ ближе между собою параллельные члены по содержанію. Слѣдуя тѣмъ же путемъ доказательства, предположимъ безконечно малую напряженность чувства и совершеннѣйшее спокойствіе въ поэтѣ; въ такомъ случаѣ выраженія параллельныхъ мыслей будутъ въ возможной степени тожественны, слѣдовательно опять повышеніе можетъ быть поставлено на мѣстѣ пониженія, пониженіе на мѣстѣ повышенія, т. е. не будетъ ни того ни другаго. Далѣе, такъ какъ основное начало поэтическаго творчества, по опредѣленію Евальда, есть напряженность чувства; то съ упадкомъ этой послѣдней рѣчь теряетъ свою поэтическую силу и приближается къ прозѣ. Такимъ образомъ выйдетъ, что поэтическій параллелизмъ, находящій свои полныя созвучія въ состояніи спокойнаго чувства, принадлежитъ собственно прозѣ, а не поэзіи, или и той и другой, т. е. что a не равно a, или же что a равно и не равно a. И такъ очевидно, что вдыханіе и выдыханіе предложеній и сходство предложеній по содержанію у Евальда связаны насильственно. Вдыханія и выдыханія параллельныхъ членовъ, какъ мы сказали, взяты Евальдомъ изъ теоріи ораторской декламаціи, а пріемъ мысли въ повтореніи членовъ заимствованъ у прежнихъ поборниковъ поэтическаго параллелизма. На самомъ дѣлѣ повтореніе мыслей въ рѣчи вовсе не зависитъ отъ случайнаго расположенія духа, возбужденности и энергіи чувства, ни положительнымъ ни отрицательнымъ образомъ. Много можно бы указать свидѣтельствъ на это изъ исторіи поэзіи. Ограничимся на этотъ разъ замѣчаніемъ, что изъ нашихъ поэтовъ Жуковскій часто употребляетъ параллельные члены какъ въ спокойныхъ, такъ и въ глубоко потрясающихъ пѣсняхъ, напротивъ Пушкинъ и Лермонтовъ не знаютъ параллелизма, хотя въ ихъ стихотвореніяхъ можно найти самыя разнообразныя степени поэтическаго вдохновенія.

www.bibleist.ru

Можно ли, далѣе, самый метръ понимать въ той формѣ, какую предлагаетъ Евальдъ? Параллельные члены у Евальда представляютъ собою соединеніе движенія и покоя; чѣмъ больше движенія въ первомъ членѣ, тѣмъ болѣе во второмъ мысль и звукъ возвращаются къ своему покою, zu seiner ruhe zurückbewegen. Такимъ образомъ метръ у Евальда есть извѣстное гармоническое отношеніе между *движеніемъ* и *покоемъ*. Хотя то и другой имѣютъ степени; но, принимая теорію Евальда, мы вольны представить такое напряженіе движенія, которому долженъ соотвѣтствовать самый глубокій покой. Но, спрашивается, могутъ ли въ точномъ смыслѣ понятыя, движеніе и покой давать какой-либо метръ въ поэтическомъ движеніи? Если члены стиха должны гармонически уравновѣшивать другъ друга, то какимъ образомъ движеніе, какъ сила, можетъ уравновѣшиваться покоемъ т. е. отсутствіемъ силы? Какія можно подставить отношенія, въ которыхъ единица была бы равна нолю? Если говорится въ другихъ просодіяхъ, что долгая и короткая гласная въ извѣстномъ соединеніи образуютъ метръ, то долгота и краткость вовсе не стоятъ между собою въ отношеніяхъ движенія и покоя. Если долгая гласная требуетъ напряженія звука, чтобы растянуть ея произношеніе; то короткая требуетъ подобнаго же напряженія, чтобы быстрѣе ее выговорить, и гдѣ напряженіе въ произношеніи короткой не равняется напряженію произношенія долгой, тамъ короткой является на помощь въ стопѣ другая короткая. Такимъ образомъ въ соединеніи долгихъ и короткихъ имѣется въ виду не движеніе и покой, или сила и ея отрицаніе, а двѣ равныя, но разновидныя силы, гармонически взаимно уравновѣшивающія себя. Этимъ только можно объяснить такія соединенія звуковъ, какія представляютъ: pyrrhichius, состоящій изъ обоихъ короткихъ гласныхъ, spondeus, состоящій изъ обоихъ долгихъ, tribrachus изъ трехъ короткихъ, proceleusmaticus изъ четырехъ короткихъ, molossus изъ трехъ долгихъ, dispondeus изъ четырехъ долгихъ. Такъ какъ, по теоріи поэтическаго параллелизма, два

www.bibleist.ru

соединяемыя предложенія соотвѣтствуютъ соединенію долгихъ и короткихъ въ другихъ поэзіяхъ, то отношеніе между ними также можетъ быть только отношеніемъ двухъ сталкивающихся и соизмѣримыхъ силъ, И точно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, въ каждомъ изъ параллельныхъ членовъ найдется свой элементъ и движенія и покоя; мысль каждаго члена всегда заключаетъ въ себѣ одновременно и повышеніе, т. е. что либо такое, чего нѣтъ въ другомъ членѣ и пониженіе, т. е. отсутствіе чего либо изъ того, что есть въ другомъ, и потому указанное Евальдомъ отношеніе между членами de facto не выполняется, такъ что читатель напрасно будетъ ломать себѣ голову соображеніями, почему такая то мысль есть повышеніе, а такая то, не менѣе полновѣсная, есть пониженіе.

Обращаемся къ тѣмъ самымъ примѣрамъ, которые выбралъ для себя Евальдъ. Пѣснь Давида на смерть Саула и Іонаѳана 2 Сам. 1, 19 и дал.

ст. 19. Краса твоя израиль погибла на холмахъ твоихъ,
О, какъ пали сильные!..

Хотя второй членъ здѣсь короче перваго, но ни въ мысли, ни въ ея выраженіи онъ не представляетъ пониженія въ отношеніи къ первому; напротивъ первый членъ, заключающій въ себѣ метафору, ниже втораго, положительно высказывающаго основную мысль всей пѣсни. Точно также въ отношеніи къ выраженію второй членъ не ниже перваго: одна частица *ек о какъ*, составляющая главную принадлежность элегій и стоящая здѣсь въ началѣ второй строки, не позволяетъ признать въ ней пониженіе. Что дѣйствительно здѣсь второй членъ не только не ниже перваго, но есть именно самый выдающійся стихъ въ цѣлой пѣсни и по мысли и по выраженію, это видно изъ того, что онъ повторяется въ пѣсни еще два раза (ст. 25 и 27). Хотя при этомъ однажды и часть перваго члена повторяется (25 ст.), но

www.bibleist.ru

уже на второмъ мѣстѣ, тогда какъ второй членъ: «о, какъ пали герои» въ двухъ своихъ повтореніяхъ въ пѣсни стоитъ на мѣстѣ повышенія. Далѣе

ст. 20. Не разказывайте въ Гаѳѣ, не оповѣщайте на улицахъ Аскалона,
Чтобы не радовались дочери Филистимлянъ, что бы не ликовали дочери необрѣзанныхъ.

Конечно, имѣя предзанятый взглядъ, можно при чтеніи понизить второй членъ, но въ сущности содержанія къ этому нѣтъ повода. Напротивъ частица *реп чтобы не*, стоящая предъ второю частію стиха показываетъ, что первая есть только одно изъ условій второй.

ст. 21. Горы Гилбоа! ни росы ни дождя на васъ,
Потому что тамъ поверженъ щитъ сильныхъ.

Здѣсь дѣйствительно первая часть имѣетъ большую напряженность, но ея мысль случайна, тогда какъ второй членъ заключаетъ рѣчь о герояхъ пѣсни. —Точно также всѣ дальнѣйшіе стихи пѣсни только крайній схоластикъ можетъ раздѣлить по повышеніямъ и пониженіямъ мысли. Нужно замѣтить при этомъ, что это первый у Евальда примѣръ и притомъ элегической пѣсни, долженствующей заключать въ себѣ самыя точныя различія повышеній и пониженій. Второй примѣръ, приводимый Евальдомъ въ его общемъ введеніи: (Суд. 5) пѣснь Девворы, по взгляду самаго автора, не долженъ имѣть такихъ ясныхъ повышеній и пониженій. Замѣчательно, что изъ обѣихъ этихъ пѣсней Евальдъ приводитъ только по одному первому стиху, очевидно не видя возможности провести свой взглядъ чрезъ всю пѣснь.

Итакъ Евальдъ: 1) несправедливо смѣшалъ единицу ораторскаго движенія рѣчи (предложеніе) съ единицею, опредѣляющею моменты поэтическаго движенія. Евальдъ забылъ, что пѣсня не произносится, а поется, и что пропѣть цѣлое предложеніе за од-

www.bibleist.ru

нимъ выдыханіемъ воздуха не возможно, да и не нужно, потому что поэтъ имѣетъ въ виду только себя, а не слушателей и, слѣдовательно, предложеніе, высказанное не въ одинъ, а въ нѣсколько моментовъ, ничего не теряетъ. 2) Евальдъ напрасно искалъ метра въ соединеніи противоположностей движенія и покоя, какъ будто покой есть что-либо положительное и какъ будто можетъ быть какая нибудь равнодѣйствующая между движеніемъ (толчкомъ) и покоемъ (отсутствіемъ толчка). Если въ музыкѣ существуютъ интервалы, то сами по себѣ они ничто, и могутъ быть мыслимы только какъ извѣстное отношеніе между двумя положительными тонами. 3) Наконецъ третья ошибка Евальда состоитъ въ томъ, что параллелизмъ членовъ стиха, или повтореніе предложеній, онъ призналъ сцѣпленіемъ своихъ ораторскихъ строкъ по метру движенія и покоя.

Имѣя въ виду эти соображенія, послѣдуемъ теперь за Евальдомъ далѣе въ его раздѣленіе параллелизма на отдѣльные виды.

Характеръ и способъ, по которому расчленяются мысли, повторяясь въ различныхъ частяхъ стиха, можетъ быть разнообразенъ и представляетъ различныя степени созвучія: 1) Самый сильный и прекрасный метръ бываетъ въ томъ случаѣ, когда мысль находитъ полное отзвучіе во второмъ членѣ, т. е. когда вполнѣ повторяется предложеніе, wiederhall des ganzen satzes. Здѣсь не имѣетъ мѣста тавтологія, или повтореніе словъ, но метръ держится только въ области мысли. Такимъ образомъ, гдѣ въ прозѣ два предмета стоятъ одинъ при другомъ, какъ два подлежащихъ, здѣсь для каждаго изъ нихъ отдѣляется особенное предложеніе. Напр. Притч. 1, 10.

Слушай, сынъ мой, наставленія отца твоего
И не отвергай назиданія матери твоей.

Въ прозѣ подлежащія: отецъ и мать короче были бы названы въ одномъ предложеніи. Притч. 1, 8; 4. 3; 10, 1. Такъ

www.bibleist.ru

какъ членъ пониженія долженъ быть слабѣе и мягче повышенія, то часто важнѣйшее слово перваго члена, особенно стоящее въ началѣ, опускается во второмъ членѣ, или наоборотъ опускаются придаточныя предложенія, а повторяются только главныя части рѣчи. Напримѣръ:

Чего бояться мнѣ когда господствуетъ нечестивый,
Когда неправедные гонители окружаютъ меня.

Или наоборотъ:

Кто опредѣлилъ размѣры земли, если бы ты зналъ,
Или кто провелъ по ней вервь измѣренія?

Пс. 49, 6. Іов. 38, 5. Притч. 1, 3. 4, 13. 9, 4. Въ подобныхъ случаяхъ для предотвращенія скучнаго однообразія въ повтореніи мысли употребляются внѣшнія оттѣнки различій, изъ которыхъ прекраснѣйшимъ нужно назвать перемѣну аористовъ въ двухъ параллельныхъ членахъ.

2) Противоположность этому роду метра представляетъ другой тяжелый метръ, въ которомъ предложеніе, будучи слишкомъ длиннымъ для одного члена, распадается на два члена, такъ что полная мысль дается только совокупностію обоихъ членовъ. Напримѣръ:

Пс. 110, 5. Іегова, по своему правосудію,
Сокрушилъ, въ день гнѣва Своего, царей.

Пс. 48, 8. Вѣтромъ восточнымъ
Ты сломалъ корабли Ѳарсисскіе.

Притч. 24, 26. Уста цѣлуетъ
Кто правильный отвѣтъ даетъ.

Если въ перваго рода параллелизмѣ дается, при каждомъ новомъ членѣ, полувозвратъ (ein halber rückschritt) назадъ, чтобы то, что уже высказано одинъ разъ, выдвинуть снова и тѣмъ

www.bibleist.ru

плотнѣе связать между собою отдѣльные члены; то здѣсь каждая строка есть шагъ впередъ (Fortschritt zum weitern). Но такъ какъ такой метръ, собственно говоря, отнимаетъ правильную пульсацію или танцъ членовъ стиха (den Tanz der Versglider), и такимъ образомъ убиваетъ самую жизнь стиха; то это тяжелое созвучіе допускается только изрѣдка и не можетъ быть господствующимъ въ пѣсни. Между тѣмъ и само оно получаетъ нѣкоторую жизненность, если какой нибудь оттѣнокъ мысли перваго члена слегка возбуждается во второмъ. Напр.

Пс. 17, 4. Мірскія дѣла... нѣтъ, словомъ устъ Твоихъ
Я избѣгу путей варварскихъ.

3) Если наконецъ представляются два предложенія, не повторяющія другъ друга и не продолжающія непосредственно, но равно самостоятельныя, дающія высшій смыслъ своимъ соединеніемъ, будь это въ формѣ предъидущаго и послѣдующаго, т. е. такимъ образомъ, что одно служитъ противоположеніемъ, сравненіемъ, вообще основаніемъ другому, или даже безъ внѣшней связи между ними, если только онѣ стоятъ одно за другимъ, образуя цѣлое посредствомъ общаго хода мысли; то отсюда происходитъ спокойный, но сильный метръ, стоящій на срединѣ между двумя первыми родами, который потому можно назвать *среднимъ* метромъ. Напримѣръ:

Притч. 14, 30. Сердце тихое есть жизнь тѣла,
А злоба—это костоѣда въ костяхъ.

Притч. 11, 22. Что золотое кольцо въ носу свиньи,
То женщина красивая, и безпутная.

Іов. 22, 12. Вотъ Богъ на высотѣ небесъ,
И посмотри вверхъ на звѣзды, какъ онѣ высоко.

www.bibleist.ru

Этотъ метръ бываетъ еще прекраснѣе, если онъ разщепляется на двое внутри втораго члена. Такъ:

Притч. 24, 24. Кто говоритъ беззаконному: ты правъ,
Опозоратъ того народы, проклянутъ племена.

Иногда, вмѣстѣ съ пониженіемъ, и повышеніе раздѣляется на двое. Напримѣръ:

Пс. 18, 42. Они кричатъ... но нѣтъ спасителя,
Къ Іеговѣ... но Онъ не отвѣчаетъ имъ.

Созвучіе усиливается если, при этомъ, одинъ изъ элементовъ перваго члена повторяется во второмъ. Такъ:

Пс. 21, 14. Возстань, Іегова, въ силѣ Твоей!
Мы поемъ и славимъ могущество Твое.

По такимъ законамъ развывается нить мыслей и словъ внутри стиха! При этомъ, если мысль распространяется въ широкій кругъ и состоитъ изъ многихъ членовъ, то въ заключеніи послѣдняго члена, послѣ многихъ перемѣнъ въ мысли, дѣлается возвращеніе къ началу. Это одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ метра. Напр.

2 Сам. 1, 22. Отъ крови раненныхъ, отъ тука воиновъ,
Не возвращался лукъ Іонаѳана,
Мечь Саула не отступалъ отъ нихъ.

Такимъ образомъ Евальдъ признаетъ три вида метра параллельныхъ членовъ: 1) Метръ повторенія одной мысли въ двухъ предложеніяхъ. 2) Метръ, въ которомъ два члена даютъ двѣ мысли различнаго, какого бы ни было содержанія; подъ опредѣленіе этого *средняго* метра у Евальда подходятъ всѣ періоды и всякія простыя предложенія, въ какой бы то ни было связи слѣдующія одно за другимъ. 3) Метръ тупой, въ которомъ одно предложеніе раздѣляется на части. Хотя Евальдъ, при опредѣле-

www.bibleist.ru

нія средняго и тупаго метра, старается найти случаи нѣкотораго побочнаго повторенія, но въ сущности повтореніе членовъ принадлежитъ только одному первому виду параллелизма. Такимъ образомъ Евальдъ дѣлаетъ здѣсь первый видимый шагъ назадъ отъ своего общаго опредѣленія, что повышенія и пониженія обращаются всегда около повторенія одной мысли. Какимъ образомъ, по разсматриваемой нами теоріи, возможенъ метръ, названный у Евальда среднимъ, допускающій сцѣпленіе всякихъ мыслей, стоящихъ рядомъ? Въ сущности, допустивши свой средній метръ, Евальдъ отвергъ всякій метръ между мыслями, потому что гдѣ повышеніе не требуетъ извѣстнаго строго опредѣленнаго для себя пониженія, тамъ нѣтъ ни того ни другаго, а слѣдовательно нѣтъ и метра, а идетъ прозаическая рѣчь. Можетъ быть намъ возразятъ, что поэтическая мысль бываетъ очень свободна и что нѣтъ возможности предвидѣть какое теченіе приметъ второй членъ послѣ перваго? Это совершенно справедливо, только не по Евальду, у котораго отличіе поэзіи отъ прозы состоитъ въ томъ именно, что въ первой предложеніе ложится за предложеніемъ не случайно, какъ требуетъ обыкновенный порядокъ рѣчи, а *танцами* и гармоническими скачками. Но спрашивается: какой танцъ даетъ причина, поставленная вмѣстѣ съ своимъ слѣдствіемъ, условіе вмѣстѣ съ зависящимъ отъ него положеніемъ, положеніе вмѣстѣ съ своимъ противоположеніемъ, вопросъ съ отвѣтомъ и т. под.? Если какой либо глубокій мыслитель и усмотритъ здѣсь музыкальный танцъ, то такой же танцъ вѣчно дзижется во всякихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, даже во всякомъ разговорѣ, и не имѣетъ права самъ по себѣ назваться поэтическимъ. Мы хотѣли бы думать, что метръ членовъ въ этихъ періодическихъ стихахъ средняго метра, по мысли Евальда, состоитъ не столько въ содержаніи ихъ, сколько въ переливахъ волненій чувствъ и въ самыхъ степеняхъ повышеній и пониженій голоса, какъ это говорилось въ общемъ введеніи Евальда; но здѣсь это предположеніе не

www.bibleist.ru

можетъ быть допущено, потому что авторъ не напрасно же различаетъ виды и самыя названія метра сообразно тому, повторяются ли равныя предложенія, или же онѣ стоятъ между собою въ отношеніяхъ членовъ періода и т. дал. Очевидно Евальдъ стоитъ здѣсь въ области синтаксиса и обыкновенныя грамматическія отношенія между частями рѣчи возводитъ на степень поэтическихъ движеній. Это новое доказательство на то, что Евальдъ смѣшивалъ представленіе ораторской рѣчи съ представленіемъ поэзіи; двѣ части періода, представляющія ораторское повышеніе и пониженіе въ смыслѣ правильнаго произношенія, у него явились двумя элементами поэтическаго стиха. А такъ какъ части прозаическаго періода могутъ свободно перемѣнять мѣста, не измѣняя взаимныхъ отношеній, такъ что повышеніе можетъ быть пониженіемъ и наоборотъ, тогда какъ въ поэзіи отношеніе между ними должно быть самое опредѣленное; то здѣсь вообще опровергается всякая возможность искать поэтическаго метра въ отношеніяхъ между какими либо предложеніями.

Еще болѣе необъяснимъ родъ тупаго метра, состоящаго въ раздѣленіи одного предложенія на два члена. Правда, Евальдъ назвалъ его «труднымъ и мало жизненнымъ» риѳмомъ, но какимъ образомъ вообще возможно видѣть здѣсь метрическое теченіе мысли. Здѣсь нарушаются всѣ условія поэтическаго движенія, указанныя этимъ авторомъ. Никакое повышеніе и пониженіе немыслимы въ отношеніи къ этому метру. Сдѣлать какой нибудь шагъ мысль можетъ только высказавшись; а отдѣльныя слова напримѣръ: «вѣтромъ восточнымъ», или: «Іегова, по Твоему правосудію» ничего не даютъ для риѳма чистой мысли, потому что онѣ не имѣютъ содержанія, и, какъ такія, не могутъ вызывать никакихъ повышеній или пониженій. Замѣтимъ кстати, что Евальдъ называетъ этотъ риѳмъ маложизненнымъ и низшимъ родомъ риѳма именно потому, что въ немъ нѣтъ никакихъ оттѣнковъ повторяющейся мысли. между тѣмъ, говоря о метрѣ полнаго

www.bibleist.ru

повторенія, онь же отстраняетъ возможность повторенія мысли въ собственномъ смыслѣ, а всегда ищетъ особеннаго оттѣнка различія членовъ, по крайней мѣрѣ въ аористахъ, и въ этомъ различіи видитъ высшую красоту. Соображая это невольное противорѣчіе Евальда, мы приходимъ къ заключенію, что высшій метръ по Евальду долженъ быть тотъ, который онъ назвалъ «среднимъ», метръ не заключающій въ себѣ повторенія въ собственномъ смыслѣ, которое, само по себѣ взятое, онъ называетъ даже *пустымъ* (leere), но съ другой стороны и не раздѣленный въ содержаніи своихъ членовъ, но метръ, представляющій двѣ ступени мысли, или двѣ постепенныя мысли. Такимъ образомъ опять очевидно, что предъ Евальдомъ носился ораторскій періодъ, какъ модель метрической формы.

Наконецъ, нѣтъ ничего опредѣленнаго во взаимномъ отношеніи между указанными Евальдомъ родами метра мысли. Обыкновенно присутствіе метра въ пѣсни узнается по тѣмъ или другимъ повтореніямъ извѣстныхъ отношеній между звуками. Въ отношеніи къ метру мысли слѣдовало бы ожидать, что каждая пѣснь выдерживаетъ какой либо одинъ опредѣленный видъ параллелизма, или, состоя изъ различныхъ видовъ, повторяетъ ихъ въ правильномъ порядкѣ. Между тѣмъ на дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ, и псаломъ, начавшись повтореніемъ членовъ, можетъ обращаться къ сравненіямъ, противоположеніямъ, дѣлить одну мысль въ два члена и т. под., т. е. употреблять безразлично, смотря по ходу рѣчи, всѣ обороты, какіе существуютъ въ языкѣ, не стѣсняясь никакими условіями метра. Такимъ образомъ, если бы даже заключался какой нибудь метръ въ отдѣльно взятомъ повтореніи предложенія, въ отдѣльномъ взятомъ слѣдованіи одного за другимъ двухъ различныхъ предложеній, или въ раздѣленіи одного предложенія на двѣ части; то онъ убивался бы окончательно-смѣшеніемъ въ одно всѣхъ этихъ метровъ, потому что каждый изъ видовъ параллелизма имѣетъ свой особенный темпъ, свой ключь

www.bibleist.ru

повышеній и пониженій, такъ что, основываясь на мѣнѣ метровъ, слѣдовало бы придти къ невозможному предположенію, что въ продолженіи пѣсни, авторъ различнымъ образомъ видоизмѣняетъ степень своего чувства и свое душерасположеніе.

Вмѣсто опредѣленія взаимныхъ отношеній между видами параллелизма, Евальдъ, представляетъ особенную, замѣчательную впрочемъ, главу *объ объемѣ и границахъ библейскаго стиха* (der Umfang und die Gränzen des Verses). Вотъ сущность ея содержанія.

Если и отдѣльный *танцъ* повышенія и пониженія производитъ собою особенное поэтическое обаяніе, то это обаяніе все болѣе и болѣе усиливается съ каждымъ новымъ движеніемъ мысли. Стихъ, смотря по расположенію духа, приведшему въ движеніе поэтическую мысль, можетъ быть очень разнообразенъ въ числѣ своихъ членовъ, ихъ силѣ и ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ. Подобныя разнообразія тѣмъ болѣе возможны въ еврейской поэзіи, что здѣсь мысль сама по себѣ, въ своемъ первичномъ движеніи, дѣлаетъ живой метръ всѣхъ членовъ стиха. Не смотря однакожъ на то, стихъ библейскій всегда имѣетъ и опредѣленныя границы, въ которыя должны укладываться всѣ его малые и большіе члены.

1. *Одночленный* стихъ, представляющій отношеніе между членами въ формулѣ 1 : 0, хотя не даетъ вполнѣ образованнаго стиха, но онъ возможенъ при другихъ стихахъ, какъ противоположность обыкновенному размѣру, коль скоро въ самой рѣчи чувствуется отливъ мысли и чувства. Онъ возможенъ въ началѣ длинной рѣчи, гдѣ едва только начинаетъ пробиваться сила поэтическаго движенія (Пс. 18, 2. 23, 1. 66, 1. 90, 1. 100, 1. 139, 1. 146, 1), или же въ концѣ подобной рѣчи, гдѣ поэтическое движеніе уже ослабѣло (Исх. 15, 8. Пс. 92, 9). Въ подобныхъ случаяхъ даже двухчленный стихъ можетъ стоить только короткій. Пс. 93, 3. Притч. 1, 10. Въ срединѣ рѣчи одночлен-

www.bibleist.ru

ный, вялый стихъ не можетъ стоять. Въ Пс. 29. 7 онъ стоитъ, по крайней мѣрѣ, на концѣ строфы; Исх. 15, 12 въ началѣ строфы. Въ мѣстахъ какъ Пс. 50, 5 видны уже особенности позднѣйшихъ (?) пѣсней.

2. *Двухчленный* стихъ, представляющій отношеніе членовъ въ формулѣ 1 : 1 или $\overset{a\,b}{\smile}$, есть не только основной, но и самый употребительный и замѣтный въ Библіи, по крайней мѣрѣ для перваго взгляда. Какъ самый простой стихъ, онъ требуетъ обыкновенно метра повторенія, или по крайней мѣрѣ, метра средняго. Допускается впрочемъ здѣсь и тяжелый метръ раздѣленія предложенія, но не часто и не сряду.

3. *Болѣе чѣмъ двухчленный* стихъ возможенъ двоякимъ образомъ: чрезъ расширеніе повышеній и пониженій, или чрезъ совокупленіе ихъ.

1) Чрезъ *расширеніе* метра отъ 2 до 3 членовъ, при чемъ пониженіе втораго члена расширяется и на третій. Когда мысль *расширяетъ* стихъ въ 3 члена, то эти послѣдніе стоятъ между собою не такъ, чтобы два изъ этихъ членовъ были тѣснѣе связаны между собою, и уже вмѣстѣ, какъ цѣлое, относились къ одиночному третьему члену, по формулѣ: 2 : 1, но такъ, что каждый изъ нихъ образуетъ одиночное цѣлое; третій членъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и второй, второй тоже что и первый, по формулѣ 1 : 1 : 1, или $\overset{a\,b\,c}{\smile}$. Такимъ образомъ это можетъ быть только при риѳмѣ повторяющемъ одно предложеніе. гдѣ мысль перваго члена отражается разъ и другой разъ. Напримѣръ:

Пусть преслѣдуетъ врагъ душу мою и настигнетъ,
Пусть затопчетъ къ землю жизнь мою,
Пусть мой скипетръ броситъ во прахъ.

Пс. 7, 6. 7, 5. 12, 6. 7. 18, 8. 9, 31. 36. 44. 51. 22, 24. 90, 17. 91. 15. 116, 3. 8. 140, 11. Такимъ образомъ связываются между собою три сродныя малыя предложенія и въ разго-

www.bibleist.ru

ворной рѣчи Пс. 1, 1. Пс. 15, 3. 4. 24, 4. Притч. 30, 15. Тяжелый риѳмъ раздѣленія предложенія на двѣ части здѣсь былъ бы еще тяжелѣе, чѣмъ въ двухчленномъ стихѣ, а потому и неупотребляется.

Болѣе трехъ членовъ разширеніе смысла въ повтореніи не можетъ обнимать, такъ какъ чрезъ подобное разширеніе единство и связь терялись бы въ безконечномъ множествѣ; уже четыре члена стиха въ такомъ видѣ не возможны.

2) Чрезъ *совокупленіе* метровъ возможны слѣдующія построенія стиховъ:

α) Стихъ, состоящій изъ четырехъ членовъ, соединенныхъ вмѣстѣ по два, какъ 2 : 2, или a b c d. Этотъ стихъ представляетъ умноженный на себя первоначальный двухчленный стихъ, причемъ два первые члена произносятся легче и быстрѣе обыкновеннаго, образуя вмѣстѣ одну половину стиха противъ двухъ другихъ, образующихъ вторую половину, и всѣ вмѣстѣ тѣсно замыкаются въ новое высшее единство. Такого рода стихъ, выдерживающій, при всей кипучей быстротѣ рѣчи, основную равномѣрность метра, есть одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ стиховъ еврейской поэзіи. Гдѣ въ простомъ двухчленномъ стихѣ тяжелый или средній метръ дѣлится на двѣ слабо выдающіяся части, тамъ, при соединеніи двухъ метровъ, являются двѣ полновѣсныя и равномѣрныя половины. Напримѣръ:

Въ скорби я воззвалъ къ Іеговѣ,
Возопилъ къ Богу моему;
Изъ чертога Своего Онъ услышалъ меня,
Вопль мой вошелъ во уши Его.

Пс. 18, 7. ср. 28, 1. 59, 17. 72, 17. 27, 9. Іова 7. 21. Еще прекраснѣе бываетъ этотъ соединенный метръ, когда первый членъ соотвѣтствуетъ третьему, а второй — четвертому:

www.bibleist.ru

Пс. 18, 16. И видно стало русло водъ,
И обнажились основанія вселенной,
Отъ прещенія Твоего Іегова,
Отъ дуновенія вѣтра ноздрей Твоихъ.

β) Совокупленіе метровъ можетъ дать двѣ неравныя половины, отношеніе которыхъ можно выразить въ формулѣ 2 : 1. Въ такомъ случаѣ изъ трехъ членовъ два первой половины, противопоставленные одиночному члену другой половины, должны отличаться особенною быстротою, чтобы въ произношеніи они были равны одному третьему, такъ какъ и по ходу рѣчи мысль въ одиночномъ членѣ должна быть энергичнѣе при краткомъ выраженіи. При этомъ самый лучшій, но вмѣстѣ и самый рѣдкій метръ бываетъ тамъ, гдѣ простая половина, противопоставленная двухчленной, заключаетъ въ себѣ все таки два оттѣнка и метрически разщепляется на два сокращенныхъ члена. Напримѣръ, 2 Сам. 1. 22.

Отъ крови раненныхъ, отъ тука воиновъ,
Не отступалъ лукъ Іонаѳановъ,
Мечь Сауловъ не возвращался отъ нихъ.

Такимъ образомъ здѣсь весь стихъ можетъ заключать только одно предложеніе, трудное сочетаніе котораго смягчается тѣмъ, что два какіе либо члена даютъ еще метръ повторенія, по формулѣ $\overset{\frown}{a\,b}\ c$ или $\overset{\frown}{a\,b\,c}$. Напримѣръ:

Что шумятъ народы
И племена задумали несбыточное
Противъ Іеговы и Помазанника Его?

Или: Тысяча лѣтъ въ очахъ Твоихъ,
Какъ день вчерашній, который прошелъ,
Какъ ночная стража.

Пс. 2, 1. 2. 11, 2. 23, 3. 27, 11. 48, 12. 62, 11. и проч. Но особенно замѣчателенъ подобный метръ въ Суд. 5, 12:

www.bibleist.ru

Не было судей во Израилѣ, не было,
Пока не возстала я, Деввора,
Пока не возстала я, мать Израиля.

Наконецъ полнота образовъ и мыслей можетъ такъ разширяться въ сознаніи поэта, что онъ бываетъ вынужденъ въ танцъ двухъ соотвѣтствующихъ членовъ вставлять третій членъ, хотя совершенно чуждый, но на сколько выдерживающій внутренній тактъ танца мысли, что дисгармонія при этомъ не замѣчается, какъ при неожиданномъ явленіи дактиля между трохеями. Напримѣръ, a͡bc

Я буду внимателенъ къ пути непорочному,—
Придти бы только къ Тебѣ—
Буду ходить въ чистотѣ сердца въ домѣ Твоемъ.

Подобные случаи возможны даже тогда, когда первый и третій члены образуютъ одно нераздѣльное предложеніе. Такъ:

Пс. 45,6. Твои острыя стрѣлы—
Да падутъ народы предъ Тобою!—
Пронзятъ сердце враговъ царя.

γ) Гдѣ въ этомъ не равномъ совокупленіи сопоставляются не два самостоятельныхъ, по силѣ совершенно равныхъ предложенія, но гдѣ три члена легко склоняются одинъ къ другому, тамъ, наконецъ, всѣмъ имъ можетъ противопоставиться новымъ совокупленіемъ особенный членъ, малый по объему, но по значенію служащій противовѣсомъ всѣмъ прежнимъ членамъ, уже образовавшимъ между собою соединеніе, такъ что два неравныя совокупленія будутъ здѣсь держать балансъ одного равнаго. Здѣсь возможны два случая 3 : 1 и 3 : 2. Первый равенъ a͡b c d и a b c͡d, т. е. одночленная половина можетъ стоять въ началѣ или въ концѣ; остальные связанные три члена образуютъ уже сами по себѣ легкій танцъ, раздѣляясь на неравныя поло-

www.bibleist.ru

вины, изъ которыхъ одна имѣетъ два члена, а другая одинъ; обоимъ этимъ половинамъ, взятымъ какъ одинъ элементъ, противопоставляется еще одиночный членъ, дающій высшій цѣльный метръ всему аккорду. Напримѣръ:

a b c d: Помилуй мя, Боже, помилуй мя,
Потому что къ тебѣ обращена душа моя
И въ тѣнь крылъ Твоихъ я ухожу,
Пока проходитъ опасность.

a b c d: Не уклонится сердце мое въ мысль злую,
Къ дѣланію дѣлъ беззаконныхъ,
Съ людьми поступающими неправедно;
Нѣтъ, не вкушу сладостей ихъ.

Что касается формулъ 2:2:1, или 1: 2: 2, которыя можно бы видѣть напримѣръ въ Пс. 11, 4:

Іегова! во храмѣ святости Своей,
Іегова.... въ небѣ престолъ Его,
Глаза Его усмотрятъ,
Рѣсницы Его испытаютъ
Сыновъ человѣческихъ;

то такое построеніе было бы неправильно, потому что, при ближайшемъ разсмотрѣніи, формула 2:2:1 будетъ равна 2 : 3, при чемъ 3 будетъ всегда равно 2 : 1, а 2=1 : 1; такимъ образомъ обѣ эти части могутъ разсматриваться какъ самостоятельные метры. Далѣе формула 1 : 3 : 1 если бы она и была возможна, не могла бы стоять прочно, потому что въ ней пятый членъ постоянно спорилъ бы съ первымъ за самостоятельность, от-

www.bibleist.ru

чего страдало бы единство стиха, и едва ли встрѣчается въ Библіи подобное построеніе. Наконецъ совершенно невозможно поставить стихъ по формулѣ 1 : 4 или 4 : 1, потому что слишкомъ не равныя половины не могли бы выдерживать взаимнаго равновѣсія.

3) Наконецъ очень замѣчательно явленіе, что многочленный стихъ, послѣ того какъ онъ образовался вполнѣ, можетъ снова преобразоваться посредствомъ особенныхъ новыхъ соединеній (zusammenziehung). Еврейское стихообразованіе, свободно переходя всѣ возможности, заканчиваетъ ихъ тѣмъ, что два члена, по смыслу тѣсно связанные между собою, могутъ построиться въ одинъ длинный членъ, такъ что отсюда происходитъ совершенно новый родъ *длиннаго* метра, въ которомъ членъ можетъ обнимать вмѣсто трехъ обыкновенныхъ словъ: подлежащаго, сказуемаго и связки, двойное количество словъ, доходить до 10 и 11 слоговъ. Необходимымъ слѣдствіемъ сего является простой, разговорный характеръ рѣчи, болѣе речитативъ, чѣмъ пѣсня. Впрочемъ, этотъ произволъ въ строеніи стиха ограничивается тѣмъ, что вмѣсто двухъ первыхъ членовъ можетъ стоять одинъ длинный только въ началѣ пѣсни, гдѣ свѣжій еще голосъ можетъ выдержать подобное тягучее теченіе звуковъ. Послѣ такого неумѣреннаго длиннаго члена, метръ далѣе восполняется слѣдованіемъ двухъ обыкновенныхъ членовъ во второй части, и такимъ образомъ все строеніе стиха установится въ формулѣ A (=ab): cd. Напримѣръ:

2 Сам. 1, 21. Горы Гилбоа! ни росы ни дождя на васъ и ваши
поля цвѣтущія,
Потому что тамъ упалъ щитъ героя,
Щитъ Саула не намазанный масломъ.

Рѣдко при этомъ такому длинному члену противопоставляется одинъ обыкновенный, какъ A c:

Пс. 18, 12. Онъ сдѣлалъ изъ мрака убѣжище, какъ палатку около Себя,
Изъ водъ глубокихъ, облаковъ густыхъ.

www.bibleist.ru

Что такой свободный стихъ только въ позднее время постепенно отвоевывалъ себѣ мѣсто въ еврейской поэзіи, видно изъ того, что его вовсе нѣтъ въ до-Давидовской поэзіи Исх. 15. Суд. 5. Но уже въ пѣсняхъ Давида замѣтна наклонность къ подобному разговорному метру, а послѣ Давида онъ встрѣчается часто.

Во второй половинѣ метра такой длинный членъ встрѣчается рѣдко; напр. въ Пс. 19, 8—11 стихи расположены по формулѣ AB; въ Пс. 17, 14 по формулѣ ABde, причемъ AB=abc.—Наконецъ весь стихъ можетъ состоять изъ ABC, такъ что длинный членъ можетъ имѣть мѣсто и въ третьей строкѣ. Такъ

Притч. 30, 4. Кто восходитъ на небо и нисходитъ, и собираетъ вѣтры въ пригоршни свои,
Кто связываетъ воды въ полѣ одежды и уставляетъ всѣ предѣлы земли,
Какъ имя Ему и какъ имя Сыну Его, знаешь ли ты?

Послѣдній метръ переходитъ уже вполнѣ въ разговорную рѣчь; его можно встрѣчать въ пророческихъ и драмматическихъ рѣчахъ. По всѣмъ другимъ слѣдамъ (?) онъ принадлежитъ позднѣйшему времени.

4. Таковы послѣднія границы библейскаго стиха! Но, если, не смотря на всю свободу построенія стиха, развиваемая мысль не успѣетъ заключиться въ стихѣ, послѣ того какъ онъ достигъ своей послѣдней мѣры, ее можетъ поднять и продолжить слѣдующій стихъ. который, и не начинаясь новымъ предложеніемъ, требуетъ тогда высокаго и сильнаго произношенія перваго члена. **Напримѣръ:**

Пс. 96, 12. Возрадуются поля и все что въ нихъ,
Всѣ деревья лѣса восторжествуютъ,

www.bibleist.ru

— — ст. 13. Предъ Іеговою, когда Онъ придетъ,
Когда Онъ придетъ судить землю,
Судить вселенную въ правдѣ.

Впрочемъ, только позднѣйшіе (?) поэты, безъ особенной нужды со стороны содержанія, раздѣляютъ одно предложеніе въ нѣсколько стиховъ какъ Пс. 83, 7. 8. Большею частію только оттѣнки одной и той же мысли могутъ проходить чрезъ многіе стихи, ослабѣвая съ каждымъ новымъ членомъ и вновь возвышаясь съ каждымъ новымъ стихомъ. Пс. 8, 4 - 9. Такимъ образомъ образуется даже полный *метръ многихъ стиховъ* тѣмъ, что одинъ изъ членовъ перваго стиха повторяется въ дальнѣйшемъ стихѣ. Напримѣръ:

Пс. 18, 13. 14. Отъ блеска взора Его
Сторонились облака,—
Градъ и горящіе уголья!
И возгремѣлъ съ небесъ Іегова,
Всевышній подалъ голосъ. Свой,—
Градъ и горящіе уголья!

Ср. Пс. 38, 12. Плач. 1, 9. 11. Пс. 143, 8. 9.

Вообще подвижной метръ библейской поэзіи *безконечно разнообразенъ* (unendlich mannigfach), такъ какъ онъ стоитъ въ зависимости отъ живыхъ внутреннихъ движеній чувства, и потому подробное описаніе его въ сущности невозможно.

Вотъ основныя формулы, въ которыхъ, по Евальду, располагаются въ стихахъ указанные имъ выше виды параллелизма или метра мысли. Не можемъ скрыть, что выборъ стиховъ и ихъ формулировка, взятые отдѣльно сами по себѣ, сдѣланы здѣсь мастерски, такъ мастерски, что можно бы затрудниться найти здѣсь слабыя стороны, невыдерживающія нападеній, еслибы не выдалъ себя самъ Евальдъ своимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, что разъясняемое имъ метрическое построеніе стиховъ *безконечно*

www.bibleist.ru

разнообразно, какъ безконечно разнообразна волнующаяся человѣческая мысль и чувство. Если сличимъ это замѣчаніе съ исходнымъ пунктомъ Евальдова изслѣдованія, что коренная особенность поэзіи состоитъ въ томъ, что въ ней слова и предложенія выбираются и ставятся не какъ попало, подобно прозѣ, а по извѣстному закону и порядку; то мы поймаемъ Евальда въ непроходимомъ противорѣчіи, потому что *безконечно разнообразное*, какъ такое, есть именно рѣшительная противоположность опредѣленному закону и порядку. Такимъ образомъ *безконечно разнообразное* построеніе стиховъ, въ отношеніи къ расположенію ихъ предложеній, показываетъ, что ветхозавѣтные поэты не въ слѣдствіе какихъ либо поэтическихъ условій разставляютъ части рѣчи, а по тѣмъ простымъ универсальнымъ требованіямъ, какимъ слѣдовало и слѣдуетъ все мыслящее и чувствующее человѣчество, въ своихъ словесныхъ выраженіяхъ. Отсюда понятно, какое вообще могутъ имѣть значеніе указанные Евальдомъ не многіе случаи видимой искусственности и закономѣрности въ построеніи стиха. Вырванные изъ *безконечнаго разнообразія*, эти случаи могутъ быть сравниваемы только съ тѣми, дѣйствительно замѣчательными, но необыкновенно рѣдкими, явленіями, какія представляетъ природа въ сходствѣ физіономій, поразительномъ при общемъ ихъ разнообразіи, но не существующемъ для науки.

Войдемъ однакожъ въ болѣе близкое разсмотрѣніе выставленныхъ Евальдомъ формулъ? Уже на первомъ шагу читатель, знакомый съ общими положеніями Евальда о библейской поэзіи, поражается формулою *одночленнаго* стиха 1 : 0. Берите какую угодно возможность къ объясненію такого метра. Можетъ быть въ немъ основные элементы метра, повышеніе и пониженіе скрытно связаны вмѣстѣ въ одномъ предложеніи? Но тогда это будетъ такъ называемый у Евальда тупой, но двучленный метръ, дающій форму 1 : 1, а не 1 : 0. Можетъ быть, вслѣдствіе сильнаго волненія въ поэтѣ, метръ могъ иногда прерваться на одномъ повы-

www.bibleist.ru

шеніи, такъ сказать захлебнуть поэта и оставить на слѣдующій моментъ безъ движенія? Но Евальдъ говоритъ именно противное, что одночленный стихъ бываетъ въ началѣ длинной рѣчи, пока еще не расправилось вполнѣ поэтическое чувство, или въ самомъ концѣ ея, при охлажденіи чувства. Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, какъ допускаетъ самъ Евальдъ, такой стихъ склоняется на движеніе сосѣдняго стиха и отъ него заимствуется недостающимъ элементомъ?. Но въ такомъ случаѣ второй членъ будетъ подразумѣться всегда какъ *неизвѣстный*, не данный прямо, но все же существующій; такимъ образомъ выйдетъ формула 1 : Z неизвѣстное а не 1 : 0. Остается одно предположеніе, что такіе стихи, въ сравненіи съ другими, не суть стихи въ собственно поэтическомъ смыслѣ и принадлежатъ прозѣ. Но какимъ образомъ въ одной и той же пѣсни можно различать между стихами не—стихи, т. е. въ стихотворной рѣчи прозаическую, хотя-бы то въ самомъ началѣ или въ самомъ концѣ пѣсни? Этихъ противорѣчій, по крайней мѣрѣ отчасти, Евальдъ избѣжалъ бы, если бы дѣйствительно существующіе одночленные стихи, слѣдуя принятому имъ раздѣленію видовъ параллелизма, не придерживаясь акцентуаціи, назвалъ тупымъ метромъ, раздѣляющимъ одно короткое предложеніе на двое. Но ему хотѣлось видѣть въ цифрѣ новое подтвержденіе другаго своего положенія метрѣ, замыкающемъ въ себѣ движеніе и покой. Евальдъ не усмотрѣлъ, что формула 1 : 0 своею пустотою на мѣстѣ втораго члена пародируетъ ею теорію движенія и покоя, вдыханія и выдыханія.

Противоположность одночленнымъ представляютъ у Евальда стихи *болѣе чѣмъ двухчленные*. Такого рода стихи образуются, по Евальду, двумя путями: α) разширеніемъ двухчленныхъ стиховъ и β) соединеніемъ ихъ. *Разширеніе* стиховъ, возможное при метрѣ повторенія, сводится къ формулѣ 1 : 1 : 1. Но эта формула не довольно ясно развита у Евальда. Такъ какъ сущность метра есть повышеніе и пониженіе, то разширеніе метра должно

www.bibleist.ru

бы совершиться или въ первомъ членѣ или во второмъ, или въ обоихъ вмѣстѣ; въ первомъ случаѣ могла бы быть формула 1 † Z : 1, во второмъ 1 : 1 † Z въ третьемъ 1 † Z : 1 † Z. Во всякомъ случаѣ библейскій метръ не терялъ бы общаго характера повышеній и пониженій. Между тѣмъ у Евальда является здѣсь какой-то патологическій рядъ выдыханій, изъ которыхъ каждое опредѣленно не связывается съ какимъ-либо другимъ членомъ, хотя вмѣстѣ взятыя онѣ представляютъ одно цѣлое. Но какимъ образомъ, далѣе, возможенъ метръ въ подобномъ построеніи? Стоятъ ли второй и третій членъ самостоятельными пониженіями перваго члена, или пониженіе идетъ постепенно, такъ что второй членъ, будучи пониженіемъ перваго, есть повышеніе для третьяго, во всякомъ случаѣ второй и третій члены должны бы, вопреки опредѣленію Евальда въ этомъ случаѣ, постепенно смягчаться и укорачиваться; иначе ихъ невозможно произнесть однимъ выдыханіемъ, какъ и самъ Евальдъ замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ метръ исчезаетъ въ разговорномъ характерѣ рѣчи. Послѣднее обстоятельство, что формула 1 : 1 : 1, свойственная исключительно метру повторенія, ведетъ къ упадку поэтическаго элемента рѣчи, будетъ вообще говорить противъ того, что въ повтореніи мысли можетъ заключаться какой либо поэтическій моментъ; если разъ взятое полное созвучіе мысли можетъ быть поразительно для слуха и давать высшую внутреннюю гармонію и танцъ мысли; то отчего дважды взятое подобное созвучіе не увеличиваетъ гармоніи, а часто, напротивъ, разрушаетъ ее. Наконецъ Евальдъ ошибся, что подобное разширеніе не можетъ обнимать *четырехъ* членовъ. Вотъ примѣръ противнаго:

Пс. 65, 11. Ты напаяешь борозды земли,
Ты равняешь глыбы ея,
Ты размягчаешь ее дождями,
Ты благословляешь ее произрастеніями.

*

www.bibleist.ru

Если не придерживаться мазоретскаго раздѣленія стиховъ, то подобный метръ можетъ обнимать цѣлыхъ шесть повтореній съ равнымъ числомъ синонимовъ и эквивалентовъ. Именно:

Пс. 19, 89. Законъ Іеговы совершенъ, радость души,
Свидѣтельство Іеговы вѣрно, наставленіе неразумныхъ,
Повелѣнія Іеговы праведны, веселіе сердца,
Заповѣдь Іеговы свѣтла, просвѣщеніе очей,
Страхъ Іеговы чистъ, пребывающій во вѣки,
Суды Іеговы истинны, праведные вмѣстѣ.

Такимъ образомъ, допустивши метрическую формулу мысли 1: 1: 1, Евальдъ долженъ былъ допустить и дальнѣйшія безвидныя разширенія, какъ 1 : 1 : 1 : 1 и вообще 1 : 1 : *n n n*.

Если разширеніе метра у Евальда приводитъ къ ослабленію поэтическаго элемента; то *соединеніе* метровъ Евальдъ считаетъ средствомъ его возвышенія. Отличіе соединенія отъ разширенія метровъ не объяснено у него однакожъ надлѣжащимъ образомъ. Если соединеніе метровъ подозрѣвается въ тѣхъ обширныхъ стихахъ, гдѣ есть соединеніе различныхъ предложеній; то это произвольное основаніе, потому что, какъ мы видѣли, одинъ изъ употребительнѣйшихъ первичныхъ простыхъ метровъ, именно метръ средній, заключаетъ въ себѣ, независимо отъ всякаго соединенія метровъ, разнородныя предложенія. Отчего же не допустить, что метры, названные Евальдомъ сложными чрезъ совокупленіе различныхъ метровъ, могли образоваться путемъ разширенія средняго простаго метра, какъ только что разсмотрѣнный нами метръ образовался разширеніемъ метра повторенія? Дѣйствительно ли выведенныя здѣсь формулы не могутъ быть поставлены въ болѣе простомъ видѣ? Первая формула: 2 : 2 или a b c d состоитъ въ томъ, что второй членъ повторяетъ первый, четвертый третій, но всѣ они развиваютъ одно предложеніе. Такъ какъ повтореніе у Евальда представляетъ

www.bibleist.ru

отличительную особенность метра, образовавшагося разширеніемъ; то почему не допустить, что и здѣсь второй членъ вышелъ изъ разширенія перваго, а четвертый изъ разширенія третьяго, т. е. вмѣсто формулы 2 : 2 $\overset{\frown}{a\,d}\ \overset{\frown}{c\,d}$ принять 1 : 1 : 1 : 1 или $\overset{\frown}{a\,b\,c\,d}$. Та или другая формулировка здѣсь вовсе небезразличны, потому что формула разширенія, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ органическому развитію мысли изъ себя самой, тогда какъ метръ соединенія позволяетъ предполагать механическое сцѣпленіе мыслей. Дѣло въ сущности представляется здѣсь въ такомъ видѣ. Предположимъ, что у поэта возникъ первоначальный метръ мысли такого содержанія:

Въ скорби я воззвалъ къ Іеговѣ,
Изъ чертоговъ своихъ Онъ услышалъ меня.

Чтобы возвысить *обаяніе*, производимое этимъ основнымъ построеніемъ, поэтъ дѣлаетъ его сложнымъ; а для этого изобрѣтаетъ другой параллельный метръ, напримѣръ:

Я возопилъ къ Богу моему,
Мой вопль вошелъ во уши Его,

и вставляетъ этотъ послѣдній аккордъ въ первый, повышеніе къ повышенію, пониженіе къ пониженію и такимъ образомъ является слѣдующій сложный метръ:

Въ скорби я воззвалъ къ Іеговѣ,
Возопилъ къ Богу моему;
Изъ чертоговъ своихъ Онъ услышалъ меня,
Мой вопль вошелъ во уши Его.

Если бы дѣйствительно было возможно подобное механическое образованіе стиха, (а иначе его нельзя представлять, потому что тогда онъ не будетъ соединеніемъ разныхъ метровъ); то его можетъ быть и можно было бы назвать совокупленіемъ (въ смыслѣ внѣшняго дѣйствія), но этимъ самымъ его поэтическое обаяніе убивалось бы безслѣдно. Намъ всегда казалось страннымъ, когда

www.bibleist.ru

между видами параллелизма мы встрѣчали у экзегетовъ особенный родъ расположенія членовъ съ перестановками, въ которомъ якобы третій членъ стоитъ на мѣстѣ втораго, такъ что такимъ образомъ, въ полномъ объемѣ стиха, третій членъ составляетъ продолженіе перваго а четвертый втораго. Мы знаемъ только одинъ законъ развитія и хода мысли, законъ естественной логики и послѣдовательной ассоціаціи. Сущность этого закона состоитъ въ томъ, что между мыслями существуетъ взаимное притяженіе, дѣйствующее на *безконечно малыхъ разстояніяхъ*. Двѣ мысли, весьма близкія между собою, могутъ быть такими только въ томъ случаѣ, если онѣ непосредственно примыкаютъ одна къ другой; если же онѣ раздѣлены какою либо третьею стороннею мыслію, то связь между ними теряется и происходитъ невыносимая для мышленія пертурбація рѣчи, напоминающая дисгармонію въ музыкѣ. Что подобный безпорядокъ въ мысли древнѣйшіе въ мірѣ поэты могли намѣренно возвести на степень художественной метрической формы, мы отказываемся понимать. Тѣ не многія мѣста Библіи, переходящія отъ толкователей къ толкователямъ, которыя обыкновенно приводятся въ примѣръ подобныхъ пертурбацій мысли, въ сущности ничего подобнаго не представляютъ. Самъ Евальдъ ссылается при этомъ только на Пс. 18, 16:

И видны стали русла водъ,
И обнажились основанія вселенной,
Отъ угрозы Твоей, Іегова,
Отъ дуновенія вѣтра ноздрей Твоихъ.

Хотя Евальдъ не приводитъ этого текста по своей цитатѣ, но, такъ какъ въ отношеніи къ приведенному мѣсту споровъ не существуетъ, то, слѣдовательно, нельзя подозрѣвать, что Евальдъ читалъ его иначе. Спрашивается же, чѣмъ третій членъ обнаруживаетъ здѣсь особенное сродство именно съ первымъ, а четвертый съ вторымъ, чтобы можно было утверждать, что здѣсь переставлены члены? Уже скорѣе четвертый членъ здѣсь отвѣ-

www.bibleist.ru

чаетъ первому, какъ дуновеніе вѣтровъ отвѣчаетъ разливу воды во многихъ мѣстахъ Библіи. Очевидно, что пѣвецъ безъ всякихъ искусственныхъ намѣреній слѣдуетъ здѣсь данному теченію мысли, и двѣ послѣднія строки представляютъ вообще вторую часть большаго предложенія, первая половина котораго стоитъ въ первыхъ двухъ строкахъ. Тоже нужно сказать и о примѣрахъ подобнаго метра, приводимыхъ другими толкователями. Напримѣръ Сарши приводитъ Втор. 32, 21:

Они раздражали Меня не Богомъ,
Болванами своими огорчали Меня;
И Я раздражу ихъ не народомъ настоящимъ,
Ничтожнымъ народомъ огорчу ихъ.

Заальшутцъ приводитъ Пс. 33, 13. 14:

13. Съ небесъ смотритъ Іегова,
Видитъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ;
14. Съ сѣдалища Своего назираетъ
Всѣхъ живущихъ на земли.

Ис. 2, 7. Полна земля его серебра и золота,
И нѣтъ конца сокровищамъ его;
Полна земля его коней,
И нѣтъ конца колесницамъ его.

Въ этихъ, и во всѣхъ подобныхъ, мѣстахъ нѣтъ основанія находить какую либо другую связь членовъ, кромѣ связи непосредственной послѣдовательности. Если писатель говоритъ: «они раздражили меня поклоненіемъ не Богу, а идолами своими огорчали меня»; или: «полна земля серебра, такъ что нѣтъ счета сокровищамъ»; то, очевидно, онъ имѣлъ въ виду выставить въ ближайшемъ соотношеніи именно эти двѣ мысли. Если же слѣдующіе два члена, выражающіе другую мысль, или туже самую, повторяютъ словесные оттѣнки первыхъ двухъ строкъ; то это вовсе не какая либо поэтическая хитрость, а простой законъ необходимости, по

www.bibleist.ru

которому человѣкъ, высказывая близко подобныя мысли облегчаетъ себя употребленіемъ однихъ и тѣхъ же словъ и предложеній, дѣлающихся въ данной рѣчи основными. Оттого подобныя построенія можно встрѣчать вездѣ, во всѣхъ прозахъ и поэзіяхъ, вовсе не основывающихся на параллелизмѣ мыслей. Напримѣръ Гёте:

Ach wer bringt die schönen Tage,
Iene Tage der ersten Liebe!
Ach wer bringt nur eine Stunde,
Iener holden Zeit zurück!

или Жуковскій: За чѣмъ душа въ далекій край стремится,
Все ищетъ дней, какихъ ужъ нѣтъ!
Пустынный край не населится,
Не воротить минувшихъ лѣтъ!

или еще Державинъ: Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.

Кромѣ того, идя послѣдовательно, нужно бы допустить дальнѣйшія разширенія мысли съ подобнымъ метромъ, потому что, послѣ перваго подобнаго повторенія мыслей, можетъ слѣдовать такое же точно третье, четвертое и т. дал. Напримѣръ:

Ис. 65. 13. 14. Вотъ рабы Мои будутъ ѣсть,
А вы будете голодны;
Вотъ рабы Мои будутъ пить,
А вы будете томиться жаждою;
Вотъ рабы Мои будутъ радоваться,
А вы будете краснѣть отъ стыда,
Вотъ рабы Мои будутъ пѣть въ восторгѣ сердца,
А вы будете стонать отъ скорби сердца...

www.bibleist.ru

Слѣдуя принятому счисленію метровъ мысли, нужно допустить, что здѣсь второй членъ стоитъ на мѣстѣ третьяго, пятый на мѣстѣ шестаго и т. д. и что, слѣдовательно, для правильнаго чтенія нужно отдѣлять здѣсь всѣ четные члены отъ нечетныхъ. Но какъ подобнаго разщепляющагося метра и самъ Евальдъ не допускаетъ, потому что здѣсь мысль наглядно сбрасываетъ съ себя всякія поэтическія условія и метрическія ограниченія; то и вообще метръ съ перестановкою членовъ не существуетъ въ поэзіи и въ особенности въ библейской.

Отвергая, такимъ образомъ, совокупленіе равныхъ метровъ, мы еще болѣе далеки отъ принятія не равныхъ соединеній, по формулѣ 2 : 1 или 1 : 2, a b c a b c. Такъ какъ изъ предполагаемыхъ здѣсь двухъ соединяющихся метровъ одинъ равный 1: 0, т. е. состоящій изъ одного члена, не возможенъ; то нечего говорить и объ его дальнѣйшихъ соединеніяхъ. Не видно ни какой причины, по которой нельзя было бы формулу 2 : 1 считать простымъ разширеніемъ средняго параллелизма.—Евальдъ не забылъ здѣсь и случаевъ употребленія вводнаго предложенія a b c, дѣйствительно представляющихъ соединеніе разнородныхъ мыслей, а не ихъ гармоническое развитіе; но такіе случаи въ самой прозѣ считаются наиболѣе тяжелыми и трудными и по возможности избѣгаются. Приведенныя же Евальдомъ библейскія мѣста съ вводными предложеніями сами по себѣ недовольно ясны и могутъ быть переведены прямою рѣчью безъ вводнаго предложенія. Что касается дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ, соединеній метровъ; то о нихъ нечего распространяться. Если не возможна метрически формула a b c или a b c, то тѣмъ болѣе невозможны a b c d или a b c d 3 : 1 или 1 : 3. Развѣ можетъ какая либо грудь три предложенія во всей ихъ цѣлости выдохнуть такъ, чтобы онѣ давали моментъ по произношенію равный одному предложенію? Одно существова-

www.bibleist.ru

ніе въ Библіи подобныхъ стиховъ, съ такою независимою простотою и свободою въ движеніи мысли, разрушаетъ всякую теорію метра предложеній. Между тѣмъ, вопреки Евальду, въ Библіи встрѣчаются стихи еще болѣе широкіе и своеобразные, соотвѣтствующіе, напримѣръ, формулѣ 2 : 1 : 2 или a b c d e. Напримѣръ:

Пс. 27, 9. Не скрой отъ меня лица Твоего,
Не отрынь во гнѣвѣ раба Твоего;
Будь помощникомъ моимъ!
Не отвергни меня, Боже,
Не оставь меня, Спаситель мой.

Наконецъ послѣдній метръ, указываемый Евальдомъ, съ длинными предложеніями. самъ Евальдъ признаетъ близкимъ къ разговорной прозѣ, и потому непоэтическимъ.

И такъ ни въ одномъ изъ указанныхъ Евальдомъ видовъ расположенія предложеній въ стихахъ нельзя указать какихъ либо особенныхъ, чисто поэтическихъ, отношеній, возвышающихся надъ прозою. А если къ этому прибавимъ, что эти выставленныя формулы теряются среди *безконечнаго разнообразія* другихъ отношеній; то самое послѣднее представленіе о метрѣ предложеній исчезнетъ.

Между тѣмъ Евальдъ продолжаетъ дальнѣйшее развитіе своей теоріи въ приложеніи къ болѣе сложнымъ единицамъ — *строфамъ* пѣсней. Если каждый стихъ библейскій, состоящій изъ повышенія и пониженія, представляетъ отдѣльное цѣлое; то, съ другой стороны, онъ служитъ только однимъ звеномъ въ группахъ стиховъ, или строфахъ. Образованіе строфъ, также какъ и образованіе стиховъ, Евальдъ выводитъ непосредственно изъ метра мысли; слѣдствіемъ этого служитъ то, что строфы не имѣютъ у него внѣшней, собственно поэтической, закономѣрности въ раздѣленіяхъ, даже той, какая имъ замѣчается въ построеніи отдѣльныхъ стиховъ. Число строфъ въ пѣсни, по Евальду, можетъ быть весьма различно,

www.bibleist.ru

хотя самое обыкновенное дѣленіе пѣсни есть дѣленіе на *три* строфы, соотвѣтственно тремъ основнымъ моментамъ въ движеніи мысли, высшая форма котораго слагается изъ строфы, антистрофы и эпода, тезиса, антитезиса и синтеза. При этой основной логической формѣ, всѣ другія дѣленія пѣсни являются какъ ближайшія и отдаленнѣйшія отклоненія отъ нея. Точно также и отдѣльныя строфы, хотя могутъ имѣть различное число созвучій, т. е. единицъ, сложенныхъ изъ простаго или сложнаго повышенія и пониженія (отъ одного до двѣнадцати созвучій); но самая обыкновенная строфа, соотвѣтственно закону движенія мысли, имѣетъ *три* созвучія, между которыми второе или третье можетъ имѣть *три* члена.

Въ частности у Евальда различаются слѣдующіе главные виды строфодѣленія: 1 строфы равномѣрно ниспадающія и равномѣрно возрастающія. α) Равномѣрно *ниспадающія* строфы представляютъ *печальныя* пѣсни. Глубокое потрясеніе чувства въ скорби не можетъ долго себя выдерживать, и, если при этомъ тезисъ, или первая строфа, можетъ быть слишкомъ напряженнымъ и длиннымъ, то уже вторая строфа, или антитезисъ будетъ почти въ три раза меньше тезиса, а эподъ или заключительная строфа еще меньше. Вотъ напримѣръ Евальдово раздѣленіе строфъ въ печальной пѣсни Давида на смерть Саула и Іонафана 2 Сам. 1, 19—27.

1.

19. Каменный таранъ израиль, пораженъ на высотахъ твоихъ,
О какъ пали герои!

20. Не разсказывайте въ Гафѣ,
Не возвѣщайте на улицахъ Аскалона,
Чтобы не радовались дочери филистимлянъ,
Чтобы не торжествовали дочери не обрѣзанныхъ.

21. Горы Гилбоа! ни росы, ни дождя на васъ и ваши поля
цвѣтущія,

www.bibleist.ru

Потому что тамъ поверженъ щитъ героевъ,
Щитъ Саула, не намазанный масломъ.

22. Отъ крови раненныхъ, отъ тука воиновъ,
Не отступалъ лукъ Іонафановъ,
Мечь Саула не возвращался назадъ.

23. Саулъ и Іонафанъ любившіеся и дружные при жизни,
И въ смерти не разлучные,
Быстрѣйшіе всѣхъ орловъ, сильнѣйшіе львовъ!..

24. Вы дочери Израиля плачьте о Саулѣ,
Одѣвавшемъ васъ въ пурпуръ,
Клавшимъ золотыя украшенія на одежды ваши.

2.

25. О какъ пали герои среди сраженія,
Іонафанъ сраженъ на высотахъ твоихъ!

26. Жаль мнѣ тебя братъ мой Іонафанъ!
Любъ ты былъ мнѣ очень,
Дороже любви женской, была мнѣ любовь твоя.

3.

27. О какъ пали герои,
Погибли и орудія брани.

Такимъ образомъ объемъ строфъ въ приведенной пѣсни представляетъ отношенія 6 : 2 : 1 или опредѣленнѣе 18 : 5 : 2.

β) Равномѣрно *возрастающія* строфы представляютъ пѣсни *благодарственныя* и *веселыя*. Выходя изъ совершенно спокойнаго духа, такая пѣснь дѣлаетъ свой тезисъ короткимъ, потому что только постепенно радость охватываетъ человѣка, и кончается продолжительными и громкими восклицаніями, какими печальная пѣснь начинается. Напримѣръ Пс. 30 представляетъ отношенія между объемомъ строфъ въ формулѣ 1 : 4 : 7.

www.bibleist.ru

1.

2. Превозношу тебя Іегова, потому что Ты исхитилъ меня,
И не далъ врагамъ моимъ порадоваться обо мнѣ.

2.

2. Іегова Богъ мой!
Я воззвалъ къ Тебѣ и Ты исцѣлилъ меня.
4. Іегова! Ты вывелъ изъ шеола душу мою,
Оживилъ меня, чтобы я не сошелъ въ могилу.
5. Пойте Іеговѣ праведники Его,
Славьте святое имя Его,
6. Потому что на мгновеніе гнѣвъ Его,
Всю жизнь благоволеніе Его;
Вечеромъ придетъ плачь, а утромъ будетъ торжество.

3.

7. Я думалъ было въ счастіи своемъ:
«Не поколеблюсь никогда».
8. Іегова! по благоволенію Своему Ты нѣкогда укрѣпилъ гору мою;
Ты сокрылъ лице Свое, и я смутился,
9. И къ Тебѣ, Іегова, началъ взывать,
Предъ Іеговою изливаться:
10. «Что пользы въ крови моей,
Въ томъ, что сойду въ могилу?
Будетъ ли славить Тебя прахъ,
Возвѣщать истину Твою?
11. Услышь меня Іегова и помилуй меня,
Іегова! будь мнѣ помощникомъ».
12. И Ты перемѣнилъ сѣтованіе на ликованіе,
Снялъ съ меня рубище

www.bibleist.ru

И препоясалъ меня свѣтло.
13. И такъ буду пѣть Тебѣ неумолкно,
Іегова Богъ мой!
Во вѣки буду славить Тебя.

Сравн. Пс. 45, представляющій у Евальда отношенія 2 : 5 : 10 или по членамъ 5 : 10 : 20.—Больше трехъ строфъ ни восходящіе ни нисходящіе псалмы не представляютъ.

2. Совершенно спокойная мысль три своихъ основныхъ шага дѣлаетъ равномѣрно, такъ что тезисъ, антитезисъ и заключеніе бываютъ *равны*. Это самое употребительное, и вмѣстѣ самое прекрасное раздѣленіе пѣсни, вполнѣ соотвѣтствующее греческому раздѣленію на строфы, антистрофы и эподы. Въ примѣръ этого совершеннаго раздѣленія у Евальда приведена пѣснь Іоны 2, 3—10.

Въ скорби моей я воззвалъ къ Іеговѣ, и Онъ услышалъ меня,
Изъ нѣдръ шеола я взмолился и Онъ внялъ голосу моему!..
Ты бросилъ меня глубоко въ сердце моря и теченія охватили меня,
Прибои волнъ Твоихъ проходили надо мною,
Такъ что я думалъ, что удаленъ на всегда съ очей Твоихъ.
Но...я увижу еще храмъ святый Твой.

Воды проникли меня до души въ пропасти, охватившей меня,
Тростникъ обмотался на головѣ моей,
Къ подошвамъ скалъ я спустился,
Затворы преисподней замкнулись было на всегда для меня.
Но....Ты вывелъ изъ могилы жизнь мою,
О Іегова Богъ мой!..

---

www.bibleist.ru

Когда затмилась было уже душа моя во мнѣ, я вспомнилъ Іегову,
И молитва моя понеслась къ Тебѣ, въ храмъ святый Твой.
Кто надѣется на затѣи пустыя, тѣ небрегутъ своимъ счастьемъ,
А я съ молитвою благодаренія принесу жертву Тебѣ,
Исполню обѣты, которые далъ.
У Іеговы спасеніе!...

Довольно совершенное раздѣленіе представляютъ также *четыре* равномѣрныхъ строфы, такъ напримѣръ въ Пс. 3. 12. 1 Сам. 2, 1—10 и проч.

Если классически спокойная мысль движется тремя или четыремя большими равными ступенями; то болѣе живая разновидная но спокойная мысль можетъ быть выражена *многими равными* строфами. Напр. пѣснь Ис. 14, 4—23 представляетъ отношенія членовъ въ строфахъ 7 : 7 : 7 : 7 : 7. Такимъ образомъ постепенно пѣснь переходитъ въ разговорную рѣчь особенно въ рѣчахъ книги Іова и сочиненіяхъ Соломона.

3. Наконецъ возможны случаи *неравнаго* раздѣленія строфъ безъ постепеннаго ниспаденія и возрастанія. Это зависитъ отъ того, что α) совершенно спокойная мысль, требующая равныхъ дѣленій, вначалѣ бываетъ невполнѣ рѣшительна, оттого *первая* строфа можетъ быть *короче* дальнѣйшихъ. Пс. 32 и 38 даютъ отношенія 2 : 3 : 3 : 3. β) Иногда наоборотъ, при равныхъ строфахъ пѣсни, *послѣдняя* можетъ обнаруживать отливъ мысли и сокращеніе объема, какъ въ греческихъ пѣсняхъ эподъ иногда отличается краткостію отъ двухъ предшествующихъ частей; напр. Пс. 90 даетъ отношенія 6. 6: 5 Пс. 17=6 : 6 : 3, Іова гл. 28=10 : 10 : 6. Сокращеніе послѣдней строфы иногда отражается и на предпослѣдней, напримѣръ: Пс. 36-й=4 : 4 · 3 : 1. γ) Наконецъ иногда соединяется въ одной пѣсни сокращеніе начальной

www.bibleist.ru

и заключительной строфы, напр. Пс. 4-й=1 : 4 : 3.—Всѣ другіе случаи возможнаго неравенства не встрачаются въ Библіи.

Мы не споримъ, что эта библейская строфика у Евальда можетъ расположить читателя въ свою пользу механическою соразмѣрностію и наружнымъ порядкомъ, тѣмъ не менѣе ее нужно отвергнуть, потому что она стоитъ на ложномъ началѣ—метрикѣ мысли. Въ основѣ Евальдова дѣленія строфъ лежитъ *силлогизмъ съ своими тремя* частями или *посылками*. Такъ какъ силлогизмъ можетъ идти различными путями, то и различныя части его могутъ имѣть различный объемъ. Идя отъ универсальнаго къ частному факту, силлогизмъ постепенно сокращаетъ объемъ своихъ частей; при обратномъ движеніи къ общему и важнѣйшему, части силлогизма постепенно разрастаются. Вотъ въ сущности основаніе, на которомъ держится приведенная нами строфологія. Если Евальдъ мотивируетъ свои три возрастающихъ и ниспадающихъ члена движеніемъ чувства, возрастающаго вмѣстѣ съ пѣснію въ радости и ниспадающаго въ скорби, то этимъ онъ вводитъ ничѣмъ неоправдываемую теорію чувствованій. Радость и печаль вообще различаются только качественно, а не количественно; та и другая могутъ имѣть различныя степени энергіи, идти crescendo или diminuendo; та и другая въ полной силѣ бываютъ равно весьма стремительны и даже невыдержимы. Такимъ образомъ теорія движенія различнаго рода чувствъ слабо прикрываетъ у Евальда ораторскій силлогизмъ, какъ мѣру поэтическаго движенія большихъ частей пѣсни. 1) Это ходъ мысли спеціально греческій. Это не та общечеловѣческая логика силлогизмовъ, которую можно встрѣчать при каждомъ мышленіи и въ которой моменты силлогизма бываютъ скрыты, такъ что рѣчь представляетъ свободное и равное теченіе. Напротивъ, греко-римскіе ораторы, занятые больше формою, чѣмъ содержаніемъ, старались, при всякомъ случаѣ, обнажать этотъ внутренній законъ мысли видимыми внѣшними раздѣленіями. Но подобныхъ экспрессивныхъ раздѣленій не

www.bibleist.ru

представляетъ никакая другая народная рѣчь. Мы увидимъ далѣе, что у древнѣйшихъ народовъ силлогизмы именно скрывались въ совершенно другомъ движеніи мысли. 2) Такое силлогистическое раздѣленіе свойственно только рѣчамъ ораторскимъ и философскимъ. Если оно встрѣчается у грекоримскихъ поэтовъ, то потому только, что философія, или лучше, схоластика ничего не выпускала у грековъ изъ подъ своего вліянія, и греческіе поэты были въ тоже время философами и риторами. Во всякомъ случаѣ нужно было пройти продолжительное школьное образованіе, чтобы пѣсню укладывать въ силлогизмъ. 3) Какой *танцъ* мысли нашелъ Евальдъ въ трехчастномъ дѣленіи на строфы? Прежде всего, эта новая мѣра стоитъ въ противорѣчіи съ прежнею мѣрою метра, состоящею изъ двухъ частей, вдыханія и выдыханія, повышенія и пониженія. Естественно было ожидать, что и новое, болѣе крупное, дѣленіе будетъ выходить изъ той же единицы, т. е. что строфы будутъ связываться по двѣ, а не по три. Самая сущность повышеній и пониженій здѣсь въ основаніи нарушена, напримѣръ, въ возрастающемъ ходѣ строфъ. Далѣе, тезисъ, антитезисъ и синтезъ, въ взаимныхъ между собою отношеніяхъ, если представляли, въ глазахъ Евальда, какой либо метръ, то этотъ метръ самъ же Евальдъ выше назвалъ *среднимъ* метромъ, между тѣмъ какъ полный метръ состоитъ въ *повтореніи*. Чтобы быть послѣдовательнымъ, Евальдъ долженъ былъ признать *параллельные* ряды строфъ въ пѣсни, а не тезисы, антитезисы и заключенія. Наконецъ, взятое само по себѣ, число *три*, около котораго обращается раздѣленіе пѣсни,—такъ что по мѣрѣ отступленія отъ него рѣчь теряетъ, по Евальду, поэтическій характеръ,—выбрано весьма неудачно. У всѣхъ народовъ большинство пѣсней всегда имѣютъ *чётное* число строфъ, такъ какъ пѣсни у древнихъ, какъ извѣстно объ инційцахъ египтянахъ, евреяхъ, и друг., пѣлись обыкновенно двумя хорами, а раздѣленіе строфъ дѣлалось всегда въ интересахъ музыки и пѣнія исключительно. 4) Раздѣленіе

www.bibleist.ru

строфъ дѣлается у Евальда очень свободно. Мы нарочно привели сполна его нѣсколько примѣровъ, чтобы видѣть произволъ въ его дѣленіи. Напримѣръ, большая первая строфа пѣсни 2 Сам. 1, 19—27, вопреки опредѣленію Евальда о ея нераздѣлимости, можетъ быть раздѣлена по содержанію на новыхъ три части, по два стиха въ каждой, и т. д. Болѣе точны у Евальда только равномѣрныя дѣленія пѣсней на строфы.

Останавливаясь такъ долго на теоріи Евальда, мы имѣли въ виду α) показать до какой высокой степени утонченности дошла въ новѣйшее время давняя мысль о *поэтическомъ параллелизмѣ членовъ* библейскаго стиха и β) сдѣлать по возможности наглядным, чрезъ разсмотрѣніе этой высшей формы между теоріями параллелизма, что въ смыслѣ метрической формы поэзіи, какъ риѳмъ мысли, *параллелизмъ предложеній не возможенъ и не существуетъ.*

Но, если и не имѣть въ виду отдѣльныхъ попытокъ со стороны толкователей выяснить и систематизировать гипотезу поэтическаго параллелизма, къ какимъ страннымъ положеніямъ и къ какимъ неблагопріятнымъ результатамъ должно повести одно общее предположеніе о параллельныхъ членахъ мысли вообще и въ частности о параллельныхъ членахъ въ Библіи. Точно понимая математическій терминъ: *параллель*, *параллельный*, мы должны перевесть выраженіе: *параллельные члены* или строки чрезъ: *члены, нигдѣ не встрѣчающіеся между собою.* Такъ какъ толкователи, употребляя терминъ «параллельные члены», никогда не дѣлали и не дѣлаютъ никакихъ ограниченій; то понятіе *параллельный* мы должны понимать именно въ этомъ строгомъ математическомъ смыслѣ. Правда, допустивши такое общее начало, толкователи раздѣляютъ полный и не полный параллелизмъ, но это уже противорѣчіе, котораго здѣсь нѣтъ возможности

www.bibleist.ru

извинить, тѣмъ болѣе, что сами толкователи обыкновенно не говорятъ ни слова въ его разъясненіе. Параллелизмъ существуетъ только одинъ и, строго говоря, никакіе отдѣльные виды здѣсь невозможны; члены, параллельные себѣ, не могутъ встрѣчаться ни какою отдѣльною чертою; что встрѣчается какимъ либо образомъ, (какъ напр., Евальдовъ средній и тяжелый параллелизмъ), это уже не параллельно. Далѣе, что параллельно вообще, то параллельно въ каждой отдѣльной части и незначительное взаимное наклоненіе линій между собою въ одномъ мѣстѣ уничтожаетъ всякое представленіе о параллелизмѣ. Такимъ образомъ, когда говорится вообще, что пѣснь написана параллельными членами; то этимъ самимъ отнимается право нѣкоторые стихи среди пѣсни (обыкновенно большую часть пѣсни) исключать изъ общихъ условій и требованій параллельности, или смягчать эти условія и требованія. Одно изъ двухъ: или параллельные члены представляютъ сущность еврейской поэзіи, въ такомъ случаѣ не вполнѣ параллельные члены или не существуютъ или представляютъ микроскопическія исключенія, о которыхъ нельзя говорить наравнѣ съ правиломъ; или же параллельные члены представляютъ случайное явленіе въ библейской поэзіи, въ такомъ случаѣ они сами въ отношеніи къ поэзіи не заслуживаютъ вниманія. Пусть же теперь представитъ себѣ читатель, какую бездну противорѣчій вырываютъ подъ собою толкователи, признающіе параллелизмъ сущностію древнееврейской поэзіи и въ огромномъ большинствѣ случаевъ обходящіе эту сущность. Мало того, Евальдъ признался даже, что параллелизма, въ полномъ смыслѣ выраженія, нѣтъ нигдѣ въ Библіи; такимъ образомъ признанная сущность библейской поэзіи оказывается сущностію не существующею, т. е. положительное, универсальное А равно нолю. Но пойдемъ далѣе.

Представьте себѣ подчиненнаго закону параллелизма пѣвца въ моментъ его вдохновеннаго творчества. Для большей наглядности представьте себѣ развитіе мысли подъ чувственнымъ обра-

www.bibleist.ru

зомъ растяженія нитки изъ клубка. Какимъ образомъ возможно будетъ здѣсь искусство параллельнаго движенія мысли? Можно мыслить здѣсь два теченія: α) двѣ дѣйствительно отдѣльныя не встрѣчающіяся нити мысли, или β) одно зигзагообразное движеніе, при которомъ крайнія точки зигзаговъ, соединенныя между собою прямыми линіями по ту и другую сторону, даютъ двѣ параллели. Для перваго случая нужно опять предположить двѣ возможности: будетъ ли это одна мысль, поглотившая все сознаніе безраздѣльно, но развивающаяся двумя параллельными ходами, или же въ сознаніи пѣвца возникаютъ двѣ отдѣльныя общія мысли, готовыя къ независимому движенію по двумъ, хотя одного направленія, но особымъ путямъ? Первая мыслимая здѣсь возможность есть физическая невозможность, потому что изъ одной точки двѣ параллельныя не бываютъ. Вторая возможность, что въ сознаніи пѣвца разомъ стаютъ двѣ мысли, параллельныя въ самомъ корнѣ, исчезаетъ и дѣлается также невозможностію предъ возникающимъ здѣсь дальнѣйшимъ вопросомъ: будутъ ли эти мысли сходныя или несходныя. Если онѣ сходны, то, при своемъ одновременномъ существованіи, онѣ исчезали бы для сознанія одна въ другой, т. е. были бы одною мыслію. Если онѣ не сходны, то единство и цѣльность человѣческаго сознанія неудержитъ ихъ одновременно на одной линіи; мысли будутъ тѣснить одна другую и становиться одна *за* другою, т. е. образуютъ только одну, болѣе или менѣе прямую, нить. Такимъ образомъ двѣ отдѣльныхъ нити мысли не могутъ быть представлены. Возьмемъ другой случай, что въ параллельныхъ членахъ идетъ одно движеніе, только не непрерывно прогрессивное, а зигзагообразное, т. е., какъ говоритъ Евальдъ, при каждомъ новомъ шагѣ дѣлающее *полувозвратъ назадъ*. Не говоримъ уже, что въ такомъ случаѣ поэтическое искусство было бы какимъ-то тормазомъ живой мысли, а не ея высшимъ проявленіемъ,—возможна ли тогда какая либо органическая связь между мыслями? Тамъ, гдѣ дѣлается шагъ назадъ,

www.bibleist.ru

т. е. гдѣ мысль даетъ себя, въ одной и той же формѣ, два раза непосредственно, тамъ въ сущности будетъ пустота въ организмѣ мысли и перерывъ въ ея движеніи, т. е. безжизненные отрицательные моменты. Такимъ образомъ и предположеніе одного движенія мысли, перебѣгающей съ каждой данной точки, или каждаго новаго шага, на соотвѣтственную точку другой параллельной линіи, образуемой соединеніемъ отклоненій мысли отъ своего прямаго пути, также не сообразно съ достоинствомъ и общимъ психологическимъ движеніемъ мысли. И, вообще говоря, параллельное построеніе членовъ мысли, понятое по принятымъ теоріямъ, при ближайшемъ обсужденіи его, производитъ впечатлѣніе механическаго, канцелярскаго искусства секретарей, диктующихъ писцамъ одновременно различные доклады.

Обращаясь къ практической почвѣ, мы здѣсь встрѣчаемся съ очень серьезнымъ вопросомъ, вызываемымъ гипотезою параллелизма: если въ Библіи не слово, а мысль подчиняется поэтическому закону и рѣшительно отъ него зависитъ, то какъ читать и понимать поэтическія и пророческія книги Ветхаго Завѣта? Если чрезъ пѣснь, или вообще поэтическое произведеніе, стихи идутъ параллельными членами, то, какъ ясно слѣдуетъ изъ общаго понятія о параллелизмѣ по Евальду и другимъ толкователямъ, каждая пѣснь состоитъ изъ двухъ параллельныхъ движеній мысли, или изъ двухъ отдѣльныхъ пѣсней, и, слѣдовательно, далѣе, когда идетъ дѣло о содержаніи собственно, читатель вправѣ слѣдить такую пѣснь черезъ строку: начать первою строкою и продолжать третью, пятую, седьмую, вообще всѣ строки нечетныя, или начать вторую и читать однѣ строки четныя. По видимому, это особенно позволительно было бы дѣлать въ настоящее время, когда вкусъ къ древнимъ видамъ поэзіи потерянъ и когда имѣются въ виду не столько внѣшнія формы св. Писанія, сколько его содержимое. Такимъ образомъ, если искать поэзіи въ движеніи мысли библейской, цѣлая половина Библіи исчезаетъ, или лучше изъ одной Библіи дѣлается

www.bibleist.ru

двѣ параллельныхъ и равныхъ въ отношеніи къ содержанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе догматическіе стихи пророческаго содержанія теряютъ значеніе, если приложить къ нимъ гипотезу параллелизма. Напримѣръ:

Быт. 3, 15. Вражду положу между тобою и женою
Между сѣменемъ твоимъ и Ея.

Если второй членъ не есть новый шагъ мысли, а только поэтическій кругъ, описываемый мыслію около себя самой; то это мѣсто перестанетъ имѣть значеніе догматическое, перестанетъ быть первоевангеліемъ нашей религіи.

Пс. 33, 6. Словомъ Іеговы утверждены небеса
И Духомъ устъ Его все воинство ихъ.

По гипотезѣ параллелизма это мѣсто не можетъ быть доказательствомъ троичности Лицъ въ Богѣ, такъ какъ во второмъ членѣ выраженіе *Духъ* будетъ только поэтически повторять выраженіе *Слово*.

Іер. 23, 5. Во дни Его (Мессіи) спасется Іуда
И Израиль пребудетъ въ надеждѣ.

Можно ли допустить, что обѣтованіе касается здѣсь израильскаго царства, если собственное имя во второмъ членѣ явилось для того только, чтобы образовать поэтическій противовѣсъ первому собственному имени?.—Тоже самое нужно сказать о безчисленныхъ другихъ мѣстахъ догматическихъ и пророческихъ.

Хотя большинство толкователей скрываютъ эти практическія заключенія изъ гипотезы параллелизма, и даже иногда сами читаютъ и толкуютъ Библію независимо отъ своихъ началъ параллелизма; тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ болѣе послѣдовательными толковниками и догматиками, что, съ принятіемъ параллелизма, какъ метрической формы древнееврейской поэзіи, въ Ветхомъ Завѣтѣ не останется почти догматическаго мѣста.

www.bibleist.ru

Между тѣмъ, что подобнаго отношенія къ параллелизму не было въ древнѣйшія времена, это ясно доказываетъ уже вся догматика, которая не могла бы явиться въ своемъ нынѣшнемъ составѣ подъ вліяніемъ теоріи параллелизма, какъ поэтической формы рѣчи.—Для того чтобы видѣть, какъ много содержанія теряетъ всякая пѣснь, при подобномъ понятіи параллелизма, приводимъ въ примѣръ первый псаломъ, въ раздѣленіи на два отдѣльные псалма, такъ что первыя половины всѣхъ стиховъ образуютъ одинъ псаломъ, а вторыя другой.

I.

1. Блаженъ, кто не ходитъ на совѣщанія нечестивыхъ,
2. Но въ законѣ Іеговы желаніе его.
3. Онъ тоже что дерево, посаженное при потокахъ водъ.
4. Не такъ нечестивые...
5. Посему не устоятъ нечестивые на судѣ,
6. Потому что знаетъ Іегова путь праведныхъ.

II.

1. Кто на пути грѣшныхъ не стоитъ,
2. Но въ законѣ Его обращается мыслію днемъ и ночью,
3. *Онъ—дерево*, приносящее плодъ во время свое, котораго листъ не вянетъ.
4. Онъ (?) какъ полова, которую уноситъ вѣтеръ.
5. Грѣшники *не устоятъ* въ собраніи праведныхъ,
6. И путь нечестивыхъ погибнетъ.

III.

1. Кто въ кругу пересмѣшниковъ не сидитъ,
2. Во всемъ, что ни дѣлаетъ, успѣетъ.

Очевидно, что, при такомъ раздѣленіи параллельныхъ членовъ псалма, не только ослабѣваетъ мысль, но даже смыслъ теряется.

www.bibleist.ru

Такъ какъ каждый членъ здѣсь представляетъ частные случаи, взаимно себя дополняющіе, а не повторяющіе; то съ отдѣленіемъ полустишій онѣ и сами не даютъ вполнѣ ясныхъ мыслей, и не показываютъ надлежащаго отношенія къ другимъ. Стихъ 4-й даетъ цѣльную мысль только въ соединеніи обоихъ членовъ, раздѣленіе которыхъ извращаетъ ходъ рѣчи. Стихъ 5-й представляетъ слѣдствіе 4-го (al-ken *посему)* и именно той части 4-го стиха, которая падаетъ на второе полустишіе: такимъ образомъ первая половина 5-го стиха можетъ стоять только послѣ второй половины 4-го. —Нужно замѣтить при томъ, что 1-й Псаломъ представляетъ еще сравнительно больше повтореній, чѣмъ можно встрѣчать въ другихъ псалмахъ. Обыкновенно же большая часть членовъ стиховъ стоятъ между собою въ отношеніи причинъ и слѣдствій, положеній и противоположеній, т. е. образуютъ Евальдовъ средній метръ, и потому, при раздѣленіи, подобномъ сдѣланному нами въ 1-мъ псалмѣ, будутъ представлять положительную безсмыслицу.

Итакъ, будемъ ли смотрѣть съ теоретической или съ практической точки зрѣнія, параллелизмъ мысли, въ смыслѣ поэтическаго метра, долженъ быть признанъ *неоправданною и ложною гипотезою.* Лица, слѣдившія за библейско-истолковательною нѣмецкою литературою новѣйшаго времени, знаютъ, что неудовлетворительность гипотезы параллелизма прежде насъ, хотя въ неопредѣленныхъ и общихъ положеніяхъ, и была высказана де-Ветте [1]) (Comment. zu Psalmen

---

[1]) Man fasst aber den Parallelismus der Glieder zu eng, wenn mann ihn bloss und allein in das Ebenmass der Gedanken Setzt. Was will man mit den häufigen Stellen anfangen, wo dieses durchaus fehlt, wo die Gedanken weder durch Gleichheit, noch Gegensatz, noch Synthese einander entsprechen? Der Parallelismus der Glieder ist auch zu einer blossen *äusseren rhythmischen* Form ausgebildet worden, so wie der Reim.— Man war an das Ebenmass gewöhnt, und liess sich daher bisweilen den

s. 54. Aufl. 4), Мейеромъ [1]) (die Form der Hebräischen Poesie s. 16 и дал.) и Гамбургеромъ (Real-Encyclop. fur Bibel und Talmud IV. 837). Но ни де-Ветте, ни Мейеръ, ни Гамбургеръ не старались развить своихъ положеній и, отрицая поэтическое происхожденіе параллелизма мысли, не давали никакихъ положительныхъ началъ въ его объясненіе. Между тѣмъ гипотеза поэтическаго параллелизма окончательно падетъ только тогда, когда будетъ указанъ другой возможный способъ происхожденія того, что нынѣ принято называть параллелизмомъ, потому что видимо повторяющіеся члены, хотя не такъ часто, какъ многіе полагаютъ, во всякомъ случаѣ существуютъ.

И такъ чѣмъ объясняется явленіе параллелизма?

Для того, чтобы мы могли ориентироваться въ предложенномъ вопросѣ, необходимо принять предварительно во вниманіе слѣдующіе неопровержимые факты:

1. Независимо отъ поэтическихъ книгъ Ветхаго Завѣта, параллелизмъ встрѣчается во всѣхъ прозаическихъ *историческихъ* книгахъ Ветхаго Завѣта, начиная съ книги Бытія. Напримѣръ:

Быт. 2, 2. И окончилъ Богъ въ день седьмый дѣла, которыя дѣлалъ,
И почилъ въ день седьмый отъ дѣлъ, которыя дѣлалъ.

---

freiern, losern Inhalt gefallen; ohnehin musste das ewige Gleich und Entgesetzen Dichter und Hörer ermüden. Wir nennen diesen Parallelismus den *rhythmischen*, weil er bloss in der Form der Rede liegt.

[1]) Sodann ist es entshieden falsch jenen Parallelismus der Glieder für die Form der hebräischen Poesie zu erklären. Es ist in der Exegese ein grosser Misbrauch mit dieser Kategorie getrieben werden, indem man alle lyrischen und rhetorischen Ausdrücksweisen auf jenes Gleichmass der Glieder oder Gedanken zurückführen wollte. Man unterscheidet daher einen einfachenund zusammengesetzen Palallelismus. All diese Unterscheidungen sind nach unklaren Gefühlen entworfen und erkünstelt.

www.bibleist.ru

Быт. 2, 5. Прежде чѣмъ какой либо кустъ полевой появился на землѣ,
Прежде чѣмъ какой либо злакъ полевой выросъ.

Быт. 4, 6. Отчего печаленъ ты,
И отчего упало лице твое?

Быт. 12, 3. Я благословлю благословляющихъ тебя,
Я прокляну проклинающихъ тебя.

Быт. 25, 23. Два народа во чревѣ твоемъ
И два племени изъ утробы твоей выйдутъ,
Племя племя пересилитъ
И старшій младшему послужитъ.

Быт. 27, 29. Да послужатъ тебѣ народы,
Да поклонятся тебѣ племена;
Будь владыкой братьямъ своимъ,
Пусть кланяются тебѣ сыны матери твоей.

Быт. 37, 8. Развѣ царемъ ты будешь царить надъ ними,
И владыкой будешь владѣть нами?..

Ср. Быт. 22, 12. 17. 27, 39—40. 37, 34. 41, 27. 28 *и мн.* другія мѣста во всѣхъ другихъ прозаическихъ св. книгахъ.

2. Очень много стиховъ съ *параллельными членами* встрѣчается въ Новомъ Завѣтѣ, написанномъ прозою и на греческомъ, *а не еврейскомъ языкѣ*, Напримѣръ:

Матѳ. 10, 26. Нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы
И тайнаго, что не было бы узнано.

Іоан. 3, 6. Рожденное отъ плоти—плоть
И рожденное отъ духа—духъ.

Іоан. 6, 35. Приходящій ко Мнѣ не взалчетъ
И вѣрующій въ Меня не вжаждетъ.

www.bibleist.ru

Іоан. 3, 20. Всякій, дѣлающій зло, не навидитъ свѣтъ
И не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его;
А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту,
Чтобы явны были дѣла его...

Римл. 9, 2. Великая для меня печаль
И скорбь сердцу моему непрестанная.

Римл. 11, 12. Паденіе ихъ—богатство міру
И оскудѣніе ихъ—богатство язычникамъ.

Римл. 11, 33. Неиспытанны судьбы Его
И неизслѣдованы пути Его.

2 Кор. 6, 2. Вотъ нынѣ время благопріятное,
Вотъ нынѣ день спасенія.

1 Кор. 10, 1. Отцы наши всѣ подъ облакомъ были,
Всѣ сквозь море перешли,
Всѣ въ Моисея крестились
Во облакѣ и въ морѣ....

— — — Вразумляя всякаго человѣка
И уча всякаго человѣка.

Апок. 22, 11. Неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду,
Нечистый пусть еще сквернится;
Праведный пусть еще дѣлаетъ правду
И святый пусть еще святится.

Апок. 22, 17. Жаждущій пусть приходитъ
И желающій пусть беретъ воду жизни.
и проч. и проч.

3. Параллелизмъ встрѣчается у всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ, даже тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную просодію звуковъ. А) Архитектоническій складъ *египетскихъ* надписей

www.bibleist.ru

представляетъ полную аналогію параллелизму библейскому. Напримѣръ о царѣ Сиоѣ (Sethos) говорится:

Сѣкира твоя вознеслась надъ тронами всѣхъ чужихъ странъ,
Мечемъ твоимъ прободены князья чужеземные.

Сезостризъ посвящаетъ обелискъ богу Ра словами:

Сынъ солнца, дающій людямъ жизнь,
Царь—солнце, дарованный людямъ свыше,
Вѣчно живущій и дающій людямъ жизнь,
Тотъ, кто самъ есть жизнь людямъ,
Посвящаетъ памятникъ богу жизни.

О Рамсесѣ III-мъ одна надпись во дворцѣ урочища Медиветъ-Габу говоритъ:

Царь подобенъ льву,
Горный ревъ его потрясаетъ равнину.
Козы трепещутъ предъ быкомъ,
Враги бѣгутъ предъ героемъ.

Всадники его пронзаютъ непріятеля,
Его кони летятъ какъ ястребы.
Онъ несетъ весь край на мощныхъ чреслахъ,
Духъ солнца дышетъ въ сильныхъ членахъ его.

Чистый народъ разрастается въ сіяніи лучей его,
Множится мужами и женами.
Господинъ силы разливаетъ жизнь, подобно солнцу,
Краса его сіятъ надъ страной, подобно солнцу.

Или вотъ еще мѣсто изъ надписи, вырѣзанной на тѣлѣ большаго жука—скарабея, прочитанное Ретомъ:

Геній небесный исходитъ на битву,
Богъ солнца свершаетъ свой путь, расчищая пространство;

www.bibleist.ru

Лучезарное течетъ по-небу солнце,
Проливая свѣтъ, свершаетъ теченіе....

Этотъ безспорный параллелизмъ египетскихъ надписей привелъ даже одного изъ изслѣдователей, нѣкоего Руже́ (Revue contemporaine, 1856, стр. 399) къ заключенію, что еврейскій параллелизмъ въ первый разъ сдѣлался извѣстенъ въ поэзіи во время Моисея, заимствовавшаго эту метрическую форму, метръ мысли, у Египтянъ. Но это мнѣніе справедливо отвергается у Фюрста (Geschichte der biblischen Literatur B. 1. S. 447) и Евальда (Allgemeines über die hebr. Dichtung, S. 14, 15). Еврейская поэзія въ своихъ основныхъ формахъ древнѣе Моисея и, кромѣ того, первичныя народныя формы поэзіи вообще никогда не бываютъ снимками съ другихъ поэзій, въ смыслѣ намѣреннаго искусственнаго подражанія.

В) *Индійцы*, какъ извѣстно, имѣютъ особенный звуковой метръ (слока), независимый отъ риѳма мысли и состоящій въ томъ, что стихъ слагается изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ въ первой исключительно считается только количество слоговъ, а во второй соблюдается послѣдовательный риѳмъ долгихъ и короткихъ. Такимъ образомъ риѳмъ мысли, или параллелизмъ членовъ, здѣсь не долженъ встрѣчаться, потому что, по принятому общему правилу, риѳмъ мысли представляетъ противоположность обыкновенной просодіи звуковъ. Между тѣмъ въ Ведахъ нерѣдко встрѣчается самый разнообразный параллелизмъ, не смотря даже на ихъ эпическое содержаніе. Напримѣръ:

Боги, дайте намъ слышать благое ушами нашими,
Дайте, вѣчные, видѣть благое очами нашими,
Чтобы прожить намъ богодарованную жизнь,
Чтобы славить васъ крѣпкими членамя и тѣлами,

www.bibleist.ru

Или: Будь у тебя, Индра, сто небесъ и земель, онѣ не обнимутъ тебя,
Даже тысячѣ солнцъ не обнять тебя, громовержецъ,
Всему бытію не обнять тебя, всѣмъ мірамъ не обнять.

Или: Дни за днями слѣдуютъ чредой,
Смѣняются другъ другомъ времена года;
Все имѣетъ долю въ жизни,
Старшіе смѣняются младшими.

Или: Какъ строилось прекрасное зданіе (земля)
Когда положена ему основа?
Когда Висвакарма создалъ землю,
Раскинулъ своды неба?
Единый, онъ создалъ небо рукою,
Сотворилъ землю ногою.
Скажите, мудрые, кто наибольшій надъ мірами,
Кто всѣмъ имъ вождь великій?
Господь святаго звука Висвакарма,
Быстрый какъ полетъ мысли!
Да внемлетъ онъ этой мольбѣ,
Да подастъ намъ защиту и счастіе.

C) *Китайцы*, отличающіеся между всѣми народами необыкновенною бережливостію слова и мысли, и имѣющіе свой особенный метръ, состоящій въ томъ, что каждая строка слагается изъ равнаго числа односложныхъ словъ, и нѣсколько строкъ связываются вмѣстѣ однозвучною риѳмою, имѣютъ параллелизмъ членовъ и главнымъ образомъ параллелизмъ средній, состоящій изъ сравненій, проходящихъ часто чрезъ всю пѣсню, такъ что, читая однѣ нечётныя строки, получаемъ здѣсь развитіе образа

www.bibleist.ru

изъ внѣшней природы, а въ строкахъ чётныхъ найдемъ чувство, мысль или истор. фактъ. Напримѣръ:

Всѣ персики съ дерева попадали, остается на немъ только семь,
Кто ищетъ счастія, будь внимателенъ не прозѣвать-бы.

Всѣ персики съ дерева попадали, остается на немъ только три,
Кто ищетъ счастія, не мѣшкай, спѣши, торопися.

Всѣ персики съ дерева попадали, не осталось на немъ ни одного,
Кто ищетъ счастія, тотъ и убирай все какъ знаешь.

Или: Ахъ какъ высоко надъ нами небо!
А нельзя стоять подъ нимъ—гнететъ.
Ахъ какъ тверда земля подъ нами!
А нельзя ступить по ней—дрожитъ.

D) Что касается народовъ европейскихъ, то ихъ отношеніе къ параллелизму достаточно можно будетъ видѣть, если мы представимъ здѣсь примѣръ нѣмецкаго и русскаго параллелизма. Не смотря на то, что народная *нѣмецкая* поэзія имѣетъ особенную просодію, параллелизмъ членовъ здѣсь весьма частъ. Напримѣръ, изъ Sigurdrifumal:

2. Lengi ek svaf,
Lengi ek sofnudh var.
3. Heil dagr,
Heilir dags synir.

Независимо отъ народной поэзіи, міровые поэты Германіи также пользуются подобною параллельною постановкою строкъ, впрочемъ только тамъ, гдѣ рѣчь имѣетъ простой, разговорный характеръ. Напримѣръ Гёте, Mailied:

www.bibleist.ru

Wie herrlich leuchtet
Mir die Natur!
Wie glänzt die Sonne,
Wie lacht die Flur!
Es dringen Blüten
Aus jedem Zweig
Und tausend Stimmen
Aus dem Gesträuch и проч.

Еще чаще этотъ разговорный параллелизмъ встрѣчается у Шиллера. Напримѣръ его Idealen:

So willst du treulos von mir scheiden
Mit deinem holden Phantasien,
Mit deinen Schmerzen, deinen Freuden,
Mit allen unerbittlich fliehn?
Kann nichts dich, Fliehende, verweilen,
O meines Lebens goldne Zeit?
Vergebens! Deine Wellen eilen
Hinab in's Meer der Ewigkeit.
Erloschen sind die heitern Sonnen,
Die meiner Iugend Pfad erhellt,
Die Ideale sind zerronnen,
Die einst das trunkne Herz geschwellt,
Er ist dahin der süsse Glaube
An Wesen, die mein Traum gebar,
Der rauhen Wirklichkeit zum Raube,
Was einst so schön, so göttlich, и проч.

Е) Наконецъ весьма богатый параллелизмъ можно встрѣчать въ каждой нашей народной былинѣ и пѣсни. Вотъ пара примѣровъ.

Народная пѣснь про смерть царя Ивана Васильевича (1584 года).

www.bibleist.ru

Ужъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему:
Изъ за облочка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?...
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
У Михайла у Архангела,
У собора у Успенскаго.—
Ударили въ большой колоколъ
Раздался звонъ по всей матушкѣ—сырой землѣ;
Соѣзжалися всѣ князья бояре,
Собиралися всѣ люди ратные.
Во соборѣ то во Успенскіимъ
Тутъ стоитъ новь кипарисовъ гробъ.
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичь....
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ его царскій вѣнецъ,
Въ ногахъ его вострый грозный мечь.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу каждый кланяется,
На грозный мечь взглянетъ—всякъ ужáхнется.

Народная пѣснь про тихій Донъ:

Какъ ты батюшка славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичь!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстерь бѣжишь,
Ты быстерь бѣжишь, все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,

www.bibleist.ru

Помутился ты съ верху до низу.
Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:
Ужь какъ-то мнѣ все мутну не быть,
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, донскихъ козаковъ;
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

Независимо отъ нашей народной поэзіи, параллелизмъ можно встрѣчать отчасти у всѣхъ нашихъ поэтовъ до Пушкина, особенно у Державина, Жуковскаго и Кольцова.

4. Наоборотъ многія, безспорно поэтическія, пѣсни и отдѣлы самаго Ветхаго Завѣта не имѣютъ параллелизма. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, книга «Плачь», басня Іонафана Суд. 9, 8—15, признаваемая обыкновенно за прозаическій отрывокъ, но имѣющая равномѣрное строфическое раздѣленіе, свойственное исключительно поэзіи, парабола Нафана 2 Сам. 12, 1—4 и многія мѣста книги Когелетъ.

5. Съ другой стороны не рѣдко въ пророческихъ и поэтическихъ книгахъ Ветхаго Завѣта можно встрѣчать излишній, съ точки зрѣнія риѳма мысли, параллелизмъ, когда, напримѣръ, одна и таже мысль, переступая черезъ стихъ, повторяется во всей пѣсни. См. Псаломъ 29-й, повторяющій почти въ каждой строкѣ выраженіе *голосъ Іеговы*, съ различными эпитетами.

6. Полнота библейскаго параллелизма, какъ вѣрно опредѣляетъ Евальдъ, стоитъ въ прямомъ отношеніи къ древности книги или пѣсни: чѣмъ древнѣе пѣснь, тѣмъ параллелизмъ ея совершеннѣе, а тупой параллелизмъ возможенъ только въ позднѣйшее время. Оттого Коранъ Магомета, заимствовавшій много своего содержанія изъ Ветхаго Завѣта, даже вовсе не принялъ параллелизма въ его полныхъ формахъ.

И такъ параллелизмъ есть нѣчто *всеобщее*, *существующее*,

www.bibleist.ru

въ самыхъ различныхъ степеняхъ, у всѣхъ народовъ, какъ въ прозаическихъ [1]), *такъ и въ поэтическихъ сочиненіяхъ,—не-*

[1]) Изъ прозаическихъ сочиненій мы указали только св. книги Ветхаго и Новаго Завѣта, потому что всѣ первобытные памятники другихъ народовъ принадлежатъ только къ области поэзіи. Впрочемъ о древнерусскихъ *прозаическихъ* памятникахъ можно прибавить, что они, также какъ и былины, имѣютъ параллелизмъ, хотя скрытый. Вотъ, напримѣръ, мѣсто изъ слова Серапіона, епископа Владимірскаго, жившаго во время нашествія татаръ и скончавшагося въ 1275 году. Приводимъ его безъ всякихъ измѣненій, только въ раздѣленіи строкъ, требуемомъ теоріею параллелизма.

Чего не приведохомъ на ся?
Кія казни отъ Бога не воспріяхомъ?
Не плѣнена ли бысть земля наша?
Не взяты ли быша грады наши?
Не вскорѣ ли падоша отцы и братія трупіемъ?
Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ?
Въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ,
И воздыханіе наше сушитъ кости наши.
Разрушены божественныя церкви,
Потоптана быша святая нашя.
Плоти преподобныхъ птицамъ повержены быша,
Кровь отецъ и братій, аки вода, землю напои.
Князей нашихъ,
Воеводъ крѣпость исчезе.
Селы наша лядиною поростоша,
Красота наша погибе.
Богатство наше инѣмъ въ корысть бысть,
Земля наша иноплеменникомъ въ достояніе бысть.
Поношеніе быхомъ живущимъ вскрай земли нашея,
Въ посмѣхъ быхомъ врагамъ нашимъ.
Чтоже подобаетъ намъ творити да злая престанутъ
Вся, яже томятъ ны?
Помяните написано еже любити другъ друга;
Еже милость любити ко всякому человѣку;

*

зависимо отъ того будетъ ли поэзія просодическая (т. е. имѣющая какой либо особенный метръ, независимый отъ метра мысли) *или не просодическая,—и постепенно исчезающее у всѣхъ народовъ съ развитіемъ аналитическаго движенія мысли, вмѣсто первоначальнаго синтетическаго.* Другими словами: параллелизмъ есть обыкновенный древній способъ выраженія мысли всѣхъ народовъ, не только не отличающій поэзіи отъ прозы, но именно представляющій нѣчто связывающее между собою древнюю прозу и поэзію.

Если обнажить отъ внѣшнихъ покрововъ слова движеніе и ходъ человѣческой мысли, то окажется, что всякая связь между мыслями есть *связь противоположностей* въ широкомъ смыслѣ этого выраженія. Мыслить значитъ вызывать въ сознаніи тѣ или другія комбинаціи противоположностей, безъ которыхъ, вообще говоря, не мыслимо движеніе. Такими противоположностями, по которымъ идетъ мысль, служатъ: бытіе и небытіе вообще (положенія и отрицанія), явленія внѣшней природы и аналогическія явленія духа человѣческаго (сравненія), самостоятельность и зависимость (причина и слѣдствіе) и т. д. Вообще нельзя указать мыслей, отношеніе между которыми трудно было бы такъ или иначе подвести подъ понятіе противоположности. А такъ какъ для противопоставленія нужны *два* факта, то единицею, опредѣляющею мышленіе, служатъ двѣ связанныя между собою мысли. Несправедливо считаютъ простѣйшею единицею мышленія силлогизмъ въ его *трехъ* членахъ. Силлогизмъ уже сложная единица,

---

Еже любити ближняго своего аки и себѣ;
Еже не воздати зла противу злу.
Ничегоже тако ненавидитъ Богъ, яко злопамятива;
Како речемъ: Отче, остави намъ! а сами не оставляюще.
Въ нюже мѣру мѣрите
Отмѣритъ вы ся.

www.bibleist.ru

образованная изъ различныхъ противоположностей. Когда я говорю: «всѣ люди умираютъ, N есть человѣкъ, слѣдовательно N умретъ»; то я связываю здѣсь двѣ уже готовыя противоположности: α) человѣчество какъ родъ и отдѣльное лицо, β) аттрибутъ общаго исчезновенія или прекращеніе рода и смерть недѣлимаго. Подобное мышленіе силлогизмами есть искусственное дальнѣйшее построеніе въ области сознанія. Въ періодъ же безъискусственнаго роста человѣческаго слова и мысли вызываемыя по противоположеніямъ представленія стаютъ одна подлѣ другой въ своей первоначальной непосредственности. Такъ, напримѣръ, приведенный силлогизмъ, по духу древняго образа выраженія, долженъ былъ выразиться приблизительно слѣдующими предложеніями: многіе люди отвѣка существовали на землѣ; N также существуетъ на землѣ; всѣ существовавшіе на землѣ праотцы умерли; N существующій на землѣ умретъ. Это единицы мышленія, состоящія всегда изъ двухъ моментально вызывающихъ одна другую противоположностей, суть ничто иное, какъ *стихъ изъ двухъ параллельныхъ членовъ*. Такимъ образомъ то, что называютъ обыкновенно поэтическимъ параллелизмомъ, въ сущности есть простой первичный способъ выраженія мысли. Если обыкновенно параллелизмъ опредѣляютъ какъ соединеніе одинаковыхъ, а не противоположныхъ мыслей; то это не болѣе какъ оптическій обманъ, потому что сопоставленіе подобнаго и сходнаго въ сущности всегда есть противопоставленіе; если два члена библейскаго стиха говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ, то они непремѣнно касаются какихъ либо особенныхъ противоположныхъ свойствъ и дѣйствій; когда же бываютъ тожественны свойства и дѣйствія, непремѣнно указываются различные предметы и лица.—Ни слова, и при нашемъ взглядѣ, параллелизмъ въ смыслѣ попарнаго возникновенія мыслей, понятій и представленій въ духѣ человѣка, заключаетъ въ себѣ своего рода ритмъ, поколику ритмъ чувствуется вездѣ, во всѣхъ явленіяхъ природы и чело-

www.bibleist.ru

вѣческаго духа. Но отъ этого естественнаго универсальнаго ритма до опредѣленной метрической формы поэзіи такъ же безконечно далеко, какъ отъ перваго звука человѣческаго голоса, заключающаго въ себѣ implicite всѣ ударенія и всѣ долгіе и короткіе звуки, до опредѣленнаго тоническаго или метрическаго стопосложенія. Между тѣмъ, тогда какъ первобытное человѣческое удареніе идетъ постепеннымъ развитіемъ до опредѣленнаго поэтическаго метра, параллелизмъ идетъ обратнымъ путемъ. Чтобы найти его въ полномъ развитіи, мы должны обращаться къ первобытнымъ временамъ человѣчества вообще и каждаго народа въ отдѣльности. Съ теченіемъ времени у всѣхъ народовъ этотъ естественный ритмъ скрывается, оттого что возникающія въ созваніи противоположности, отъ продолжительной практики мысли, постепенно болѣе и болѣе сближаются между собою, такъ что мысль, вмѣсто прямаго параллельнаго движенія по противоположностямъ, начинаетъ двигаться такъ сказать по *діагонали параллелограма*. Напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать: *гибель на языкѣ нечестивыхъ, кто слушаетъ ихъ погибнетъ,* мы говоримъ: *совѣты нечестивыхъ пагубны*, т. е. изъ двухъ параллельныхъ предложеній дѣлаемъ одно, стоящее на срединѣ между тѣмъ и другимъ предложеніемъ, но несовпадающее ни съ однимъ изъ этихъ предложеній, взятыхъ отдѣльно. Впрочемъ, въ сущности, всякая человѣческая мысль всегда содержитъ скрытый ритмъ параллелизма, и уже на немъ, какъ первоначалѣ всякаго движенія мысли, устанавливается метръ и ритмъ поэтическій, имѣющій всегда независимое отъ мысли происхожденіе. Для перваго же взгляда параллелизмъ нашей разговорной и литературной рѣчи непримѣтенъ вслѣдствіе того, что у насъ каждая, даже самая простая, мысль высказывается не въ той нагой непосредственности, въ какой она вызвана въ сознаніи, а въ новой обточенной формѣ, какую даютъ ей прибавляемыя у насъ къ каждому предложенію *частицы*, образующія такую искусственную связь

www.bibleist.ru

между мыслями, что для непосредственнаго взгляда можетъ казаться, что мысли не возникаютъ противоположеніемъ одна *подлѣ* другой, а въ собственномъ смыслѣ вытекаютъ одна *изъ* другой какою-то непонятною эманаціею. Только въ патетическихъ мѣстахъ, наша рѣчь сбрасываетъ съ себя періодическія построенія съ частицами и приближается къ параллелизму; такого рода примѣры часто можно видѣть у проповѣдниковъ, не порабощенныхъ схоластикою. Но, повторяемъ, и всякая вообще рѣчь, если только обчистить ее отъ періодовыхъ частицъ, обнаружитъ тотъ же неизбѣжный параллелизмъ. Вотъ, напримѣръ, совершенно прозаическая характеристика Василія Ивановича Шуйскаго изъ исторіи Карамзина:

«Если всякаго вѣнценосца избраннаго судятъ съ большею строгостію, нежели вѣнценосца наслѣдственнаго, если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно; то какія достоинства для царствованія мирнаго надлежало имѣть новому самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ? Василій, служившій льстивымъ царедворцемъ у Іоанна, достигнувъ вѣнца, могъ быть только вторымъ Годуновымъ—лицемѣромъ, а не героемъ добродѣтели.... Безъ сомнѣнія, уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожъ разумомъ мужа думнаго и свѣденіями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ. Отличаясь невыходною наружностію и качествами вообще нелюбезными, онъ умѣлъ, какъ вельможа, снискать любовь гражданъ соблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обращеніемъ. Если престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность къ легковѣрію и проч.; то престолъ же явилъ для потомства и чрезмѣрную твердость души Васильевой въ борьбѣ съ неодолимымъ рокомъ. Вкусивъ всю сладость державства несчастнаго,

www.bibleist.ru

условленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ на развалинахъ государства».

Отбросивъ частицы, связывающія здѣсь періоды и устранивъ грамматическую зависимость однихъ предложеній отъ другихъ, получаемъ параллельные члены:

Всякаго царя избраннаго судятъ строже чѣмъ наслѣдственнаго,
Отъ него требуютъ рѣдкихъ качествъ...
Новый самодержецъ (Шуйскій) возводится на престолъ клевретами,
Онъ долженъ отличаться великими качествами.
a b c d = 2 : 2.

Василій льстивый царедворецъ Іоанновъ,
Василій можетъ быть только лицемѣромъ—Годуновымъ.
a b = 1 : 1.

Шуйскій уступаетъ Борису въ государственныхъ дарованіяхъ,
Но Шуйскій славится разумомъ...
Шуйскаго считаютъ волхвомъ. a b c = 1 : 2.

Характеръ и наружность Шуйскаго отталкиваютъ,
Его доступность и храненіе обычаевъ привлекаютъ...
a b = 1 : 1.

Престолъ являетъ слабость въ Шуйскомъ.
Престолъ являетъ и его твердость души.... a b = 1 : 1.

---

www.bibleist.ru

Василій вкушаетъ сладость несчастнаго управленія,
Василій узнаетъ вѣнецъ какъ наказаніе,
Василій падаетъ вмѣстѣ съ государствомъ.

$\underset{\smile}{a}\underset{\smile}{b}c = 1 : 1 : 1.$

И наоборотъ, стоитъ только древніе параллельные члены обставить объусловливающими нашу рѣчь частицами, чтобы изъ библейскаго стиха образовалась наша обыкновенная проза. Напримѣръ, *третій псаломъ*, по нынѣшнимъ правиламъ рѣчи, будетъ имѣть такой видъ:

«Хотя много было у меня враговъ, возставшихъ на меня и утверждавшихъ, что я не найду спасенія отъ Бога; но Іегова оставался какъ щитъ около меня, былъ моею славою и гордостію. Лишь только я взывалъ къ Богу, Онъ внималъ мнѣ съ Своей святой горы, такъ что я могъ спокойно ложиться, спать и вставать, зная, что Іегова ограждаетъ меня, не боясь темъ народа, ополчившагося противъ меня» и проч.

Исключеніе изъ закона параллельнаго движенія человѣческой мысли представляютъ *историческія* сочиненія, въ которыхъ можетъ противопоставляться только одновременность или послѣдовательность фактовъ. Оттого въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, гдѣ описывается ходъ событій, параллелизмъ не даетъ себя чувствовать и изложеніе не отличается отъ нашего; но лишь только историкъ отвлекается отъ параллели въ фактахъ, параллелизмъ логическій немедленно дѣлается снова замѣтнымъ. Всѣ воззванія, обращенія, рѣчи, приводимыя въ ветхозавѣтной исторіи, основываются на параллелизмѣ. Даже разговоръ, въ которомъ мысль находитъ свою ритмитическую противоположность только въ мысли другаго лица, дающаго отвѣтъ, укладывается въ параллельные члены, въ томъ смыслѣ, что отвѣтъ, какъ разрѣшеніе вопроса, повторяетъ обнимающее его предложеніе съ при-

www.bibleist.ru

бавкою рѣшающаго момента. Вотъ типическій образецъ такого рода вопросовъ и отвѣтовъ:

Іер. 46, 7. Кто это какъ Іоръ подымается,
Подобно потокамъ вздымаетъ воды свои?.
Египетъ какъ Іоръ подымается,
И подобно потокамъ вздымаетъ воды свои.

a b c d = 2 : 2.

Но если даже отвѣтъ заключаетъ только одинъ рѣшающій моментъ, безъ яснаго повторенія вопроса, то этотъ послѣдній всегда подразумѣвается въ положительномъ или отрицательномъ видѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что, отвергая параллелизмъ какъ метрическую форму, мы вовсе не имѣли въ виду отвлекать отъ его изученія. Напротивъ, изученіе параллелизма всегда будетъ, по нашему мнѣнію, однимъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ библейской экзегетики, но для этого онъ долженъ быть разсматриваемъ на дѣйствительныхъ, а не призрачныхъ началахъ. Намъ кажется, что изученіе параллелизма, въ сферѣ указаннаго нами сейчасъ опредѣленія, и въ соединеніи съ аллитераціею, можетъ повести къ весьма важнымъ результатамъ въ рѣшеніи многихъ вопросовъ священной библіологіи, тогда какъ изученіе параллелизма въ смыслѣ метрической формы, во всю свою продолжительную исторію, оставалось безплоднымъ, стоя въ сторонѣ отъ рѣшенія спорныхъ экзегетическихъ вопросовъ. Но, съ другой стороны, параллелизмъ, понятый нами въ простомъ широкомъ смыслѣ обыкновеннаго прозаическаго древняго образа рѣчи, выдвигаетъ снова вопросъ, составляющій сущность нашего изслѣдованія, вопросъ, который, при другомъ взглядѣ на параллелизмъ, мы могли бы считать теперь конченнымъ, именно: *въ чемъ состоитъ сущность ветхозавѣтнаго поэтическаго метра?*

---

www.bibleist.ru

Сущность библейскаго стихометра. Акцентуація полупоэтическая и поэтическая. Библейская строфика. Метръ по различію родовъ сочиненій. Заключеніе.

Мы не разъ говорили о ближайшей связи поэзіи съ музыкою. Почти всѣ древніе народы Индійцы, Персы, Арабы, Греки, также какъ нынѣшніе Турки, употребляли только такіе музыкальные напѣвы, которые нераздѣльны были отъ ихъ поэтическаго метра. Не иначе, какъ въ этомъ именно смыслѣ, нужно понимать и извѣстное свидѣтельство Платона, что древніе пѣвцы имѣли всегда предъ глазами одну норму при исполненіи пѣсней, отъ которой не должны были уклоняться. (См. Тр. К. Ак. 1871. Дек. стр. 377). Совершенно несправедливо это свидѣтельство de-la-Fage (Histoire de la musique, t. 1. p. 450) объясняетъ въ томъ смыслѣ, что книжный метръ былъ началомъ всѣхъ музыкальныхъ мелодій народа. Намъ представляется это обстоятельство совершенно въ обратномъ видѣ, потому что прежде чѣмъ, напримѣръ, санскритскій стихъ получилъ окончательную санкцію въ пѣсняхъ Ведъ, напѣвы должны были уже существовать въ народѣ, такъ что, если есть сходство между музыкальными напѣвами и метрическими формами различныхъ народовъ, то это произошло отъ того, что первоначальные поэты въ складкѣ стиховъ всегда поддѣлывались подъ народные музыкальные мотивы. Не даромъ въ Библіи нѣтъ слова для обозначенія стихотворнаго метра, но есть много словъ изъ музыкальной терминологіи. Этимъ объясняется также и то, что древнѣйшія литературныя произведенія не только пѣлись, но даже и читались подъ музыку. Что древній пѣвецъ, взявшись за лиру, уже имѣлъ въ виду извѣстный музыкальный напѣвъ, съ которымъ ему нужно было сообразоваться въ составленіи пѣсни, это ясно видно, наконецъ, изъ того, что напѣвовъ всегда бываетъ опредѣленное ко-

www.bibleist.ru

личество (у древнихъ даже весьма незначительное), а слова какой-бы ни было мысли удобно могутъ быть подобраны подъ всякую музыку. Такимъ образомъ и боговдохновенные пѣвцы еврейскіе строили свои священные псалмы и пѣсни, спослушествуя еврейскому музыкальному генію, тѣмъ типичнымъ народнымъ напѣвамъ, которые, какъ говоритъ Платонъ, творитъ народъ нѣкоторымъ божественнымъ искусствомъ (ποιεῖσαι θείᾳ τέχνῃ), и не можетъ не творить въ предѣлахъ своей собственной природы, какъ не можетъ не звучать серебро своимъ собственнымъ серебрянымъ звукомъ, дерево своимъ деревяннымъ звукомъ, вода своимъ плескомъ и т. д. и т. д.

Но въ музыкѣ вообще нужно различать два момента.

I. Музыку поколику она неразрывна съ пляскою. Съ этой стороны музыка есть только равномѣрная поступь и можетъ ограничиваться выбиваніемъ барабана или бубна. Опредѣлить музыкальный тактъ или метръ съ этой стороны весьма не трудно. Мѣрное движеніе двухъ ногъ, это естественное ритмическое движеніе, есть вмѣстѣ основаніе и плясоваго такта. Чтобы быть точнѣе, эти два элемента ритма можемъ раздѣлить далѣе на простѣйшія единицы, такъ какъ движеніе каждой ноги состоитъ одинаково изъ поднятія и опущенія, или, выражаясь принятыми терминами, повышенія и пониженія. Такимъ образомъ единицею музыкальнаго движенія здѣсь служитъ аккордъ изъ четырехъ моментовъ, двухъ повышеній и двухъ пониженій. Этотъ первобытный тактъ чувствуется въ индійской слокѣ, въ арабскомъ баитъ, въ хорахъ греческихъ трагедій, въ пѣсняхъ Едды и многихъ нѣмецкихъ и русскихъ народныхъ пѣсняхъ. У Индійцевъ даже названіе поэтическаго метра tal взято отъ имени пляски, именно изъ двухъ начальныхъ буквъ слова tand, означающаго танецъ Мугадева и первой буквы слова las, другой танецъ, приписываемый женѣ Мугадева. Этотъ универсальный метръ болѣе или менѣе долженъ былъ чувствоваться и въ музыкѣ

www.bibleist.ru

древнееврейской, поколику она соединялась иногда съ пляскою. Слѣды этого метра можно видѣть въ мазоретскомъ расположеніи удареній по *слогамъ*. Именно, главное удареніе обыкновенно помѣщается на послѣднемъ слогѣ слова, имѣя предъ собою пониженный звукъ, но третій слогъ отъ конца получаетъ снова удареніе (метегъ), предъ которымъ снова идетъ пониженный слогъ. Такъ какъ этотъ метръ обязанъ своимъ происхожденіемъ связи музыки съ пляскою; то онъ не имѣетъ никакого отношенія къ мысли и можетъ даже исполниться во всѣхъ своихъ моментахъ на одномъ словѣ. Онъ имѣлъ свое вліяніе на внѣшнее построеніе стиха, какъ это видно изъ перемѣнъ, испытываемыхъ гласными, смотря потому приходятся ли онѣ въ какомъ либо изъ двухъ ударѐній, или въ слогахъ безтонныхъ. Но, говоримъ, отъ этого метра остались только нѣкоторые слѣды. Мазореты не проводятъ его вездѣ; но уже тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ выставляется въ пунктаціи, достаточно для того, чтобы видѣть насколько не чуждъ былъ и евреямъ первичный, универсальный тактъ всякой музыки и поэзіи, исполняемый въ человѣкѣ, по выраженію Гердера, стремленіемъ и средствами самой природы.

II. Но это только одна грубѣйшая сторона музыкальнаго и поэтическаго метра, встрѣчающаяся, въ своемъ чистомъ видѣ, только у самыхъ простыхъ некультированныхъ народовъ. Другой элементъ музыки, какъ выраженія человѣческаго чувства и душерасположенія, своими высшими нотами обыкновенно, если не закрываетъ совершенно, то, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ менѣе чувственнымъ плясовой тактъ, живущій во всякой музыкѣ. Если Ернестъ Мейеръ (loco citato) всю библейскую поэзію ограничилъ только этимъ низшимъ метромъ и древнееврейскихъ музыкантовъ и поэтовъ представилъ барабанщиками, выбивающими своему народу безконечный, монотонный военный маршъ; то онъ погрѣшилъ противъ самой исторіи. Кромѣ бубна и барабана, которыми Мейеръ

www.bibleist.ru

ограничилъ древнееврейскую музыку, съ древнѣйшаго времени у евреевъ существовали высшіе роды инструментовъ, имѣющіе назначеніемъ передачу высшихъ движеній человѣческаго сердца, какъ сама жизнь разнообразныхъ и какъ эта же жизнь трепетно волнующихся. Конечно и выраженіе чувства должно имѣть свой метръ, иначе не было бы въ немъ никакой музыки и поэзіи; но этотъ метръ, по своей широтѣ и свободѣ, напоминаетъ скорѣе пульсацію человѣческой крови, то широко разливающейся по организму, то сжимающейся въ полости сердца, чѣмъ мѣрное шаганіе салдата. Съ другой стороны, въ опредѣленіи высшаго поэтическаго метра, незачѣмъ, какъ мы видѣли, уединяться въ область чистой мысли, поколику всякая мысль есть отвлеченіе отъ факта, отъ жизненнаго тока бытія, нѣчто стоящее надъ нимъ и только освѣщающее его своимъ содержаніемъ. Основаніемъ метра могутъ здѣсь служить только мотивы, кроющіеся въ моральномъ расположеніи и характерѣ народа и открывающіеся въ особенной наклонности его языка къ одному изъ трехъ, извѣстныхъ въ наукѣ о поэзіи человѣческой, родовъ метра. Особенности древнееврейскаго языка показываютъ: α) что стихосложеніе библейское не могло основываться, какъ греческое и римское, на различіи долгихъ и короткихъ звуковъ, потому что, какъ мы говорили выше, такаго различія еврейскій языкъ вообще не зналъ; β) что оно не можетъ быть также стихосложеніемъ силлабическимъ, основывающемся на количествѣ слоговъ и свойственнымъ языкамъ, ударяющимъ слова всегда на опредѣленномъ мѣстѣ, какъ напр. французскому языку, ударяющему слова всегда на послѣднемъ слогѣ, польскому, ударяющему всегда на предпослѣднемъ, англійскому на первомъ; между тѣмъ еврейскій языкъ ударяетъ слова на послѣднемъ и предпослѣднемъ слогѣ. γ) Остается предположить въ древнееврейскомъ языкѣ тоническое стопосложеніе, такъ какъ другихъ стихосложеній наука и не знаетъ. *Тоническое* стихосложеніе, дѣйствительно, есть самое простое и вѣроятно самое древнее изъ всѣхъ извѣстныхъ стихосложеній, потому что

www.bibleist.ru

интонаціи или ударенія всегда играютъ первостепенныя роли въ первичномъ періодѣ развитія всѣхъ языковъ (Memoire sur l'origine de la Musique par Beaulieu. 1863), такъ что каждый народъ, прежде чѣмъ онъ научится считать слоги, или раздѣлять долгія и короткія, необыкновенно гибко и искусно владѣетъ уже удареніями, сообщающими всему языку пѣсенный характеръ. «У жителей Кохинхины, говоритъ Leon de Rosny (стр. 301), всѣ слова односложны и народъ различаетъ ихъ значенія только посредствомъ различныхъ удареній въ произношеніи, такъ что здѣсь никогда не говорятъ безъ того, чтобы не пѣть». Китайскій языкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи всего какихъ нибудь 450 раздѣльныхъ звуковъ, но посредствомъ этихъ звуковъ интонаціею различается около 50,000 различныхъ понятій или словъ. Въ настоящее время такое неограниченное господство удареній потерялось, хотя въ разговорномъ языкѣ кое-что сохранилось и у насъ отъ этой способности: мы различаемъ удареніемъ вопросительную фразу отъ утвердительной (есть? есть). Мы произносимъ *да* совсѣмъ иначе когда хотимъ сказать *пожалуй*, иначе когда подразумѣваемъ *конечно* (да, еще-бы!), иначе когда спрашиваемъ (да? т. е. въ самомъ дѣлѣ?), иначе когда заключаемъ фразу (да, такъ вотъ какое дѣло).—Но, говоря о тоническомъ первосложеніи стиховъ, мы разумѣемъ не то стихосложеніе, которое господствуетъ въ нѣмецкой поэзіи, а со времени Ломоносова въ русской, но подобное тому, какое искони существуетъ въ нашей народной поэзіи, именно то, въ которомъ *ударяются не отдѣльные слоги, а цѣлыя слова*, которыя, въ первобытномъ состояніи языка, должны были представляться народному поэтическому творчеству неразрывнымъ цѣлымъ. Вотъ примѣръ такаго стихосложенія:

Ты—воспой | воспой
Младъ—жавроночекъ,

Сидючи | весной
На—проталинкѣ..

Или вотъ стихъ Пушкина, составленный по подражанію нашему народному стиху:

Жилъ—старикъ | со своею—старухой
У самаго | синяго —моря;
Они—жили | въ ветхой—землянкѣ
Ровно—тридцать—лѣтъ | и три—года.
Старикъ—ловилъ | неводомъ—рыбу,
Старуха—пряла | свою—пряжу.

Признавая, такимъ образомъ, въ библейской поэзіи тоническое стихосложеніе, основывающееся на удареніи, поднимающемъ или опускающемъ не отдѣльные слоги, а цѣлыя слова, мы основываемся исключительно на системѣ мазоретскихъ акцентовъ. Что библейская акцентуація можетъ быть понимаема въ смыслѣ просодическихъ знаковъ, это можно видѣть изъ того, что ею же пользовались съ давняго времени какъ нотами для пѣнія, между тѣмъ какъ у древнихъ знаки нотные и просодическіе были одно и тоже (Histoire de la musique par de la Fage, t. I, p. 450). Кромѣ того эта акцентуація, обставляя знаками каждое слово въ Библіи, вполнѣ подтверждаетъ за собою характеръ древнѣйшаго народнаго стихосложенія и рѣчи, когда слово еще не дѣлилось на слоги съ одной стороны и съ другой въ каждомъ данномъ случаѣ имѣло свою особенную интонацію или удареніе, т. е. пѣлось, а не читалось.

Библейская акцентуація состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ системъ знаковъ: собственно *поэтической* и *полупоэтической*.

www.bibleist.ru

У древнихъ восточныхъ народовъ прозы въ собственномъ смыслѣ не было, а различались только произведенія болѣе поэтическія и менѣе поэтическія, т. е. строже выдерживающія метрическое построеніе и менѣе. Такимъ образомъ у древнихъ индійцевъ пѣлись въ народѣ пѣсни, называвшіяся dhoorpuds, построеніе которыхъ не можетъ быть названо собственно поэтическимъ (Hist. de la musique par de-la Fage t. 1. 450). Точно также у арабовъ существуетъ большая литература подъ именемъ полупоэтической. Такимъ же образомъ у мазоретовъ вся Библія является поэтическимъ произведеніемъ въ отношеніи своего языка и располагается по стихамъ, съ тѣмъ раздѣленіемъ, что три книги, именно: книга Іова съ 3 гл. 3 ст. до 42 гл. 7 ст., книга Притчей и Псалмовъ (אמ״ת) признаны вполнѣ поэтическими, а всѣ остальныя полупоэтическими. Сообразно съ такимъ раздѣленіемъ, первыя книги имѣютъ особенное построеніе акцентовъ, отличное отъ построенія книгъ полупоэтическихъ. Отличіе этихъ двухъ системъ собственно состоитъ въ томъ, что поэтическая система имѣетъ въ виду исключительно метръ стиха, тогда какъ полупоэтическая въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединяетъ музыкальное значеніе акцентовъ съ значеніемъ нашихъ знаковъ препинанія. Но что, вообще говоря, и акценты прозаическихъ книгъ Ветхаго Завѣта раздѣляютъ рѣчь метрически, это достаточно видно изъ общаго построенія мазоретскаго стиха, который, всегда представляя собою въ построеніи знаковъ законченное цѣлое, далеко не всегда есть цѣлое въ отношеніи къ содержанію. Въ перечняхъ, родословныхъ, и вообще въ изложеніи историческихъ обстоятельствъ, стихъ иногда не обнимаетъ не только всей мысли, но даже одного вводнаго предложенія, между тѣмъ какъ соотвѣтствующіе стиху акценты сполна успѣли найти мѣсто въ стихѣ (ср. Нав. 12, 9—24. Ис. 3, 18—23. Іер. 48, 21—25 и мн. др.). Съ другой стороны, въ построеніи библейскаго стиха не только полупоэтическаго, но и собственно поэтическаго, вездѣ обращаетъ на себя вниманіе ви-

www.bibleist.ru

димая взаимная несоизмѣримость стиховъ между собою; послѣ весьма укороченнаго стиха непосредственно можетъ стоять самый обильный стихъ, превышающій въ два и три раза стихъ сосѣдній. Это видимое противорѣчіе закону поэтической и музыкальной равномѣрности очень обыкновенно во всѣхъ древнихъ восточныхъ поэзіяхъ и есть слѣдствіе необыкновенной силы и стремительности чувства восточныхъ поэтовъ, не понятной для охладѣвшаго въ разсудочномъ анализѣ чувства поэтовъ европейскихъ. Вотъ какъ описываетъ Виллярдъ (A treat. of the mus. of Hind. p. 35) поэтическую и музыкальную композицію древнихъ индусовъ: «природа и духъ индійской поэзіи и музыки не только позволяла, но даже предписывала поэтамъ и музыкантамъ не повторять однообразно одной и тойже метрической постановки и напѣва; такимъ образомъ, оставаясь въ основѣ всегда вѣрными извѣстному сложенію стиха и напѣву, пѣвцы обыкновенно прерываютъ мѣру то въ концѣ, то въ началѣ, то въ серединѣ, внося разнаго рода расцвѣченія въ строгій порядокъ метрики, называемыя *alap*. Мѣста этого рода вставокъ не могутъ быть разсматриваемы какъ существенныя въ мелодіи, тѣмъ не менѣе ихъ можно встрѣчать непрерывно, хотя предѣлы мелодіи указываютъ всегда и основныя неизмѣняющіяся ноты». Совершенно тоже самое представляютъ библейскіе стихи какъ книгъ поэтическихъ, такъ и полупоэтическихъ. Имѣя всегда одну и туже основную норму построенія, мазоретскіе акценты постоянно то разщепляются припятіемъ вставныхъ нотъ (впрочемъ только въ началѣ и въ серединѣ, но не въ концѣ), то сокращаются, смотря по той или другой стремительности чувства въ стихѣ, а иногда и богатства содержанія. Въ этомъ отношеніи грамматики не дурно сравнивали библейскіе стихи съ сѣтью, которая, смотря по широтѣ теченія, можетъ то далеко растянуться, то сжаться въ самый короткій объемъ, не переставая быть тожественною.

Сущность всякаго метра состоитъ въ закономѣрномъ повто-

www.bibleist.ru

реніи различныхъ тоновъ, такъ какъ постоянное повтореніе одной и тойже ноты есть именно отсутствіе всякаго метра. На этомъ основаніи библейская акцентуація различаетъ: 1) *Сильные и слабые звуки.* Сильные звуки могутъ быть такими только по противоположности слабымъ и наоборотъ, такъ что одинъ и тотъ же звукъ можетъ быть то сильнымъ, то слабымъ, смотря по окружающимъ его побочнымъ звукамъ. Такъ какъ сильные звуки отличаются большею самостоятельностію, болѣе выдающимся произношеніемъ, слабые напротивъ легкостію и бѣглостію; то въ этомъ состоитъ первая и важнѣйшая мѣна звуковъ. На языкѣ средневѣковыхъ еврейскихъ учителей всѣ акценты раздѣлялись на *царей* melachim и *слугъ* meschartim, изъ которыхъ первые у христіанскихъ гебраистовъ назывались акценты disjunctivi, потому что въ этихъ пунктахъ голосъ при произношеніи задерживается, а послѣдніе conjunctivi, такъ какъ слабые звуки сливаются при произношеніи. У новѣйшихъ грамматиковъ яснѣе и проще первые называются повышеніемъ (hebungen), а послѣдніе пониженіемъ (senkungen), что соотвѣтствуетъ терминамъ arsis и thesis, ἄξυ и βαρύ. 2) Нѣчто другое представляетъ у мазоретовъ *высота* и *глубина* звуковъ, такъ какъ одинъ и тотъ же сильный или слабый звукъ можетъ быть сопрано или октава. Такъ какъ такое раздѣленіе составляетъ всегда особенность пѣсни, то это снять доказательство на то, что библейскіе акценты служатъ музыкальными или просодическими знаками. Тамъ, гдѣ самая большая глубина совпадаетъ съ самою большею силою звука, происходитъ трудный звукъ, обыкновенно указывающій конецъ члена стиха или паузу, гдѣ голосъ долженъ совершенно прекратиться. 3) Наконецъ нужно различать въ мазоретской системѣ *широту* звука (περισπώμενον), такъ какъ каждый звукъ, за исключеніемъ самаго сильнаго и глубокаго, можетъ болѣе или менѣе протягиваться чрезъ всю свою массу. Широкій звукъ въ мазоретской пунктаціи происходитъ двумя пу-

www.bibleist.ru

тями: α) когда два акцента, при распредѣленіи знаковъ, падаютъ на одно слово; тамъ, вмѣсто двухъ, слышится одинъ широкій звукъ; β) если соединительный акцентъ, по особенной силѣ и важности отдѣльнаго слова, въ данномъ мѣстѣ долженъ разшириться, что обозначается отвѣсною чертою | (pesik).

Но всѣ эти перемѣны звуковъ сами собою еще не даютъ метра. Въ самой этой перемѣнѣ звуковъ долженъ господствовать извѣстный законъ, который дѣлалъ бы изъ простой массы звуковъ нѣчто живое и органически цѣлое. Мазоретская акцентуація въ этомъ отношеніи представляетъ замѣчательный законъ движенія звуковъ въ стихѣ, дышащій совершенно восточною силою и стремительностію чувства. Онъ состоитъ вообще въ томъ, что поэтическая строка начинается самыми высокими нотами, постепенно понижающимися по направленію къ концу строки, но притомъ такъ, что понижающіеся тоны постепенно дѣлаются сильнѣе и въ паузѣ оканчиваются самымъ низкимъ и сильнымъ звукомъ. Два такихъ поднятія и опущенія обыкновенно образуютъ собою въ полупоэтическихъ книгахъ полный стихъ, но въ поэтическихъ книгахъ средній стихъ дается тремя поднятіями и опущеніями, стоящими между собою въ такомъ отношеніи, что средняя часть стиха, въ цѣломъ своемъ объемѣ, представляетъ пониженіе между двумя крайними частями, образующими повышеніе, между тѣмъ какъ строки, образующія полупоэтическій стихъ, близко равны между собою, представляя почти механическое сцѣпленіе двухъ частей стиха въ одно цѣлое. Каждая изъ *строкъ* стиха дѣлится на отдѣльныя малыя части, которыя для отличія мы будемъ называть *членами* стиха.—Для частнѣйшаго разсмотрѣнія намъ необходимо говорить отдѣльно объ акцентахъ полупоэтическихъ и поэтическихъ. Такъ какъ система полупоэтическихъ акцентовъ служитъ основаніемъ акцентовъ поэтическихъ, то ею мы должны начать изслѣдованіе. Но и здѣсь, далѣе, мы

www.bibleist.ru

должны говорить сначала о построеніи акцентовъ нормальномъ, а потомъ о построеніи ненормальномъ или распространенномъ.

Нормальная строка полупоэтическаго стиха, по своему объему, заключаетъ въ себѣ не болѣе пяти членовъ, подобно какъ эпическій стихъ никогда не превышаетъ шести повторяющихся дактилей. Съ другой стороны, подобно гекзаметру, раздѣляющемуся въ своей срединѣ на двѣ части, и мазоретская нормальная строка полупоэтическаго стиха въ третьемъ членѣ, считая отъ конца, раздѣляется на двѣ половины. Обозначая члены латинскими буквами, получимъ формулу строки въ такомъ видѣ: e, d ‖ c, b, a. Такое раздѣленіе членовъ строки на двѣ части мазореты ясно указываютъ тѣмъ, что акценты первыхъ трехъ членовъ, считая отъ конца ставятъ подъ строкой, а послѣднихъ двухъ надъ строкой. На этомъ основаніи, также какъ на основаніи относительной крѣпости членовъ, первая половина, т. е. ближайшая къ концу, можетъ назваться нижнею, а послѣдняя верхнею.

Основнымъ, никогда неизмѣняющимся, членомъ служитъ у мазоретовъ послѣдній членъ стиха, называемый на техническомъ языкѣ *силлукомъ*. Пунктація полупоэтическая начинается тѣмъ, что къ этому основному и конечному члену прибавляются еще два, постепенно ослабѣвающіе въ силѣ, но звучащіе на той же высотѣ, члена, у мазоретовъ названные: *тифша* и *тбиръ*. Эти три члена имѣютъ тѣсную связь между собою, такъ что, если читатель встрѣтилъ въ строкѣ членъ тбиръ, то за нимъ непремѣнно уже онъ долженъ предполагать тифшу и силлукъ. Подъ тремя указанными членами мы разумѣемъ собственно три раздѣлительныхъ акцента. Хотя и сами они различаются по степени силы, но это различіе еще болѣе усложняется тѣмъ, что къ каждому изъ этихъ раздѣлительныхъ акцентовъ, въ большей части случаевъ, прибавляются свои особенные соединительные акценты, или иначе акценты пониженія, различающіеся между собою также по различ-

www.bibleist.ru

нымъ степенямъ силы члена, но не образующіе никогда члена сами собою, подобно раздѣлительнымъ акцентамъ. Соотвѣтственно тремъ указаннымъ раздѣлительнымъ акцентамъ, стоятъ слѣдующіе соединительные: *мерка*, *мунахъ* и *дарга* [1]. По распредѣленіи соединенныхъ акцентовъ при ихъ соединительныхъ, идя отъ конца стиха, получимъ такую формулу трехъ членовъ: *силлукъ*—мерка | *тифша*—мунахъ | *тбиръ*—дарга |. Не многія исключенія изъ этой формулы состоятъ въ томъ, что α) тифша, ближайшій по мѣсту къ заключительному члену и потому называемый его передовымъ звукомъ (Vorton), можетъ, вмѣсто своего соединительнаго акцента, принимать соединительный силлука (Быт. 6, 3); β) равно и тбиръ, вмѣсто своего, принимаетъ соединительный силлука, если между раздѣлительнымъ и соединительнымъ нѣтъ промежуточныхъ слоговъ или есть только одинъ; въ такомъ случаѣ для слога, непосредственно слѣдующаго за раздѣлительнымъ, обыкновенный соединительный третьяго члена былъ бы слишкомъ слабымъ (Быт. 1. 17, 24 и др.); γ) гдѣ смыслъ требуетъ второе слово предъ тифшею произнести быстро и гдѣ въ предложеніи не достаетъ слова для разд. акцента третьяго члена, тамъ онъ соединяется въ одинъ акцентъ съ соединительнымъ втораго члена, если послѣдній отдѣленъ отъ тифши только однимъ слогомъ; въ такомъ случаѣ мазореты ставятъ *двойную мерку* (Быт. 27, 25); δ) въ случаѣ особеннаго недостатка словъ въ членахъ или ихъ вѣскости, члены силлукъ и тифша, вообще терпящіе предъ собою одно пониженіе, могутъ стоять вовсе безъ него, такъ что члены будутъ только съ раздѣлительными акцентами.

Этими тремя членами полупоэтическая строка можетъ и закончиться безъ новыхъ прибавленій. Но гдѣ смыслъ требуетъ

---

[1]) Самые знаки всѣхъ этихъ акцентовъ суть слѣдующіе: ֫ силлукъ, ֪ тифша, ֬ тбиръ; ֥ мерка, ֣ мунахъ, и ֡ дарга.

www.bibleist.ru

вначалѣ строки еще новаго построенія, тамъ открывается другая верхняя строка съ своими особенными членами. Къ сущности верхнихъ членовъ принадлежитъ то, что они слабѣе нижнихъ членовъ и допускаютъ болѣе соединительныхъ акцентовъ, вслѣдствіе чего теченіе рѣчи дѣлается здѣсь быстрѣе и свободнѣе и самый тонъ голоса при произношеніи выше. Такой характеръ верхней половины строки вообще обозначаютъ терминомъ extensio *растяжимость* членовъ, въ противоположность внутреннему усиленію intensio звуковъ нижняго ряда.—Первый членъ верхняго ряда, или иначе четвертый отъ конца строки, технически называется *герешъ* и состоитъ изъ трехъ акцентовъ: одного раздѣлительнаго, носящаго имя всего этого члена, и двухъ соединительныхъ *(кадма* и *тлиша малая)* [1]. По силѣ звука этотъ членъ принадлежитъ четвертому разряду, если измѣрять достоинство звука основнымъ членомъ всей строки, или силлукомъ; но по высотѣ произношенія онъ выше всего нижнего ряда. Два соединительные акцента, стоящіе здѣсь, располагаются такимъ образомъ, что непосредственно предъ раздѣлительнымъ дается меньшее пониженіе, а затѣмъ большее. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по смыслу для члена герешъ отдѣляется не три слова, соотвѣтственно количеству его акцентовъ, а четыре или даже пять (каковое растяженіе членовъ въ верхнемъ ряду возможно), тамъ остальныя непунктированныя слова получаютъ средній соединительный акцентъ нижняго ряда мунахъ, чѣмъ вносится сильнѣйшее пониженіе нижняго ряда въ слабѣйшій верхній рядъ. (Быт. 12, 5). Наоборотъ, въ случаяхъ съуженія члена герешъ въ два или даже въ одно слово, раздѣлительный и соединительный акцентъ т. е. повышеніе и пониженіе, могутъ исполняться на одномъ словѣ (Быт. 48, 20. Втор. 7, 13), или же соединяться въ одинъ *широкій* звукъ *герашаимъ*,

---

[1] Вотъ мазор. знаки четвертаго члена: א̀ герешъ, א̀ кадма, א̂ тлиша малая, א́ тлиша большая, א̋ черашаимъ.

(знакъ котораго образуется соединеніемъ двухъ акцентовъ Быт. 1, 28; 5, 29; 11, 4). Впрочемъ этотъ широкій звукъ держится только на послѣднемъ слогѣ, снабженномъ удареніемъ; въ случаѣ же ударенія на предпослѣднемъ слогѣ, герашаимъ возвращается опять въ герешъ, (какъ греческое облеченное удареніе на запредпослѣднемъ слогѣ переходитъ въ острое), и это единственный случай, гдѣ герешъ образуетъ членъ безъ соединительныхъ акцентовъ (Быт. 7, 14. 50, 10). Съ другой стороны, если въ словахъ, образующихъ членъ герешъ, требуется смысломъ нѣкоторое раздѣленіе въ срединѣ, тамъ второй соединительный акцентъ (тлиша малая) изъ пониженія превращается въ повышеніе и образуетъ малый членъ, по силѣ вполовину уступающій герешу и названный *тлиша большая* (Лев. 7, 18).

Такъ какъ герешъ служитъ первымъ членомъ верхняго ряда, а тбиръ послѣднимъ нижняго, то они иногда соединяются между собою, такимъ образомъ, что членъ тбиръ, кромѣ своего пониженія, заимствуетъ еще то или другое пониженіе гереша (Быт. 3, 8. 13. 19, 32. Іер. 39, 5). Это разширеніе третьяго члена элементами четвертаго не устраняетъ возможности слѣдованія за нимъ четвертаго члена въ полномъ видѣ съ повышеніемъ и пониженіями.

Если въ этой, отдаленней отъ конца строки, части представится необходимость новаго раздѣлительнаго акцента, то ставится новый и послѣдній членъ, пятый отъ конца и первый отъ начала строки. Такъ какъ ровное теченіе рѣчи рѣдко выдерживается вполнѣ въ полупоэтическомъ стихѣ, то этотъ высочайшій по нотѣ, но слабѣйшій по силѣ, раздѣлительный акцентъ встрѣчается не часто. Далѣе, такъ какъ члены строки, по мѣрѣ приближенія къ началу ея, дѣлаются все свободнѣе и быстрѣе и, слѣдовательно, богаче соединительными акцентами; то пятый членъ всегда обнимаетъ нѣсколько словъ. У мазоретовъ повышеніе этого члена, какъ и весь вообще пятый членъ, называется *карнэ-фара*, а его

www.bibleist.ru

пониженіе *іерахъ* [1]); всѣ другія, впереди стоящія, слова получаютъ безъ различія только соед. мунахъ, единственный регуляторъ—акцентъ, встрѣчающійся во всѣхъ членахъ (Числ. 35, 5. 2 Цар. 4, 2. Іер. 13, 13 и др.).

Такимъ образомъ сущность нормальнаго метра полупоэтической строки состоитъ въ томъ, что, *начиная отъ начала строки, по направленію къ концу ея, звуки мѣрно измѣняются изъ высокихъ и бѣглыхъ въ низкіе, густые и твердые.* Самая полная строка даетъ пять такихъ ступеней, прежде чѣмъ голосъ опустится до основной сильнѣйшей ноты, образующей паузу; но гораздо чаще нормальная строка даетъ четыре ступени, начинаясь герешемъ. Не невозможна также строка въ три члена, а въ случаяхъ разговорной сухой рѣчи и въ два члена. Но какою бы нотою ни начиналась строка, ея метръ идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ къ своему общему основному тону. Для примѣра вотъ строка съ пятью членами нормальнаго рядя Іер. 38, 25.

Они придутъ къ тебѣ и скажутъ тебѣ: (карнэ-фара)
Разскажи пожалуйста намъ, (герешъ)
Свою—бесѣду съ—царемъ, (тбиръ)
Не скрой отъ насъ, (тифша)
Или убьемъ тебя. (силлукъ)

Строка съ четыремя членами Быт. 2, 8:

Тогда насадилъ (членъ герешъ)
Іегова Богъ (тбиръ)
Рай во—Едемѣ (тифша)
На—востокѣ (силлукъ).

Строка съ тремя членами Пѣсн. Пѣсн. 3, 11:

Идите смотрѣть (тбиръ)
Сіонскія жены (тифша)
Царя Соломона. (силлукъ).

---

[1]) Карнэ-фара ℵ̈; іерахъ ℵ̣.

Строка съ двумя членами. Іер. 16, 1. Іез. 6, 1. 7, 1. 13, 1. 15, 1. 16, 1 и др.

И—было слово—Іеговы (тифша)
Ко—мнѣ такое (силлукъ).

Уже изъ этого разсмотрѣнія нормальнаго ряда полупоэтической строки видна свобода въ расположеніи метра, зависящая главнымъ образомъ отъ большаго или меньшаго прилива мысли, чувства и одушевленія въ каждомъ данномъ случаѣ, такъ что большей или меньшей степени широты и объема мысли, большей или меньшей степени сопровождающаго мысль чувства соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе высокая нота, начинающая строку. Но и эта не строгая мѣра полупоэтическихъ книгъ выдерживается рѣдко. Въ большей части стиховъ она разнообразится особеннаго рода наращеніями звуковъ, тѣмъ, что индійскіе музыканты и поэты называли *alap*, т. е. *вставными* группами нотъ, прерывающими указанный нами ровный стокъ звуковъ съ высоты пятаго члена до перваго. Въ этомъ отношеніи только второй членъ (тифша) неразрывно связанъ съ основнымъ членомъ, такъ что въ этомъ пунктѣ ровное теченіе не можетъ быть нарушено никакими вставными элементами. Но уже въ третьемъ членѣ нормальный метръ можетъ прерваться, тѣмъ болѣе въ четвертомъ и пятомъ, такъ какъ эти члены не необходимы въ строкѣ, и мы видѣли, что три, и даже два, основныхъ члена сами собою могутъ образовать метръ. Оттого, и занимая мѣсто въ строкѣ, эти члены допускаютъ больше измѣненій и дополненій, чѣмъ нижній рядъ. Но, съ другой стороны, самыя эти дополненія или вставные члены подчинены закону метрическаго расположенія звуковъ. Именно: α) нижнимъ членамъ соотвѣтствуетъ болѣе сильные вставные акценты, а начальнымъ болѣе слабые; β) врываясь въ нормальный рядъ, вставной акцентъ долженъ имѣть туже степень высоты звука, какую имѣетъ соотвѣтствующій членъ нормальнаго ряда, а по твердости и силѣ произношенія стоять степенью

www.bibleist.ru

выше, такъ что обыкновенная степень усиленія звуковъ по мѣрѣ приближенія къ концу строки, здѣсь дается двойная; γ) вставные члены всѣ принадлежатъ къ верхнему ряду строки и отличаются обиліемъ словъ, а потому сильнѣйшіе изъ нихъ сопровождаются всегда не только соединительными акцентами, но и своими особенными вспомогательными раздѣлительными акцентами. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ δ) вставные акценты болѣе другихъ акцентовъ связаны съ содержаніемъ, такъ что имъ можно отвести среднее мѣсто между просодическими знаками и знаками препинанія; большая часть ихъ принимаетъ даже форму древнихъ знаковъ препинанія, состоявшую въ точкѣ или въ группѣ точекъ.

Первый, самый сильный вставной акцентъ, у мазоретовъ называемый закефъ малый, имѣетъ форму двухъ точекъ стоящихъ надъ словомъ перпендикулярно. Какъ сильный акцентъ, приближающійся по значенію къ основному акценту строки, закефъ входитъ въ строку обыкновенно въ сопровожденіи другаго, ему подчиненнаго, но слабѣйшаго раздѣлительнаго акцента *пашта*, такъ что, такимъ образомъ, полный членъ закефъ будетъ состоять изъ четырехъ словъ: двухъ съ акцентами раздѣлительными и двухъ съ соединительными. (Соединительнымъ акцентомъ закефу бываетъ обыкновенно мунахъ, а паштѣ новый мягкій акцентъ [1]) *магпахъ*). Если членъ имѣетъ менѣе четырехъ словъ, то роль соединительнаго акцента предъ закефомъ будетъ играть пашта (1 Цар. 17, 30). Если членъ состоитъ изъ одного слова, то закефъ съ паштою выдерживаются и исполняются на одномъ словѣ (Быт. 12, 7. 19, 17 и проч.). Наконецъ, если слово слишкомъ коротко, чтобы, при произношеніи его, дать мѣсто оттѣнкамъ, требуемымъ обоими акцентами; то оба они соединяются въ одномъ широкомъ звукѣ, названномъ *закефъ большой* [1]) (Быт.

---

[1]) Закефъ малый ֫, закефъ большой ֬, пашта ֪, магпахъ ֮.

1, 14). Какъ акцентъ свободный, закефъ можетъ повторяться въ строкѣ то непосредственно, то между членами нормальнаго ряда. Но, какъ сильнѣйшій между вставными акцентами, онъ чаще употребляется ближе къ концу строки на мѣстѣ тбира или гереша.

Второй вставной акцентъ *ребіа*, обозначается одною крупною точкою надъ словомъ. Степень силы этого акцента такова, что другой сопровождающій его акцентъ и примиряющій съ нормальными членами здѣсь уже не нуженъ; соединительными же акцентами ребіи служатъ мунахъ или мерка. Вставные члены закефъ и ребіа часто образуютъ сами собою особенный метръ въ нормальномъ ряду, являясь нѣсколько разъ другъ предъ другомъ (Исх. 32, 1). Это самая крайняя музыкальная вольность въ перерывахъ нормальнаго тона, допускаемыхъ древнееврейскою музыкою.

Послѣдній и самый слабый вставной акцентъ, входящій только въ четвертый и пятый члены нормальной строки, есть *пацеръ* [1]). Онъ можетъ стоять и одинъ въ строкѣ безъ первыхъ вставныхъ акцентовъ (Втор. 5, 23. 6, 22), но можетъ слѣдовать и за закефомъ и ребіей (Исх. 29, 20), такъ какъ равномѣрно теряющаяся степень силы этихъ вставныхъ акцентовъ дѣлаетъ ихъ взаимное отношеніе метрически правильнымъ.

И такъ метръ отдѣльно взятой музыкально-поэтической строки въ полупоэтическихъ книгахъ будетъ состоять въ *нисходящемъ теченіи пяти, мѣрно усиливающихся звуковыхъ волнъ, между которыми три первыя могутъ поглощаться при своемъ ходѣ сильнѣйшими волнами звуковъ, такъ однакожъ, что прорвавшееся ровное теченіе должно возстановиться, прежде чѣмъ волна придетъ къ полному покою.* Если продолжить сравненіе пѣсни или музыки съ волнами, а перемѣну звуковъ, или

---

[1]) Пацеръ ℵ.

собственно метръ пѣсни, съ порывами вѣтра, то поднимающаго, то опускающаго волнообразныя движенія; то, во первыхъ, неровность волнъ можетъ быть вполнѣ замѣтна только среди рѣки, между тѣмъ какъ, по направленію къ берегу, поднятія и опушенія правильно уменьшаются; во вторыхъ, случайное состояніе прилива въ теченіи или отлива можетъ укоротить волну или разширить.

Строка, образующая, такимъ образомъ, метрическое цѣлое, по отношенію къ своимъ членамъ, служитъ только однимъ изъ элементовъ въ высшемъ цѣломъ или стихѣ. Можно указать только рѣдкіе, исключительные случаи, въ которыхъ весь стихъ состоитъ изъ одной только строки, какъ греческій гекзаметръ безъ пентаметра. Обыкновенный же стихъ состоитъ изъ соединенія двухъ отдѣльныхъ строкъ, построеніе которыхъ, вообще говоря, одинаково, и все, что мы сказали о первой отъ конца стиха строкѣ, относится и ко второй. Отличіе строкъ, главнымъ образомъ, состоитъ въ основномъ акцентѣ, который во второй строкѣ называется *атнахомъ* и отличается отъ *силлука* степенью высоты; а такъ какъ отъ основнаго члена зависятъ всѣ члены въ строкѣ; то и вся вторая отъ конца строка будетъ степенью выше чѣмъ первая, такъ что въ совершенно тождественныхъ случаяхъ сильнѣйшіе акценты нижней строки смягчаются въ верхней (ср. Іов. 1, 8 съ 2, 3, гдѣ одно и тоже предложеніе повторяется въ двухъ различныхъ строкахъ). Расположеніе же акцентовъ и членовъ второй строки въ каждомъ частномъ случаѣ никогда не бываетъ только повтореніемъ первой, но, смотря по мысли и предложенію, движется свободно въ предѣлахъ указанныхъ нами пяти членовъ съ ихъ тремя вставными; такимъ образомъ, самая распространенная одна строка можетъ стоять при другой самой укороченной, и притомъ распространенною или сжатою можетъ быть то верхняя то нижняя строка. Но, во всякомъ случаѣ, равновѣсіе двухъ строкъ такъ необходимо въ стихѣ, что

www.bibleist.ru

даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ весь стихъ обнимаетъ весьма малое количество словъ, стихъ скорѣе разбивается на двѣ кратчайшія строки, чѣмъ остается однострочнымъ (Быт. 1, 1. Лев. 21, 4. Іез. 10, 13. Ос. 11, 6 и др.)

Наконецъ бываютъ случаи, что стихъ переступаетъ предѣлы метрическаго равновѣсія двухъ строкъ. Въ такомъ случаѣ является третья отъ конца стиха строка или первая отъ начала, по техническому названію *сегольта* [1]). Такъ какъ общій законъ, по которому члены, по мѣрѣ приближенія къ началу стиха, получаютъ большую степень высоты, уменьшаясь въ твердости и силѣ, повторяется не только въ распредѣленіи членовъ отдѣльной строки, но и во взаимномъ отношеніи строкъ между собою; то эта новая строка всѣмъ своимъ объемомъ, по высотѣ прозношенія, превосходитъ обѣ предъидущія. Высота ея, нагляднымъ образомъ, у мазоретовъ обозначается тѣмъ, что въ этой строкѣ нѣтъ нижняго ряда членовъ, а только верхній, и притомъ съ совершенно особыми акцентами. Точно также какъ силлуку или атнаху предшествуетъ всегда вспомогательный разд. акцентъ тифша, не употребляющійся независимо отъ этихъ основныхъ членовъ, и сегольта имѣетъ свой передовой разд. акцентъ *зарка* (знакъ греческаго облеченнаго ударенія), предъ которымъ могутъ стоять или четвертый и пятый члены нормальнаго ряда, или слабѣйшіе вставные члены ребіа и пацеръ, но не закефъ. Гдѣ строка бываетъ съужена въ одно слово, тамъ главный акцентъ сегольта съ своимъ передовымъ акцентомъ соединяются въ одинъ акцентъ широкаго звука, *шалшелетъ* [1]) (Быт. 19, 16 и др.).

И такъ метръ полнаго полупоэтическаго стиха состоитъ *въ соединеніи двухъ, а иногда трехъ, большихъ мѣрныхъ музыкальныхъ спаденій звуковыхъ движеній, двухъ или трехъ от-*

---

[1]) Сегольта ℵ̈. Зарка ℵ̄. Шалшелетъ ℵ̃.

дѣльныхъ волнообразныхъ теченій, идущихъ по одному параллельному направленію, хотя различнымъ образомъ. Приблизительно основные члены строкъ мы обозначимъ, если, по степени силы, силлукъ назовемъ двойнымъ тактомъ, атнахъ тактомъ, а сегольту полтактомъ, а по степени высоты силлукъ поставимъ на первой линейкѣ нашей нотной системы, атнахъ на второй, а сегольту на третьей.

Собственно *поэтическая* система акцентовъ выступаетъ изъ полупоэтической, какъ дальнѣйшее ея развитіе, и потому имѣетъ тотъ же основной законъ и тѣже знаки съ нѣкоторыми измѣненіями, вытекающими изъ самой сущности поэзіи. Главное отличіе поэтической акцентуаціи отъ полупоэтической состоитъ въ томъ, что первая необнимаетъ ни такихъ широкихъ ни такихъ короткихъ членовъ, какіе возможны въ послѣдней, но вообще принимаетъ небольшіе, но болѣе равномѣрные и опредѣленные ряды словъ. Здѣсь не встрѣчается уже растянутой полупоэтической строки въ пять членовъ, и поэтическо-музыкальная свобода, въ допущеніи вставныхъ элементовъ, здѣсь гораздо ограниченнѣе. Вставные члены здѣсь возможны только самые слабые, и притомъ, почти только въ мѣстахъ прозаическаго характера, такъ какъ въ древнѣйшее время, какъ мы выше говорили, строгаго различія между поэзіею и прозою не полагали; среди вполнѣ поэтической пѣсни поэтъ могъ спускать возвышенный строй своей лиры до простаго разговорнаго, и наоборотъ простая разговорная рѣчь (напр. въ пророч. книгахъ) часто принимала характеръ и тонъ вполнѣ поэтическій. Вообще сильные раздѣлительные акценты, во многихъ слуаяхъ приближающіеся къ значенію знаковъ препинанія, здѣсь менѣе численны и менѣе употребительны; напротивъ того, поэтическая акцентуація употребляетъ гораздо болѣе соединительныхъ акцентовъ, имѣющихъ всегда только музыкальное значеніе,—чѣмъ обусловливается здѣсь большая легкость и игра звуковъ. Соединительные акценты здѣсь могутъ даже образовы-

www.bibleist.ru

вать членъ строки сами собою своими собственными взаимными отношеніями, безъ участія раздѣлительнаго акцента, и отношенія соединительныхъ акцентовъ здѣсь не тѣ механическія внѣположенія, допускающія пятикратное и даже шестикратное повтореніе одного и того же акцента безъ всякихъ измѣненій (мунахъ въ верхнихъ членахъ полупоэтическаго ряда), которыя могутъ сообщить только монотонные аккорды піэсѣ, но отношенія болѣе живыя и музыкально разнообразныя; даже два раза одинъ и тотъ же соединительный акцентъ, при двухъ словахъ рядомъ, въ собственно поэтической системѣ не можетъ стоять въ одномъ и томъ же видѣ. Отсюда выходитъ богатство соединительныхъ акцентовъ поэтической акцентуаціи; именно эти акценты трижды различаются между собою по тремъ строкамъ стиха, такъ что всѣхъ соединительныхъ акцентовъ $3 \times 3 = 9$.

1) Три соединительныхъ акцента перваго разряда, употребляемыхъ въ трехъ возможныхъ частяхъ стиха и составляющихъ ихъ самое глубокое и сильное пониженіе: *мерка*, *мунахъ*, *герахъ*. Послѣдній измѣнилъ здѣсь свое прозаическое значеніе, соотвѣтствуя впрочемъ и здѣсь высшей строкѣ стиха, и служа сильнѣйшимъ соед. акцентомъ, какой только возложенъ на высотѣ третьей строки.

2) Три соединительныхъ акцента втораго разряда имѣютъ между собою то общее, что они всегда исполняются на третьемъ словѣ отъ конца строки, минуя второе, стоящее непосредственно предъ раздѣлительнымъ акцентомъ, но за то на этомъ третьемъ мѣстѣ они являются даже тамъ, гдѣ смыслъ требуетъ раздѣленія, а не соединенія. Между этою второю тріадою акцентовъ самый глубокій и вмѣстѣ самый сильный соединительный акцентъ будетъ *шалшелетъ*, служащій разд. акцентомъ въ полупоэт. системѣ, возможный только на высотѣ первой и второй строки, но не третьей. Степенью выше и слабѣе стоитъ *кадма*, а всѣхъ слабѣе и выше въ этомъ ряду *магпахъ*, имѣющій впрочемъ здѣсь

www.bibleist.ru

болѣе широкое употребленіе, чѣмъ между полупоэтическими акцентами. Только этотъ послѣдній акцентъ можетъ стоять непосредственно предъ раздѣлительнымъ акцентомъ, а два первые возможны только предъ другимъ акцентомъ соединительнымъ.

3) Три соединительныхъ акцента третьяго разряда, стоящихъ по отношенію къ шести предшествующимъ, на третьей степени силы, при различной высотѣ, предетавляютъ собою искусственныя построенія и соединенія простыхъ акцентовъ: *мерка-заркa* (изъ соединенія проз. мерки и зарки), *верхній мунахъ* (ставящійся надъ словомъ, въ обозначеніе высоты звука) и *магнахъ-заркa*. Соотвѣтственно такому внѣшнему осложненію знаковъ, является здѣсь особенное внутреннее значеніе ихъ. Ими обозначается высота произношенія тѣхъ словъ, которыя предъ удареніемъ имѣютъ открытые слоги (оканчивающіеся гласною). Эту особенность гласнаго выраженія въ звукѣ, требующую выдающагося и протянутаго произношенія, обозначали именно заркою (облеченнымъ удареніемъ), а потомъ, смотря потому стоитъ ли слово въ верхней или нижней строкѣ, прибавляли къ заркѣ подъ словомъ другой составной акцентъ магнахъ или мерку. При другихъ случаяхъ въ этой области высоты ставится верхній мунахъ.

Основной законъ поэтическаго метра состоитъ въ томъ, что стихъ слагается изъ трехъ возможныхъ поэтическихъ строкъ, названныхъ у мазаретовъ: *силлукъ*, *атнахъ и мерка-магнахъ*. Но, тогда какъ полупоэтическая система дѣлитъ далѣе каждую строку на отдѣльные члены, въ поэтической системѣ эти три строки суть вмѣстѣ три члена стиха безъ дальнѣйшаго раздѣленія, такъ что вся строка имѣетъ здѣсь только одинъ сильный раздѣлительный акцентъ. Только въ мѣстахъ прозаическаго характера верхнія строки иногда дѣлятся на части вставными акцентами, но не сильнымъ закефъ, а слабѣйшими ребіа и пацеръ. Касательно взаимнаго отношенія между строками нужно

www.bibleist.ru

замѣтить, что здѣсь въ одномъ и томъ же стихѣ отдѣльныя строки, вообще говоря, менѣе имѣютъ общихъ знаковъ и слѣдовательно больше различныхъ оттѣнковъ.

Въ частности построеніе собственно поэтическаго стиха состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Предъ конечнымъ акцентомъ силлукъ и его соединительнымъ ставится, тѣсно связанный съ нимъ, слабый раздѣлительный акцентъ ребіа-герешъ (по тѣсной связи съ силлукомъ онъ называется его передовымъ акцентомъ). Совпаденіе въ этомъ знакѣ двухъ прозаическихъ акцентовъ даетъ широкій и продолжительный звукъ, независимо отъ грамматическаго положенія соотвѣтствующаго ему слова. Ребіа-герешъ можетъ стоять и непосредственно предъ силлукомъ на слѣдующемъ словѣ, но въ такомъ случаѣ между этими двумя акцентами должно быть не менѣе двухъ слоговъ, замѣняющихъ тогда соединительный акцентъ между двумя раздѣлительными (Пс. 24, 2). Если строка обнимаетъ собою три слова, то ребіа-герешъ стоитъ на третьемъ словѣ (Пс. 1. 2), за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ, по прозаическому характеру стиха, мѣсто его замѣняетъ полупоэтическій второй членъ нормальнаго ряда (Пс. 18, 5). Если строка обнимаетъ четыре слова, ребіа-герешъ ставится на четвертомъ, а среднія два слова замѣщаются соединительными соотвѣтственныхъ степеней. Но дальше четвертаго слова, а часто и на четвертомъ, ребіа-герешъ, какъ связанный тѣсно съ основнымъ акцентомъ, не можетъ стоять. Тогда его мѣсто замѣщается слабѣйшимъ широкимъ звукомъ шалшелетъ (Пс. 89, 2), или кадмою (Пс. 61, 5). Это взаимное притяженіе главныхъ акцентовъ строки силлука и ребіа-герешъ дѣлаетъ строй нижней строки тяжелымъ и твердымъ, отчего вставные члены здѣсь невозможны.

2. Вторая отъ конца строка, согласная съ конечною въ основномъ метрѣ, строитъ свой рядъ гораздо слабѣе и потому гораздо свободнѣе.

www.bibleist.ru

Предъ главнымъ акцентомъ (атнахъ), въ качествѣ передоваго раздѣлительнаго акцента, здѣсь ставится тифша, отличающаяся отъ тифши полупоэтической по внѣшнему виду тѣмъ, что она стоитъ въ началѣ слова, а не въ удареніи его, а по внутреннему музыкальному значенію тѣмъ, что она гораздо слабѣе ея. Слабость поэтической тифши открывается изъ того, что она можетъ стоять предъ атнахомъ уже на второмъ слогѣ, тогда какъ соотвѣтствующій тифшѣ акцентъ нижней строки ребіа-герешъ можетъ имѣть мѣсто не ближе какъ въ третьемъ, а большею частію, въ четвертомъ слогѣ предъ силлукомъ, и, съ другой стороны, тогда какъ ребіа-герешъ имѣетъ силу еще на четвертомъ словѣ предъ силлукомъ, тифша на четвертомъ словѣ предъ атнахомъ всегда исчезаетъ, замѣщаясь шалшелетомъ (Пс. 72, 3). Слабость же всей вообще второй строки ясно открывается изъ того, что она то сокращается въ одинъ акцентъ атнахъ съ соединительными (безъ тифши Пс. 2. 4), то разширяется вставнымъ членомъ ребіа, не повторяющимся однакожъ болѣе одного раза, какъ это бываетъ въ полупоэтической системѣ.

3. Изъ указанныхъ двухъ строкъ часто слагается полный поэтическій стихъ, такъ впрочемъ, что верхняя строка относится къ нижней, какъ приготовленіе къ ней, или какъ ея слабѣйшее отраженіе. Но настоящій поэтическій стихъ повторяетъ основной метръ отдѣльныхъ строкъ три раза, прежде чѣмъ заключится аккордъ стиха. Этотъ третій, передній рядъ стиха отъ полупоэтической третьей части отличается тѣмъ, что онъ не подчиненъ второй части и имѣетъ самостоятельность основнаго члена. Эта особенность выражена здѣсь уже въ перемѣнѣ полупоэтическаго главнаго акцента третьей строки сегольта, на сложный акцентъ *мерка-магпахъ*. Замѣчательно, что въ составъ этого новаго акцента, обозначающаго третью строку, вошелъ соед. акцентъ магпахъ, который, какъ мы видѣли, занимаетъ именно третье мѣсто отъ конца отдѣльной строки. Какъ самый высокій рядъ

www.bibleist.ru

стиха, мерка-магпахъ съ зависящими отъ нея акцентами строится очень свободно. Такъ, хотя она имѣетъ свой собственный передовой раздѣлительный акцентъ, взятый изъ третьей полупоэтической строки, *зарку*, но этотъ послѣдній не существенно связанъ съ главнымъ и можетъ свободно измѣниться въ ребію. Хотя вставной членъ ребіа стоитъ на третьей степени силы и на второй высоты, а зарка, напротивъ того, на второй степени силы и на третьей высоты, но, въ отношеніи къ главному акценту третьей строки, онѣ уравниваются, отличаясь только тѣмъ, что зарка даетъ легкій и мягкій звукъ, характеристичный въ третьей строкѣ, а ребіа даетъ общее и сильнѣйшее повышеніе. Есть много случаевъ даже такихъ, что зарка и ребіа стоятъ въ строкѣ, не измѣняя другъ друга; въ такомъ случаѣ ребіа стоитъ ближе къ концу строки, а зарка въ срединѣ ея и раздѣляетъ собою строку на двѣ части. Если же третья строка обнимаетъ собою незначительное количество словъ, то передовымъ акцентомъ стоитъ зарка, отдѣляясь отъ основнаго акцента по правилу тремя или четыремя слогами.

И такъ поэтическій метръ, подобно полупоэтическому, состоитъ *въ взаимномъ отношеніи между собою трехъ отдѣльныхъ рядовъ стиха, но онъ возвышается надъ полупоэтическимъ метромъ тѣмъ, что ряды его не постепенно усиливаются къ концу стиха, но средній рядъ даетъ пониженіе между двумя рядами крайними.* Приблизительно мы опредѣлимъ отношеніе между поэтическими рядами, если основной акцентъ нижней строки назовемъ двойнымъ тактомъ, основной акцентъ средней строки полтактомъ, а основной акцентъ верхней строки тактомъ. Такое отношеніе часто наглядно дается въ построеніи поэтическаго стиха, напр. Пс. 3, 6; 5, 13; 15, 5; 29, 9; Іова 27, 5 и др.

Я легъ и заснулъ (мерка-магпахъ)
Проснулся (атнахъ)
Въ надеждѣ на Іегову (силлукъ) Пс. 3, 6.

www.bibleist.ru

Въ большинствѣ же случаевъ второй членъ, не отличаясь сокращеннымъ объемомъ, даже иногда превосходя имъ нижній рядъ, обнаруживаетъ свою слабость въ характерѣ акцентовъ, какъ мы видѣли выше. Исключеніемъ также, хотя и очень характернымъ, можно назвать тѣ случаи, гдѣ слабой второй строки вовсе нѣтъ въ стихѣ, а есть только первая и третья; въ такомъ случаѣ между оставшимися крайними членами нужно предполагать необыкновенной продолжительности паузу, что у насъ замѣняется точками, обозначающими стойку, среди необыкновенно стремительнаго потока звуковъ. Напр. Пс. 11, 6.

Дождемъ продилъ на нечестивыхъ жаръ (мерка—
магпахъ
. . . . . (атнахъ—)
Огонь и сѣра и самумъ—доля ихъ. (силлукъ)

Объединяя все сказанное нами объ акцентуаціи полупоэтической и поэтической, прійдемъ къ заключенію, что метръ древнееврейской поэзіи именно можетъ быть сравниваемъ съ метромъ нашей русской народной поэзіи; т. е. это было *тоническое стихосложеніе, основывающееся на удареніяхъ цѣлыхъ словъ*, поколику около удареній концентрируется вся сила слова; послѣ двухъ трехъ такихъ удареній, т. е. послѣ двухъ трехъ словъ, дѣлается болѣе или менѣе значительная пауза, т. е. отдѣляется особенный членъ. Но метръ древнееврейскій превышаетъ нашу народную метрику особеннымъ музыкальнымъ расположеніемъ отдѣльныхъ группъ или членовъ. Хотя это расположеніе можетъ быть здѣсь очень разнообразно и часто не выдерживаетъ единства тона, своего общаго архитектоническаго склада въ построеніи стиха; но во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть сравниваемо съ механическимъ смѣшеніемъ въ библейскомъ стихѣ ямбовъ, хореевъ, анапестовъ, дактилей и проч., какое мы видѣли у многихъ изслѣдователей нашего вопроса. Роскошь мазоретской

www.bibleist.ru

номенклатуры и богатство акцентовыхъ знаковъ не должно служить предметомъ удивленія, послѣ того какъ найдено, что древніе индійцы имѣли 92 музыкальныхъ стопы, изъ которыхъ каждая имѣла свое имя и свой особенный знакъ. Возможно, что какъ индійскіе рапсоды, такъ и евреи—мазореты не имѣли возможности, по недостатку преданій, или даже не умѣли, строго научнымъ образомъ объединить сущность своей древней поэзіи и музыки, отчего у нихъ много частныхъ и исключительныхъ случаевъ (о нѣкоторыхъ мы даже не упоминали, такъ какъ они могли произойти и отъ дальнѣйшихъ переписокъ какъ ошибки); но что ихъ общій характеръ и духъ вѣрны, что они передаютъ, хотя-отрывочно и неполно, основанія древней музыкальнопоэтической скандовки стиха, въ этомъ не долженъ сомнѣваться тотъ, кто не хочетъ остаться безъ всякаго представленія о библейскомъ стихометрѣ. Это подтверждаетъ и преданіе синагоги, употребляющей акценты въ значеніи нотъ и дающей имъ еще болѣе спеціальныя роли, иногда впрочемъ уклоняющіяся отъ указаннаго нами значенія, хотя и не противорѣчащія ему (см. Труд. Кіев. Акад. 1871. Дек. 392, 393).

Между образованнымъ такимъ образомъ стихомъ и цѣлою пѣснію, или цѣлымъ поэтическимъ произведеніемъ, еще не могло быть непосредственнаго отношенія. Если поэтическая строка обнимаетъ только небольшую группу словъ, стихъ небольшую и опредѣленную группу строкъ; то выше стиха должна быть новая большая единица, которая обнимала бы отдѣльныя группы стиховъ и приводила ихъ къ высшему единству въ пѣсни. Такою единицею во всѣхъ поэзіяхъ служатъ *строфы* или куплеты, безъ раздѣленія на которые пѣсня въ музыкальномъ смыслѣ не возможна. Что въ библейской поэзіи было извѣстно раздѣленіе на строфы, это видно: 1) изъ псалмовъ алфавитныхъ, въ которыхъ отдѣльныя группы образуются изъ стиховъ, начинающихся оц-

www.bibleist.ru

ною буквою, напримѣръ Пс. 9 каждые два стиха начинаетъ одною буквою, Плач. 3 даетъ группы изъ трехъ стиховъ, Пс. 119 группы изъ восьми стиховъ. Что здѣсь нужно видѣть не одно внѣшнее раздѣленіе, а и внутреннее расчлененіе пѣсни, это видно изъ того, что часто этимъ раздѣленіямъ соотвѣтствуетъ расположеніе главныхъ моментовъ содержанія. Для примѣра вотъ *девятый* псаломъ:

א Славлю Іегову всѣмъ сердцемъ моимъ,
Проповѣдую о различныхъ чудесахъ Твоихъ.

ст. 2. Радуюсь и торжествую о Тебѣ,
Слагаю пѣсни имени Твоему, Всевышній.

ב Тылъ показали враги мои,
Пали и сгибли предъ Тобою,

ст. 4. Когда Ты разсмотрѣлъ судебную тяжбу мою,
Возсѣвъ на престолѣ правосудія.

ג Ты пригрозилъ народамъ, погубилъ нечестивыхъ,
Имя ихъ изгладилъ на вѣки вѣчные.

сс. 6. Врагъ?! Все сокрушено у него на всегда въ развалины.
Въ городахъ, разрушенныхъ Тобою,
Погибла тамъ память ихъ.

ד Іегова, живущій во вѣки,
На правосудіи утвердилъ престолъ Свой.

ст. 8. Онъ разсудитъ вселенную праведно,
Рѣшитъ споры народовъ вѣрно и проч.

---

www.bibleist.ru

2) Раздѣленіе на строфы ясно дается въ библейскихъ пѣснях чрезъ повтореніе нѣкоторыхъ основныхъ стиховъ въ продолженіи пѣсни, или припѣвовъ, которыми во всѣхъ поэзіяхъ оканчиваются или начинаются отдѣльныя строфы. Вотъ напримѣръ Пс. 42 и 43, образующіе нераздѣльное цѣлое:

2. Какъ лань устремляется къ потокамъ воднымъ,
Такъ душа моя устремлена къ Тебѣ Боже,
3. Томится жаждою душа моя о Богѣ живомъ и крѣпкомъ,
Чтобы придти мнѣ и видѣть лице Божіе.
4. Слезы пища мнѣ днемъ и ночью,
Потому что постоянно спрашиваютъ меня: гдѣ же Богъ твой?
5. Объ одномъ я думаю,
Объ одномъ тоскуетъ во мнѣ душа моя,
Какъ бы мнѣ войти въ собраніе
Вступить въ домъ Божій,
Среди торжественныхъ и благородныхъ криковъ ликующей толпы.
6. *Что унываешь душа моя и тоскуешь во мнѣ?*
Надѣйся на Бога, что Онъ дастъ мнѣ еще славить Его,
Спасителя моего и Бога моего.

---

7. Унываетъ во мнѣ душа моя,
Когда воспоминаю Тебя съ земли Іорданской,
Съ горы малой Ермонской,
8. Гдѣ пропасть окликается съ пропастью въ шумѣ водопадовъ,

www.bibleist.ru

Гдѣ мимо меня проходитъ множество потоковъ и
теченій Твоихъ.

9. Каждый день являетъ Іегова милость Свою
И ночью пѣснь Ему у меня,
Молитва Богу жизни моей.

10. Я говорю къ Богу, опорѣ моей: «отчего Ты за-
былъ меня,
«Отчего я долженъ ходить печальный подъ оскорб-
леніями врага,

11. «Между тѣмъ какъ тираны мои сокрушаютъ кости
мои,
«Издѣваются надо мною, говоря: гдѣ же Богъ твой?»

12. *Что унываешь душа моя и тоскуешь во мнѣ?*
Надѣйся на Бога, что Онъ дастъ мнѣ еще сла-
вить Его,
Спасителя моего и Бога моего.

Пс. 43, 1. Разсуди меня Боже, разрѣши тяжбу мою съ наро-
домъ немилосердымъ,
Отъ людей этихъ лукавыхъ и нечестивыхъ избавь
меня,

2. Вѣдь Ты Богъ крѣпкій мой.
Отчего Ты отвергнулъ меня?
Отчего я долженъ ходить печальный подъ оскорб-
леніями врага?

3. Пошли свѣтъ Твой и истину Твою, чтобы они
руководили меня
И привели на гору святую Твою, въ жилище Твое,

4. Чтобы я могъ придти къ жертвеннику Божію,
Къ Богу веселія и торжества моего.

www.bibleist.ru

ст. 5. *Что унываешь душа моя и тоскуешь во мнѣ?*
Надѣйся на Бога, что Онъ дастъ мнѣ еще славить Его,
Спасителя моего и Бога моего.

Такимъ же образомъ въ Пс. 39 повторяется припѣвъ: *да, суета всякій человѣкъ живущій*, въ 6 и 12 стихахъ; въ Пс. 49 въ ст. 13 и 21 повторяется одинъ припѣвъ съ легкимъ измѣненіемъ слова jalin въ jabin (игра словъ); въ Пс. 57 ст. 5 и 12 повторяютъ припѣвъ: *превознесись выше небесъ Боже, чтобы по всей земли сіяла слава Твоя;* въ Пс. 107 ст. 8, 15, 21, 31 повторяютъ заключительный стихъ: *они славятъ Іегову за блага Его, за чудеса Его сынамъ человѣческимъ;* Пс. 9, ст. 11, 16, 20; 10, 4 повторяется припѣвъ: *по всѣмъ этимъ не укротился гнѣвъ Его и рука Его поднята еще.*—Въ другихъ пѣсняхъ наоборотъ припѣвы начинаютъ строфы; такъ Пс. 62, ст. 1, 6 повторяется припѣвъ: *да, въ Богѣ покой души моей, на Него надежда моя*; также Амос. 1, 3. 6. 9. 10. 13 и 2, 1. 4. 6.

3) Наконецъ раздѣленіе библейскихъ пѣсней на отдѣльныя группы стиховъ дается музыкальнымъ терминомъ *села*, встрѣчающимся въ библейскихъ пѣсняхъ въ заключеніи нѣкоторыхъ стиховъ 72 раза, по одному разу въ псалмахъ 20. 21. 39. 44. 47. 48. 50, 52. 54. 55. 60. 61. 75. 81. 82. 83. 85. 143, по два раза въ Пс. 4. 9. 24. 39. 49. 57. 59. 62. 67. 76. 84. 87. 88, по три раза въ Пс. 3. 32. 46. 66. 68. 77. 140. Аввак. 3; четыре раза въ Пс. 89. Хотя многіе псалмы не имѣютъ этого термина, и въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ онъ есть, нынѣшняя разстановка его не вездѣ вѣрна и полна (напр. въ Пс. 3, гдѣ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ повторяется *села*, оно пропущено послѣ стиха 7); тѣмъ не менѣе присутствіе этого паузнаго знака (διάψαλμα, da capo) среди пѣсней дѣлаетъ безспорнымъ ихъ строфическое раздѣленіе.

www.bibleist.ru

Изъ этихъ основаній можно вывести: 1) что пѣсни древнееврейскія дѣлятся по куплетамъ: 2) что объемъ куплетовъ приблизительно выдерживается въ одной и тойже пѣсни одинъ и тотъ же съ меньшею свободою сокращеній и разширеній, чѣмъ какую мы видѣли въ опредѣленіи объема стиховъ одной и той же пѣсни; куплеты алфавитныхъ псалмовъ даже слишкомъ строго выравниваются; 3) объемъ строфъ въ различныхъ пѣсняхъ бываетъ различенъ и простирается въ поэтическихъ отрывкахъ отъ двухъ до осьми стиховъ включительно, а въ полупоэтическихъ до двѣнадцати и болѣе.

Построеніе стиховъ и строфъ имѣетъ нѣкоторыя особенности, смотря по роду поэтическихъ произведеній. Здѣсь нужно отличать: 1) *метръ гномическій* или дидактическій, господствующій въ книгѣ Притчей и Іова и представляющій одинъ изъ видовъ полнаго поэтическаго метра. Это строго равномѣрный, правильный, спокойный метръ, называвшійся у грековъ ἴσος ῥύθμος; онъ образуется въ стихѣ почти всегда соединеніемъ двухъ строкъ, т. е. простаго повышенія и пониженія, причемъ нижняя строка имѣетъ силлукъ съ соединительнымъ акцентомъ и съ своимъ передовымъ членомъ ребіа—герешъ, а верхняя атнахъ съ соединительнымъ и съ слабою поэтическою тифшею; только въ книгѣ Іова попадается часто вставной членъ ребіа. Такимъ образомъ, каждая строка здѣсь будетъ имѣть, вообще полагая, четыре слова—два съ акцентами раздѣлительными и два съ соединительными; а полагая для каждаго еврейскаго слова среднимъ числомъ два слога, получимъ среднимъ числомъ восемь слоговъ въ отдѣльной гномопоэтической строкѣ. Таже спокойная равномѣрность видна здѣсь и въ построеніи строфъ; напримѣръ въ кн. Притчей 8, 12—31 изображается Премудрость въ четырехъ строфахъ, каждая изъ пяти стиховъ. Мало того, гномическій стихъ часто стоитъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ другимъ, и, слѣдовательно,

www.bibleist.ru

самъ собою образуетъ не только строку, но и законченное цѣлое, въ какомъ видѣ у насъ ходятъ народныя пословицы. Только книга Іова въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь переходитъ изъ дидактической въ лирическую, имѣетъ неравномѣрныя строфы (см. Происх. кн. Іова, Арх. Филарета, 160 и д.). Съ реторической стороны, хотя гномическая поэзія ставится образцомъ параллелизма, но въ сущности, вмѣсто параллелизма или повторенія мыслей и предложеній, здѣсь вездѣ идетъ поступательное прогрессивное движеніе мысли. Наконецъ въ фонетическомъ отношеніи гномическая поэзія книги Притчей имѣетъ риѳмъ и аллитерацію, часто переходящую въ игру словъ, особенно въ стихахъ не соединяющихся въ строфы.

2. *Метръ лирическій* представляетъ совершенную противоположность гномическому въ своемъ свободномъ, часто прерывающемся, построеніи, приближаясь къ греческимъ диѳирамбамъ (διθύραμβος *врывающійся двумя дверьми*) и латинскимъ cantio libera. Свойственная лирикѣ быстрота и стремительность рѣчи не выносятъ строгаго гномическаго построенія метра, который то разширяется здѣсь въ три строки съ вставными членами, то съуживается въ одну строку. Крайнее растяженіе метра стиха можетъ давать здѣсь пять отдѣльныхъ членовъ, именно двѣ верхнія строки, какъ слабѣйшія, вставнымъ членомъ могутъ разбиваться на части, самая верхняя на три члена, а средняя на два. Хотя, такимъ образомъ, могло бы образоваться шесть членовъ, но, на самомъ дѣлѣ, стихъ никогда не переступаетъ пяти членовъ, потому что средняя строка дѣлится на два члена только въ томъ случаѣ, если верхній членъ не слишкомъ ослабленъ растяженіемъ. Съ другой стороны, лирическое движеніе чувства условливаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и крайній отливъ въ членахъ стиховаго метра, такъ что стихъ состоитъ иногда только изъ одной строки. Собственно говоря, такое построеніе должно бы отнять всякій метръ у стиха; но, на самомъ дѣлѣ, метръ въ та-

www.bibleist.ru

кихъ случаяхъ только закрывается, потому что исчезнувшая вторая строка оставляетъ по себѣ свой второстепенный акцентъ тифшу, стоящую въ такихъ случаяхъ предъ ребіа—герешъ съ своими соединительными (Пс. 148, 14, иногда только шалшелетъ или магпахъ вмѣсто тифши Пс. 34, 8; 71, 21), такъ что раздѣленіе двухъ строкъ здѣсь все таки остается хотя слабѣйшее, и хотя повышеніе и пониженіе, образуемое обыкновенно строками стиха въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ такомъ случаѣ весьма мало чувствительны. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ мазоретской библіи такіе однострочные стихи вмѣсто ребіа—герешъ, передоваго акцента силлука, имѣютъ сильнѣйшій акцентъ ребіа, чѣмъ вносится въ нижнюю строку раздѣленіе свойственное только верхнимъ. Указываютъ въ лирической поэзіи даже такіе однострочные стихи, въ которыхъ, кромѣ силлука, нѣтъ никакого, даже слабаго, раздѣлительнаго акцента, а только рядъ соединительныхъ; но такіе стихи встрѣчаются только въ надписаніяхъ Псалмовъ и потому не должны считаться законченными стихами Пс. 36, 1. 44, 1. 47, 1. 49, 1.—Въ раздѣленіи строфъ лирическая поэзія, хотя въ различныхъ пѣсняхъ можетъ обнимать различныя группы стиховъ, но разъ исполненная въ пѣсни строфа сообщаетъ свой объемъ всѣмъ послѣдующимъ строфамъ. Это видно изъ раздѣленія нѣкоторыхъ пѣсней по алфавиту. Кромѣ того, равномѣрность строфъ необходима была потому, что всякая пѣсня пѣлась, вслѣдствіе чего основной напѣвъ долженъ былъ повторяться, что могло быть только на приблизительно равныхъ пространствахъ пѣсни. А такъ какъ притомъ у евреевъ, въ праздничныхъ и священныхъ пѣсняхъ, исполненіе раздѣлялось между двумя хорами; то количество строфъ должно было быть четное, какъ это подтверждается числомъ строфъ тѣхъ же алфавитныхъ псалмовъ. Съ реторической стороны параллелизмъ членовъ въ лирической поэзіи замѣтнѣе въ псалмахъ менѣе лирическаго характера; при сильномъ лирическомъ движеніи одно предложеніе

www.bibleist.ru

можетъ дѣлиться на двѣ строки въ тупой Евальдовъ метръ. Аллитерація въ лирикѣ не менѣе часто встрѣчается чѣмъ и въ другихъ родахъ поэзіи; часто почти вся пѣсня бываетъ риѳмована.

3. *Метръ пророческій.* Что поэтическій элементъ проникаетъ собою пророчества, это легко можно видѣть изъ содержанія ихъ, часто прямо переходящаго въ пѣсню (Ис. 5, 1—3). Что пророки были вмѣстѣ поэты и музыканты и сопровождали иногда свои изреченія игрою на музыкальномъ инструментѣ, какъ передавались и пѣсни, объ этомъ можно заключать изъ 1 Сам. 10, 5. 2 Цар. 3, 15. На основаніи этихъ свидѣтельствъ нѣкоторые полагаютъ, что, послѣ каждой пророческой строфы, самъ пророкъ, или кто-либо изъ учениковъ его, повторялъ на музыкальномъ инструментѣ мотивъ, соотвѣтствующій строю пророческой рѣчи, которая въ такомъ случаѣ произносилась на распѣвъ, на подобіе пѣсни, какъ и донынѣ на востокѣ народные разскащики и пѣвцы употребляютъ различные пѣсенные напѣвы въ изложеніи разсказа и каждую остановку наполняютъ музыкою (Lane's modern Egyptians t. 2, p. 116). Но метръ пророческій у мазоретовъ причисленъ къ полупоэтическимъ, а не поэтическимъ произведеніямъ. Особенностію этого метра нужно считать растянутость отдѣльныхъ строкъ стиха; здѣсь рѣдко встрѣчаются стихи объема стиха гномическаго, но почти всегда превосходятъ его дважды, а то и трижды. Господствующими акцентами въ отдѣльныхъ строкахъ здѣсь являются вставные члены, особенно закефъ малый и ребіа, повторяющіеся иногда до четырехъ и пяти разъ въ строкѣ, хотя и здѣсь метръ стиха имѣетъ свои предѣлы, и такіе необыкновенно растянутые стихи, какъ Ис. 50, 2, нужно отнести къ погрѣшностямъ пунктаторовъ Библіи. Теорія риѳма мыслей къ пророческой поэзіи болѣе всего неприложима; многіе стихи здѣсь переступаютъ указанныя Евальдомъ границы стиха—пять короткихъ предложеній, напр. Ис. 33, 15 даетъ

www.bibleist.ru

формулу ab, cd, ef. Что касается собственно параллелизма, то большая часть стиховъ здѣсь построены по образцу нашей современной рѣчи, такъ что одна строка безъ другой не имѣетъ смысла Ис. 3, 12. 5, 17. 11, 7. 14. 16, 5. 21, 14. 48, 10. Іер. 4, 15. Іезек. 7. 26 и проч. Древнѣйшія пророческія книги имѣютъ и аллитерацію, которая, особенно у Исаіи и Михея, переходитъ часто въ прекрасную игру словъ. Строфичестое раздѣленіе пророческихъ книгъ самъ Евальдъ принужденъ былъ признать равномѣрнымъ (gleichmässige). Въ частности здѣсь различаютъ *малыя* строфы, обнимающія два три стиха (Іер. 47, 3—7. 46, 3—12), *среднія* строфы, обнимающія четыре пять стиховъ (Ис. 9, 7—10. 23, 1—14. Зах. 12, 1—13) и *длинныя* строфы, обнимающія семь, восемь и болѣе стиховъ (Ис. 7, 18—25).— Къ пророческому метру нужно присоединить еще метръ *драматическій* въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, имѣющій умѣренное разширеніе строкъ, но къ собственно поэтическому метру не причисленный, и метръ *историческихъ* книгъ, который можно назвать спокойнымъ метромъ, но съ полнымъ господствомъ вставныхъ акцентовъ, по значенію близкихъ здѣсь къ грамматическимъ знакамъ препинанія; въ мѣстахъ же поэтическихъ, напр. Втор. 32, Суд. 5 и пр. историческій метръ получаетъ строгую равномѣрность въ объемѣ строкъ и стиховъ.

Кромѣ того, въ каждой отдѣльной священной книгѣ можно встрѣчать оригинальныя особенности въ построеніи метра по акцентамъ, зависѣвшія оттого, что различныя книги св. Писанія были пунктированы въ различныхъ школахъ и различными лицами, которыя, хотя знали духъ и характеръ библейскаго метра, но въ отдѣльныхъ случаяхъ могли то давать мѣсто собственному вдохновенію и музыкально-поэтической изобрѣтательности, то смѣшивать различныя музыкальныя стопы и мелодіи.

Поэтическія книги въ древнихъ манускриптахъ писались иногда съ раздѣленіемъ на строки, но книги полупоэтическія пи-

www.bibleist.ru

сались всегда какъ наша проза. Въ настоящее время въ переводахъ поэтическихъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, подъ вліяніемъ теоріи риема мысли, раздѣляютъ стихи по предложеніямъ въ особенныя строки. Конечно, такое раздѣленіе имѣетъ значеніе; оно непосредственно даетъ видѣть величественную, дѣвственно-прекрасную поступь древней, но доселѣ не потерявшей своей свѣжести и обаянія, мысли, ставящей свои представленія въ наготѣ ихъ рожденія въ душѣ, безъ искусственныхъ покрововъ нашей округленной періодической рѣчи. Но приэтомъ напрасно опускаютъ изъ виду мазоретскій метръ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предложеніе длинно и не соотвѣтствуетъ объему сосѣднихъ предложеній. Съ другой стороны, совершенно излишня заботливость нѣкоторыхъ нѣмецкихъ переводчиковъ выдерживать въ переводахъ стопы нѣмецкой просодіи. Красивая и плавная проза Лютерова перевода заключаетъ въ себѣ гораздо больше внушительности, даже эффекта, чѣмъ всѣ эти версификаціи.

А. Олесницкій.

www.bibleist.ru